

ЦЕНТР КОНСЕРВАТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
КАФЕДРА СОЦИОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ им. М. В. ЛОМОНОСОВА

ЧЕТВЕРТАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Материалы семинаров и конференций
по политологии и политике в современном мире

ВЫПУСК 3

ТЕОРИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Евразийское движение
Москва
2012

ББК 66

Ч 52

*Печатается по решению
кафедры социологии международных отношений
социологического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова*

Главный редактор

Профессор социологического факультета МГУ, д. пол. н. А. Г. Дугин

Редактор-составитель

Н. Сперанская

Научно-редакционная коллегия

Д. ист. н. В. Э. Багдасарян, Альберто Буэла (Аргентина),
Флавиу Гонсалвес (Португалия), д. филос. н. И. П. Добаев,
д.ф. н. А. К. Мамедов, к. ю. н В. И. Карпец, к. филос. н. Н. В. Мелентьева,
Мехмет Перинчек (Турция),
Матеуш Пискорски (Польша), д. филос. н. Э. А. Попов,
Пшемислав Серадзан (Польша), к. филос. н. В. В. Черноус

Ч 52 Четвертая Политическая Теория: Материалы семинаров и конференций по политологии и политике в современном мире (вып. 3) / [под. ред. А. Г. Дугина; Ред.-сост. Н. Сперанская]. - М.: Евразийское движение, 2012. – 314 с., ил.

Сборник составлен на основе материалов международной конференции «Теория многополярного мира», проходившей в мае 2012 года в МГУ им. М. В. Ломоносова, а также круглых столов, интервью и научных семинаров, организованных Центром Консервативных Исследований Социологического факультета, Международным «Евразийским Движением», интернет-порталом granews.info.

Все переводы иностранных текстов осуществлены сотрудниками и аспирантами кафедры социологии международных отношений социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и ЦКИ.

ББК 66

© «Евразийское движение», оформление, 2012

© Авторы, тексты докладов и статей, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. К многополярному миру (КРУГЛЫЕ СТОЛЫ, ИНТЕРВЬЮ, ДИАЛОГИ С ФИЛОСОФАМИ, ПОЛИТОЛОГАМИ, МЕЖДУНАРОДНИКАМИ)

Понимание многополярности (дефиниции, позиции, критика)	7
<i>Александр Дугин.</i> Борьба с США в их нынешнем виде – это категорический императив человечества	39
<i>Леонид Савин.</i> Автаркия больших пространств адекватна для проекта Евразийского Союза	46
<i>Александр Дугин.</i> За нами народ и истина	54
<i>Януш Бугайски.</i> Ни одна отдельная держава, включая США, не может предопределять судьбу мира	65

РАЗДЕЛ 2. Многополярность: разработка теории

<i>Александр Дугин.</i> Евразийство и многополярность - абсолютные императивы будущего	75
<i>Александр Дугин.</i> «Политейя» в Теории Многополярного Мира . .	81
<i>Александр Дугин.</i> Концептуальные подходы к понятию «цивилизация»	89
<i>Юре Вуич.</i> В поисках идеального мира	99
<i>Леонид Савин.</i> Будущее многополярное мироустройство. К вопросу деконструкции терминологии	106
<i>Андре Роберто Мартин.</i> Регионализация Мирового Пространства. Каков наш Блок?	114
<i>Натэлла Сперанская.</i> «Мир без Запада» или завершение эры однополярности	130
<i>Натэлла Сперанская.</i> «Антигегемонистская» доктрина или ответ на вызов американского проекта	139
<i>Натэлла Сперанская.</i> Многополярный мир. Новые акторы, новые вызовы	144

<i>Сейед Гасем Закери. Духовно-нравственные, культурные и гуманитарные аспекты в создании модели многополярного строя . . .</i>	160
<i>Егор Чурилов. Многополярность как эволюционный этап</i>	154
<i>Антон Заньковский. Онтологические основания многополярного мира. Опыт генеалогии западного Ничто.</i>	171
<i>Томас Ренард, Свен Бишоп. Необходимость стратегии в многополярном мире: рекомендации для ЕС после Лиссабона</i>	155
<i>В. В. Желтов, М. В. Желтов. К вопросу о методе геополитики в условиях многополярного мира</i>	183
<i>Иммануил Валлерстайн. Наступление многополярности</i>	193
<i>Альваро де Васконселос. Многополярность, становящаяся «многосторонней»</i>	205
<i>Ю. А. Матвиенко. Парадоксальная логика и её вклад в геополитику XXI века</i>	229
<i>Е. Н. Грачиков. Взгляд Китая на современное мироустройство и многополярность</i>	241
<i>А. Ковалева. Идеология и геополитика: точки соприкосновения .</i>	249
<i>Е. Мяло, Г. Диких. БРИКС: Становление многополярности мира к 2050 году. Новые угрозы и возможности.</i>	252

РАЗДЕЛ 3. ИСЛАМ, МНОГОПОЛЯРНОСТЬ И ГЕОПОЛИТИКА СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА

Евразийская стратегия общей победы	263
Сирия: Атлантистская стратегия дезинформации в действии. . . .	270

РАЗДЕЛ 4. РЕЦЕНЗИИ

Дынкин А. А., Иванова Н. И. Россия в полицентричном мире. . .	307
Fabio Petito. The international political thought of Carl Schmitt: terror, liberal war and the crisis of global order.	308
Дугин А. Теория многополярного мира.	309

Раздел 1.

К многополярному миру

*(круглые столы, интервью, диалоги с философами,
политологами, международниками)*

Понимание многополярности (дефиниции, позиции, критика)

- Как Вы воспринимаете современный миропорядок? Считаете ли его справедливым? Если да, то почему. Если нет, то как следует его изменить?

Клаудио Мутти (профессор, идеолог итальянских евразийцев, главный редактор журнала «Евразия»): Если как наследники греческой культуры мы принимаем точку зрения Аристотеля и считаем, что порядок является гармоничным устройством (ταξίς), которое вызвано универсальным интеллектом (νοῦς), тогда мы должны сказать, что нынешняя международная система не только не справедлива, но также не может быть названа порядком. Она не является порядком, поскольку основана не на разуме (νοῦς), но на вожделении (ἐπιθυμία), т.е. на том неумеренном аппетите, который исторически проявляется как ростовщический империализм, и представлен в своей высшей степени Соединенными Штатами Америки. Нынешняя международная система несправедлива, потому что справедливость означает каждому воздавать свое (suum cuique tribuere), в то время как эта система не только отказывает людям в должном, но и лишает их земли и воды, как, например, в Палестине под игом сионистов. Тогда однополярная система обнажает себя в качестве всемирной тирании. Но эта тирания начинает колебаться, так как появление других континентальных держав предвосхищает будущее рождение более справедливого мира, чем нынешний.

Даниэле Скалеа (заместитель главного редактора итальянского журнала «Геополитика», ученый секретарь римского Института продвинутого изучения геополитики и вспомогательных дисциплин (IsAG): Сегодняшняя система международных отношений характеризуется несколькими отличительными чертами:

1) закрытая мировая окружность - с XV века географические открытия и совершенствование транспорта и коммуникационных технологий *de facto* создали «единый мир». Происходящее в любой стране эхом отдается по всему миру. Кто получает достаточное превосходство в силе, тот стремится к построению мировой империи;

2) монополизация силы - процесс глобализации, начавшийся в XV веке, был сопряжен до сегодняшнего дня с прогрессивной концентрацией мощи на стороне Запада, и, в конечном счете, на стороне гегемонии одной нации - США;

3) совсем недавняя тенденция многополярности - сейчас гегемония США начала давать сбои и однополярный мир стал заметно хромать. После нескольких веков однополярного владычества Запада, а затем лишь Северной Америки, разбросанные по всему миру потенциальные силы, начинают выходить на мировую арену.

Таким образом, мировой порядок стремительно меняется. Мы, вслед за итальянским геополитиком Тиберио Грациани, утверждаем «переходную фазу однополярности», которая является промежуточной между нисходящей однополярностью и восходящей многополярностью. Однополярный порядок, конечно же, стабилен, но глубоко несправедлив: единственная сверхдержава решает судьбу всех нас. Многополярный мир будет менее стабильным, но, напротив, более честным, так как высокомерие одного будет ограничено действием других центров силы.

Флавиу Гольсальвес (главный редактор геополитического журнала «Finis Mundi»): У меня весьма негативное представление о нашем современном мире. Это мир, где Экономическое (банки) главенствует над Политическим (правительства). Ряд исследований показал, что прибыль оказывает на мозги многих людей такое же воздействие, как кокаин; для более подробного ознакомления я рекомендую обратиться к документальному фильму Чарлза Фергюсона «В работе» (Inside Job). Так что нам не следует ожидать того, что банкиры, респектабельные политики или крупные капиталисты будут действовать рационально. Они столь же рациональны, как пятидолларовая шлюха, «подсевшая» на крэк. И как знает каждый, знакомый с наркоманами, слово «честность» не входит в их словарь. Однако мы доверяем таким людям управление нашим миром.

В течение многих лет наши коррумпированные политики «откачивали» банкам и спекулянтам за ту поддержку, которую те, в свою очередь, оказывали политикам, финансируя их избирательные кампании. Политики расплачивались с бизнесменами, отменяя государственный контроль над экономикой. Это все равно, что назначить алкоголика управляющим ликероводочного завода – это ведь не может закончиться хорошо, не так ли? В любом случае, люди, попавшие в зависимость, эгоистичны, а эгоизм никогда не бывает справедливым. Потому-то и система несправедлива сверху донизу.

Как ни печально, но я думаю, что изменения возможны единственно в том случае, если людей оставить на голодном пайке, и лишить их тех иллюзий, которыми, начиная с 1945 года, их пичкают мейнстримные журналы и телевидение. Может быть, изменения станут возможными после новой мировой войны... Простите, но мое видение очень пессимистично. Понимаете, всего несколько десятилетий назад, кризис, подобный нынешнему, привел бы к всеобщему восстанию, политики и банкиры болтались бы на виселицах или были бы брошены в тюрьму, но современный человек чересчур «одомашнен». Он предпочитает умереть в одиночку в тишине своего комфортабельного дома или даже покончить жизнь самоубийством (в Греции количество самоубийств выросло на 17%, во Франции десятки человек кончают с собой, оставляя предсмертные записки с обвинениями в адрес работодателей)...

Люди скорее сведут счеты с жизнью, нежели восстанут или изменят свои электоральные предпочтения в пользу революционных партий – при таких общественных унастроениях положение вещей может измениться лишь тогда, когда Система окончательно сгниет и коллапсирует.

Алессандро Латтанцио (итальянский политолог, редактор журнала «Евразия»): Ну да, эта система, этот порядок, не сбалансирован, но, как и любая несбалансированная реальность, меняется в сторону того, чтобы установить правильный баланс.

Андреа Фаис (итальянский геополитик): Нынешний мировой порядок – результат двух крупных событий 90-х: капиталистической и либеральной контрреволюции в Советском Союзе и формирования общего рынка и денежной системы Евросоюза. Эти два параллельных процесса сделали Североатлантический альянс сильнее, чем

раньше, в силу распространения военного могущества Соединенных Штатов на Восточную Европу, от Балтики до Балкан, и в силу капиталистической стабилизации европейского геополитического пространства, важность которого часто подчеркивал Збигнев Бжезинский в своих работах. Роспуск Варшавского договора и геостратегическое ослабление России довершили дело.

Сегодня Европейский союз платит ужасную цену за свою военную и экономическую зависимость от Соединенных Штатов: в Италии, в Греции, в Испании и Португалии рабочим и представителям малого бизнеса угрожает полное разорение из-за финансового кризиса и новых жестких экономических мер, а решения, принятые брюссельской правящей элитой, полностью направлены на то, чтобы предоставить финансовую поддержку системе частных банков. Все это выглядит абсурдно, поскольку складывается впечатление, что они хотят вознаградить тот сектор экономики, который несет ответственность за финансовый кризис, вызванный спекуляциями и мошенничеством. В это же время наши страны продолжают тратить общественные деньги, дабы обеспечить военную поддержку империалистических инициатив, исходящих из Вашингтона и Лондона.

Ситуация, в которой мы находимся – яркий пример присущей капитализму высокоразвитой способности воспроизводиться во времени и пространстве, способности, демонстрирующей нам ошибочность марксистского оптимизма и догматизма. Капитализм никогда не находился на «последней стадии своего упадка», и он не может самоуничтожиться; уничтожение возможно лишь с помощью военной и политической силы Партии и Армии, поэтому следует начинать со строительства социализма в отдельно взятой могущественной стране. Однако, в определенном смысле, упомянутая интуиция Маркса может быть рассмотрена как реалистичное предвидение: капитализм, во всяком случае, мог бы создать базу для своего уничтожения. У глобализации было две стороны. Одна, худшая – силовые попытки распространения американской гегемонии на весь остальной мир. Но другая сторона представляла собой распространение по всему миру новых технологий и новых экономических возможностей. И эта быстрая модернизация могла бы, безусловно, предоставить возможность для развивающихся экономик, и стратегических национальных систем, таких как Китай, Индия, Пакистан или Бра-

зилия. Это могло бы вызвать изменения и создать шанс для построения многополярного мира.

Ярослав Томашевич (польский учёный и публицист, доктор политических наук): Нет, мировая система несправедлива. Почему? Поскольку эта система отличается высокой степенью иерархичности, а в каждой системе Ядро эксплуатирует Периферию. Как бы то ни было, я не могу представить себе какую-либо действительно не иерархичную систему.

- С Вашей точки зрения глобальная американская гегемония является благом или злом для народов планеты? Что в ней является определяющим: военная мощь, навязывание всему миру своей культуры, финансово-экономический фактор?

Клаудио Мутти: Понятно, что проект американской однополярной гегемонии основан на комбинации различных факторов. Существует военный фактор, который состоит в глобальной сети военных баз. Существует экономический фактор, который состоит в экспро-

приации богатств народов и плодов их труда с помощью американских ростовщических учреждений. Существует культурный фактор, состоящий в колонизации повседневной жизни, проявленной не только в символике, искусстве, музыке, гастрономии и развлечениях, но также и в хайдеггериянском “Доме Бытия” (“House of Being”), т.е. в языке: на самом деле, даже если мы не обязаны общаться между собой на английском, как правило, мы вводим заимствования именно из английского языка в наши дискурсы. Но в гегемонистском проекте США есть и мощный «религиозный» фактор: секуляризованный мессианизм, основанный на заявленном божественном освящении старых завещанных порядков, пародийной инверсии, в которой мои русские друзья легко распознают отличительную черту антихриста.

Фабио Фальки: Прежде всего, необходимо понять, что, согласно Карлу Шмитту, пустое, нейтральное и неопределенное пространство, благодаря которому стала возможна британская талассократия, оказалось замещено новым «глобальным» пространством, формированием которого на протяжении всего 20 века занимались масс-медиа и транспортная инфраструктура. Таким образом, британский морской аристократизм оказался замещен бесконечным воздушным эгалитаризмом (*So, British thalassocratic hybris flows into the conquering of infinite air aequor*). И между этими двумя различными моментами существует логическая связь. Именно США является той современной мировой гегемонистской силой, которая вобрала в себя эти моменты, сделала их определяющими для себя.

И хотя за этим стоит логическое разворачивание обыкновенной необузданной жажды власти свойственной для талассократии, рассматриваемая нами власть основывается на искоренении любых других характерных черт, кроме этой. Основополагающие для греков и европейской цивилизации понятия «предела», «пропорции» оказались забыты и уничтожены. Эта жажда власти показала свое истинное лицо, пытаясь покорить «другие» времена, места и народы после падения Советского Союза, игравшего роль катехона — удерживающего, поскольку Советский Союз в некотором смысле препятствовал и ограничивал распространение «негатива» со стороны США. И, тем не менее, фурор, устроенный *homo occidentalis* (человеком западным) неизменно наталкивается на сопротивление

со стороны тех, кто не склонен к уничтожению своих корней и замене их на иллюзорную и сиюминутную свободу. Даже мощная голливудская машина масс-медиа наталкивается (к счастью) на серьезные препятствия на этой сцене. Вот почему нео-атлантистская униполярная система вероятнее всего уже проиграла, спустя двадцать лет после падения Берлинской стены. Это означает, что еще возможен диалог (dia-logos), основанный на взаимном признании разных идентичностей с сохранением глубинных корней каждого из народов в противовес гомогенно-тоталиристическому глобальному пространству, сформированному США. В противовес ризоме, так органично вписанной в мировой рынок, идентичность которого зиждется на отрицании любых других идентичностей и упразднении любых различий.

Даниэле Скалеа: США установили свою гегемонию посредством экономического господства. Со времен Второй Мировой войны экономическое господство США постепенно снижалось, но Вашингтон был в состоянии подменить его финансовой гегемонией (основанной на связке нефть-доллар): это примерно то же самое, что Великобритания проделала во второй половине XVIII века в преддверии своего индустриального заката. Более того, США застолбили за собой набирающую силы «культурную индустрию», которая развивала и продолжает развивать свою «мягкую силу» (soft power).

В некотором смысле эта «мягкая сила» столь незначительно «мягкая» и настолько «сильная», что походит скорее на совершенную машину «культурной колонизации». Несмотря на это, сегодняшняя гегемония США все же по преимуществу военная. США тратят на военные расходы больше средств, чем все ее потенциальные соперники и конкуренты вместе взятые, имея в виду не только войны, но и поддержание своего военного присутствия в целом ряде стран. В частности, суммарная военная мощь США является непревзойденной по сей день.

Флавиу Гонсальвес: Американская гегемония - это факт, и в первую очередь эта гегемония – культурная. В детстве мы все смотрели телесериалы, ходили в кинотеатры, были заморожены Голливудом. Наши дети и подростки усваивают американскую культуру, благодаря Супермену и Человеку-Пауку. Американская культура – эта некая система франшиз: одежда, еда, даже субкультуры и политические

институты, сделанные по американским лекалам. Мы воспитаны на американской мечте, американском гламуре, кинознаменитостях, поп-звездах – и всё это куда более эффективно, чем все американские авианосцы со всей своей бомбардировочной авиацией.

Если в какой-либо стране есть такая американская франшиза, то это значит, что эта страна «современная и имеющая будущее». Военные базы все еще воспринимаются как вмешательство во внутренние дела, и американское правительство обычно платит некую компенсацию правительствам стран, которые разрешают американцам разместить казармы на своей территории. Однако если транснациональная компания, торгующая одеждой или едой, желает открыть фабрику или сеть магазинов в любой стране, в любой части мира, будь то Европа, Азия, Австралия, Южная Америка или Африка, местное или национальное правительство с радостью предоставит этой компании все виды налоговых послаблений, земельные участки и разные компенсации. Правительство будет считать это благом для экономики и в целом для имиджа страны в мире. Таким образом, мы с радостью платим за то, чтобы нас «культурно колонизировали».

Алессандро Латтанцио: Как и любой империализм, он нуждается в своей доктрине и сочлененной идеологии, не только для того, чтоб оправдать свое существование, но также, чтоб дать основной ориентир, с которым может развивать долгосрочную и дальновидную стратегию. Идеология глобализации (вчера колониализм, меркантилизм и т.д.) всегда была идеологией империализма, сегодня обновленного введением концепции культурной и коммуникативной гегемонии, в дополнение к комбинации политической, военной, экономической и промышленной гегемонии.

Андреа Фаис: Американский империализм – это нечто особенное. Данная разновидность доминирования очень отличается от старого европейского колониализма, если говорить о его стратегии экспансии. Во всяком случае, попытка установить господство над миром очень изощренным способом. Возьмем это интервью: вы – русская, я – итальянец, а говорим мы по-английски. В определенном смысле, можно сказать, что англо-американская система победила. Но, как отмечал Самюэль Хантингтон, такая интерпретация была бы иллюзией, и этой иллюзии поддались все правящие элиты Белого Дома, начиная с 1992 года. Это обманчивое распространение

американской культуры, фильмов, еды и т.п. абсолютно не гарантирует глобального доминирования системы. В своей знаменитой работе «Столкновение цивилизаций» Хантингтон обращает внимание на возникшие в XIX веке феномены японского «вакон-ёсай» и китайского «ти-юн» - принципа технической модернизации без вестернизации. Президент Ху Цзиньтао не так давно выразил волю к сохранению китайских традиций (важный аспект социалистической политики Китая, принятый ЦК КПК) и к защите традиций от любых опасных западных культурных влияний.

Незападные культуры могут выбрать три пути на политической «дорожной карте». Первый – сохранение исконной культурной идентичности посредством того процесса модернизации, о котором говорил Ху Цзиньтао. Второй путь – тотальная закрытость, неприятие любого западного влияния (примером могут служить экстремистские исламские движения или группы последователей Линь Бяо), и последний вариант – нечто подобное турецкой кемалистской модели: и модернизация, и вестернизация. Я думаю, что первый путь – модернизация без вестернизации, мог бы стать ключом к многополярному миру и началом конца империализма.

Две других «дорожных карты» ведут к провалу, и они различным образом делают капитализм лишь сильнее. Не секрет, что американский империализм контролирует и стратегию нео-османской Турции в ходе «арабской весны», и экстремистские религиозные или политические движения на Ближнем Востоке или в Тибете. Вашингтону нужно остановить любого своего возможного глобального соперника, и поэтому США распространяют хаос и нищету у границ потенциально опасной державы. Различные нелепые формы экологизма или какая-нибудь религиозная реакционная идеология, продвигаемая в незападных регионах мира, могут быть очень сильным инструментом американского контроля и доминирования. То же касается и всплеск ультранационализма, раскалывающих большие и монолитные геополитические пространства.

Ярослав Томашевич: Американская гегемония представляет собой сочетание экономических, политических, военных и культурных факторов, которые усиливают друг друга. Но, по моему мнению, США – не причина, но лишь инструмент глобализации. Проблема не в США, но в дегуманизирующем влиянии глобальной технократии.

Мировая Империя, Imperium Mundi - это не «Великие США», но идеологический проект «открытого общества» («невидимая империя» или «виртуальное сообщество» без территории или общества), и США являются лишь материальной базой («рукой») этой Империи. Подобно тому, как СССР был «отечеством для мирового пролетариата», США – «родина высшего среднего класса». Безусловно, США были предназначены сыграть роль движущей силы либерализма, поскольку это нация без традиции.

- Какие государства или группы государств, социальные или политические силы могут бросить вызов американской гегемонии?

Клаудио Мутти: Гегемонии США может бросить вызов только держава или блок держав, обладающие теми же ресурсами, что позволили США захватить мир: континентальные размеры, демография, технологии, промышленный потенциал, ядерное вооружение, культурный престиж, сильная политическая система, воля к власти. Только Евразийский союз и Китай могут стать сильнейшей частью такого континентального блока, который будет в состоянии изгнать США из нашего полушария.

Даниэле Скалеа: Мы можем описать два вида таких «вызовов» американской гегемонии. Первый - это так называемая «ось зла» или «ось сопротивления»: такие страны как Иран, Северная Корея, Венесуэла, Сирия, Белоруссия и так далее. Эти страны противостоят США преимущественно по идеологическим причинам, и поэтому их «антагонизм» кристально ясен, силен и понятен. Но ровно по той же причине смена режима в этих странах может привести к настоящей «смене правил игры», которая уведет их от фронтального противостояния в лагерь прикормленных союзников гегемона. Тогда мы будем иметь дело со вторым видом «вызовов», которые уже появились, появляются и будут еще появляться.

Таковыми мы можем представить Россию, Китай, Бразилию и т. д. Эти страны не столь жестко идеологически заточены против США, но их подъем действительно входит в резонанс с американской гегемонией. Смена режима в этих странах может привести к беспорядку и дестабилизации, но не к созданию союза, потому что их «антагонизм» - это судьба, а не выбор. В большинстве случаев даже геопол-

литическая судьба. Россия и Китай - это две великих континентальных державы Евразии, сухопутные державы - оппоненты морской силе, представленной в лице США. Бразилия - южный эквивалент США и Северной Америки, и она будет таковой, даже если ей не удастся выйти к тихоокеанскому побережью, и она останется моноокеанической страной.

Что касается политических и социальных сил, здесь я могу говорить с полным знанием фактов итальянской ситуации. Я заметил, что после десятилетий «атлантистской ортодоксии» все в той же части элиты поднимается все большая обеспокоенность по поводу контраста интересов США и Италии. До недавнего времени лишь крайне левые и крайне правые группки в Италии отваживались открыто бросать вызов атлантистской ортодоксии.

Сейчас же темы вроде необходимости встраивания в появляющуюся ситуацию многополярности или выгоды от возможного альянса с Россией признаются в официальном дискурсе итальянских элит, и все это во многом благодаря работе, проделанной за последние десять лет, геополитической школой Тиберио Грациани (членом которой я себя с гордостью называю).

Парадоксально, но главными врагами этого нового «мультиполярного» подхода в Италии становятся вышеупомянутые итальянские «экстремисты», которые эксплуатируют эти темы в качестве политических слоганов, смешивая их с отвратительной антисемитской риторикой и другими сверхрадикальными планами. На деле же они лишь раскручивают интерес к теме итальянско-российского союза. Осталось лишь разоблачить их статус агентов-provокаторов.

Флавиу Гонсальвес: Китай, Россия, Индия, Иран и Бразилия, в силу их географического положения. В этот список также можно включить Венесуэлу (если ей удастся удержать курс Уго Чавеса) и Мьянму, если она сумеет сохранить свой режим Третьего Пути. Но я испытываю некоторый скепсис в отношении Бразилии. Вне зависимости от ее правящего режима, бразильские банки и корпорации функционируют точно так же как американские, и я не вижу никаких изменений в этом смысле.

Что же касается политических сил, способных бросить вызов американской гегемонии, то они в каждой стране свои. В каких-то странах сопротивление могут возглавить националисты (думаю, что

это может быть «Национальный фронт» во Франции, Партия свободы в Австрии, «Шведские демократы» и т.д.), где-то это произойдет благодаря религиозным лидерам (например, это может быть шиитский ислам в Ливане, Иране и Сирии), в каких-то странах еще сильны коммунисты (Куба, Китай и Северная Корея). У каждой страны – своя реальность и история. Сегодня нет какого-то Интернационала, как во времена СССР.

Алессандро Латтанцио: Без сомнения, это большие державы Азии и Евразии: Россия, Китай, Индия, Иран, Индонезия, а также группа Латиноамериканских интеграционистских государств. Коалиция этих держав, ШОС, БРИКС, УНАСУР, имеют необходимую критическую массу для того, чтоб установить новый многополярный порядок.

Андреа Фаис: Ответ зависит от наличия технологических и стратегических сил, которые может задействовать та или иная страна. Россия и Китай в настоящий момент – два основных соперника Соединенных Штатов на мировой арене. У КНР, безусловно, более цельная политическая система, чем у Российской Федерации. Политическая система Китая основывается на старомодной патриоти-

чески-коммунистической форме правления, в сочетании с имеющей решающее значение политикой, которая направлена на осторожное и ответственное вхождение в мировой рынок, что гарантирует высокий социальный и технологический рост. Даже если сближение Китая с мировым сообществом основывается на старом, сформулированном Чжоу Энлаем, принципе «невмешательства» во внутренние дела других стран, Пекин развивает глобальную стратегию, направленную на сдерживание агрессивного поведения НАТО. Возможно, что в очень скором времени мы увидим в Африке некое подобие Холодной войны. В определенном смысле, мы уже видели это, но в Ливии и Судане китайские позиции были пока еще слишком слабы для того, чтобы противопоставить империалистическим играм Запада свою контр-стратегию.

Как бы то ни было, и Россия и Китай являются единственными незападными великими державами. Они полноправные члены Совета Безопасности ООН, у них есть ядерное оружие и сильный ВПК. В особенности, Россия в состоянии создать очень сильную стратегию. Российская Федерация обладает крупнейшими запасами нефти и газа в мире, одними из самых больших запасов угля, железа, урана и других необходимых полезных ископаемых. Крушение Советского Союза было ужасным событием не только в политическом смысле, но также и по своим геополитическим последствиям. Стратегическое пространство России должно быть немедленно восстановлено, президент Владимир Путин должен ускорить работу над проектом создания Евразийского Союза. Без естественных коридоров, соединяющих с Югом и Западом (Центрально-Азиатский регион, Беларусь и Украина), у России не будет возможности реализовать свой истинный потенциал. Исходя из всех этих соображений, я полагаю, что Таможенный союз с Казахстаном и Беларусью надо рассматривать лишь как первый шаг к воплощению более широкого и значительного плана: Кремлю нужно безотлагательно приступить к реализации плана социального и экономического подъема, что потребует стабилизации таких бедных государств, как Киргизия и Таджикистан. В этом смысле альянс с Казахстаном будет основным, базовым элементом. Президент Назарбаев – один из самых влиятельных лидеров в мире, и еще много лет назад он выдвигал идею Евразийского Союза. В еще большей степени Владимиру Путину понадобится

укрепить Союз, включив в него Украину, чье пребывание в статусе независимой державы - нелепость. Киев – историческая колыбель русской культуры и общества, но сейчас это бомба с часовым механизмом, всегда готовая взорваться, что мы и наблюдали в ходе оранжевой контрреволюции 2004 года.

Ярослав Томашевич: Сила Ядра – в его центральном положении. Не существует системы без Ядра и разнообразных периферийных элементов, которые противостоят не только Ядру, но также и друг другу. Я не знаю, есть ли какая-то возможность, например, для оси Москва-Пекин. Что сильнее - сближение или антагонизм? Единственным настоящим противовесом Ядру могла бы стать широкая коалиция всех элементов Периферии, но у этой коалиции нет идеологического связующего элемента. Такого рода коалиция нуждается в идеологической альтернативе либеральному универсализму – некий «пан-партикуляризм», который принимал бы каждое различие. Но такая идеология была бы заражена релятивизмом, и вследствие этого она станет копией либерального мультикультурализма.

- Как вы относитесь к идеям глобализма, «One World», мирового правительства?

Клаудио Мутти: Полвека назад Эрнст Юнгер предсказал Weltstaat как венец глобализации, как неизбежный результат влияния мировых сил, таких, как техника и экономика. Хотя Юнгер и признает, что особенностью человека является свобода воли, тем не менее, он считает, что человек, как «сын земли», включен в космический процесс, предопределенный силами, превосходящими человеческую свободу. Можно ответить, что, согласно даосской доктрине, подлинный человек (“True Man”) является *par excellence* “Сыном Неба и Земли”, так что его воля, сознательно кооперируя с небом, может уравновесить земные влияния и обезвредить их.

Фабио Фальки: Мысль о мировом правительстве отвратительна сама по себе и основывается на вере в то, что «политическое измерение», а, следовательно, и столкновение интересов не является судьбоносным для человечества. Это абсолютно неверно. На сегодня мы имеем новые геополитически значимые фигуры – это страны БРИК, Шанхайская организация сотрудничества, Евразийский Союз

и, конечно, Европейский Союз. А это, даже если они и не заменяют собой государства-нации, демонстрирует очевидность того, что такой тип существования слишком ограничен, чтобы быть конкурентоспособным в 21 веке, веке политических вызовов. Таким образом, мы видим обоснованность шмиттовской теории «Большого пространства» (Grossraum teorie), согласно которой между будущим утопической мировой гармонией и прошлым прежних географических пространств в течение некоторого времени будет существовать формация больших пространств. А это в свою очередь побудило Шмитта к зарисовке «иконографии» различных геополитических сущностей (под «иконографией» понимаются различные картины мирового устройства, как их видят разные религии и традиции).

Даниэле Скалеа: Мировое правительство теоретически вполне возможно в эпоху глобализации, но практически очень трудноосуществимо. Конечно, с моей точки зрения, такое управление из единого центра нежелательно по следующим причинам:

1) если правит лишь один, отдельные личности и народы будут менее свободны;

2) если в мире появляется одна сверхдержава, ее мощь становится практически необузданной и неконтролируемой, и практически ничто не сможет ее остановить, когда она начнет скатываться к абсолютному злу;

3) если в мире останется лишь одно Государство, любой конфликт в нем будет, по сути, гражданской войной, которая обычно куда более жесточечна, чем межгосударственные войны.

По этим причинам я думаю, что перспектива «мирового правительства» скорее ночной кошмар, чем мечта.

Флавиу Гонсальвес: В Европе и Соединенных Штатах наблюдается значительный рост сепаратистских и сецессионистских движений. То, что империи сохраняются, противоречит человеческой природе. Это единственная причина, по которой у нас до сих пор нет единого мирового правительства. Но есть всемирная федерация государств - ООН. НАТО, начиная с войны в Ираке, действует как единая мировая армия. Существует и единый мировой банк, учитывая то, что большинство банков мира имеют одних и тех же акционеров или зависят от этих акционеров.

Возможно, поскольку банки объединены (и, как мы теперь знаем, банки контролируют правительства), можно вести речь о едином мировом режиме или о единых правилах. Но не о едином мировом правительстве, по крайней мере, до следующей мировой войны. Это нежелательно, но, к сожалению, уже возможно: мировая система уже существует под прикрытием НАТО и международных финансов.

Алессандро Латтанцио: Это невозможно и нежелательно. В последние двадцать лет этот процесс произвел социально-экономическую разруху и непрерывно производит войны. Особенно - неустойчивой империей, которая распространила нестабильность во всем мире только для того, чтоб навязать гегемонию, которой у нее нет, и которую она не способна обеспечить.

Андреа Фаис: Правительство Единого Мира? Я читал об этом в «Утопии» Томаса Мора, но нигде более не слышал. Это невозможно. У нас пять континентов, множество наций и регионов, различные культуры, традиции, языки. Но это не значит, что национализм – ответ на глобальные вызовы. Мы должны избрать нечто среднее, и абсолютно отличное от этих крайностей. Мы должны отбросить западную концепцию национализма, которая, в конце концов, приводит, в той или иной форме, к империализму. При этом нам следует отвергнуть и космополитизм, который весьма скоро приводит к разрушению национальной культуры.

Думаю, что наиболее предпочтительный мировой порядок заключался бы в создании восьми или девяти больших континентальных или субконтинентальных пространств – некоего подобия конфедераций, включающих в себя сходные нации и родственные народы, способные сосуществовать и организовываться в наилучшую для себя политическую форму. Социальная справедливость и широкая морализация общества должны быть общим принципом для всего человечества. В остальном же, думаю, каждое «общее пространство» могло бы жить, следуя собственным обычаям и традициям, не допуская агрессии одного сообщества против другого. Конечно, это моя личная мечта, и надежда, присутствующая в моих политических воззрениях. Наверное, мы не увидим такого в ближайшие двести или триста лет.

Ярослав Томашевич: Я считаю, что идея мирового правительства попросту утопична. Не думаю, что создание мирового прави-

тельства возможно – но, по моему мнению, глобалистские элиты заинтересованы лишь в контроле над некоторыми стратегическими точками и отраслями, которые сделали бы невозможным создание какого-либо альтернативного центра власти. На мой взгляд, ни одна теория в отдельности не может описать реальное положение вещей. Нам следует использовать сочетание цивилизационной теории Феликса Конечного (модифицированной, но упрощенной Самюэлем Хантингтоном), теории зависимости (развитой в «мир-системную» теорию Иммануила Валлерстайна), биополитическую концепцию Лешека Мочульского и классические геополитические теории.

- Как вы относитесь к идее многополярного мироустройства? Что для Вас многополярность? Многополярная мировая система предпочтительнее однополярной?

Клаудио Мутти: Безусловно, многополярный порядок лучше, чем однополярный или биполярный, потому что он гарантирует более справедливое распределение геополитических благ. Как это могло бы выглядеть? Латинская мудрость учит, что “любое сравнение неубедительно” (*every comparison lames*), тем не менее, идея многополярного мира заставляет меня думать о проекте царя Александра I в пределах всего евразийского масштаба: своего рода новый Священный Союз, в котором в роли прежних европейских империй выступают геополитические полюса, возникающие на всем континенте. Индо-Латинское континентальное единство завершило бы многополярную панораму, а Соединенные Штаты были бы исключительно Северо-Американской державой, если предвидение господина Панарина окажется верным.

Фабио Фальки: В конце 80-х атлантизм и сионизм стали фундаментом для новой униполярной американской международной системы. Цель ее состояла в том, чтобы навязать турбо-капиталистическую логику всему миру и предотвратить появление новых фигур на геополитической сцене, способных изменить правила этой «Великой игры» себе в угоду. Сейчас мы находимся в ситуации, когда «однополярность» проиграла, но нет и подлинной «мультиполярности». Очевидно, роль США изменилась – сверх-сила, которая в 90-е находилась в шаге от доминирования над Евразией и даже всей планетой,

теперь не имеет экономики, способной обеспечить для страны всеобщее благоденствие, что позволило бы США играть роль мирового стража не только гасящего свои долги при помощи иностранных капиталов, но также не позволяющего появиться каким-либо «мультиполярным» трендам, саботирующим американскую гегемонию.

И, несмотря на это, следует напомнить, что мы не знаем ни одного закона мировой истории, согласно которому американская талассократия должна сойти на нет. Вероятнее всего вектор стратегических инициатив останется в руках Америки до тех пор, пока новый национальный блок не перехватит этот вектор, что позволило бы доминировать уже Евразийскому континенту.

Даниэле Скалеа: Конечно же, многополярный мир сейчас на подъеме. И до 1945 это еще нельзя было с той же уверенностью констатировать. Многополярность - это динамический порядок: каждая великая держава сдерживает и уравнивает другие. В этом смысле многополярный порядок глубоко демократичен по сравнению с олигархическим двуполярным и тираническим однополярным порядком. (Парадоксально то, что США, которые используют демократические ценности в качестве своей национальной идеологии, в международных отношениях столь вызывающе антидемократичны). Очевидно, что многополярный мир более нестабилен, но, в то же время, более справедлив.

Многополярный порядок глубоко демократичен по сравнению с олигархическим двуполярным и тираническим однополярным порядком: США в международных отношениях вызывающе антидемократичны.

Многополярность была нормой прошлого. Так как уже наступила эпоха глобализации, когда улучшаются коммуникации и средства связи, новый многополярный порядок будет отличаться регионализацией: каждый вновь возникающий полюс уже сейчас старается выстроить свою «сферу влияния» со своими соседями, сферу, основанную не на грубом силовом господстве, но на взаимовыгодной многосторонней интеграции. В Евразии эти процессы происходят вокруг России, а в Южной Америке - вокруг Бразилии. Для Пекина этот вопрос стоит острее, потому что вокруг Китая почти нет мелких государств, но лишь другие великие державы: Россия на севере, Япония на востоке, Индия на юге. А на западе - сфера противоборства

с государствами Центральной Азии. США эксплуатируют эти точки геополитической напряженности для поддержания собственной гегемонии, следуя старой стратегии *divide et impera*. Важно отметить при этом, что возникающие полюса, особенно в Евразии, активно между собою сотрудничают.

Флавиу Гонсальвес: Есть несколько полюсов, которые все еще изо всех сил борются за увеличение своего влияния. Это полюс лузофонии – сообщества португалоязычных стран, который все еще не осознал свой потенциал (следует напомнить, что португалоговорящие страны есть на всех континентах, единственное исключение – Антарктида). Это пан-латинский полюс, о котором, кажется, никто не подозревает: Италия, Испания, Португалия плюс вся Латинская Америка. Сама по себе Южная Америка представляет серьезный геополитический полюс.

Многополярное устройство было бы желательным. Разнообразие всегда предпочтительнее, чем монополия. Однако я начинаю задаваться вопросом – не достигли ли мы точки невозврата. За исключением Венесуэлы и Ирана не существует настоящей оппозиции однополярному американскому миропорядку. И даже эти две региональные державы чересчур сконцентрированы на самих себе. Они либо слишком наивны, либо недооценивают власть денег, или же им недостает опыта бывшего Советского Союза и опыта Соединенных Штатов. Они проигрывают, поскольку не финансируют, не тренируют и не обучают своих сторонников, которые у них есть по всему миру. Они должны создать нечто подобное советской Академии Наук. В университете Тегерана и университетах Каракаса должны читаться лекции по политологии и геополитике для иностранных студентов. Венесуэла и Иран должны финансировать фонды, институты и общества дружбы – так, как это делал Советский Союз, так, как это продолжают делать США, Израиль и Турция.

Алессандро Латтанцио: Да, многополярный мировой порядок – естественен, он был таким всегда, только в 90-е годы XX он был однополярным, основанным на неустойчивом государстве, и это был неудачный опыт, потому что такой порядок неестественен. Таким образом, вакуум, образованный неудачной попыткой США, будет заполняться теми геополитическими сущностями, государствами, которые воссоздадут стабильную и безопасную международную среду.

Андреа Фаис: Да, это возможно. Я думаю, что многополярный порядок скоро наступит, но это не приведет автоматически к концу империализма и к началу нового мирового порядка или эры мира. Подъем нового многополярного порядка будет, несомненно, началом великой мировой войны, складывающейся из большого количества локальных войн в таких регионах как Северная и Центральная Африка, Ближний Восток и Юго-Восточная Азия.

Хотя Холодная война и закончена, мы по-прежнему находимся в ядерной эре истории человечества. И впервые в истории мы наблюдаем многополярную ситуацию, в которой задействованы великие державы, обладающие ядерным оружием. Предыдущее многополярное противостояние имело место в 1930-х, после того как доминирование Британской империи пришло к своему закату. Результатом стало ужасное меж-империалистическое противоборство между «Стальным пактом» Германии и Италии и западным альянсом, и чудовищная агрессия против Советского Союза. До мая 1945 года не существовало армии, обладающей ядерным потенциалом. Когда Соединенные Штаты совершили атомное преступление против Японии, они хотели послать Москве сигнал: «Мы можем уничтожить всех вас!». Сталин первоначально был в панике, и он сделал все возможное для того, чтобы защитить свой народ от безумия американского империализма. Советский план защиты стал официальным началом Холодной войны и эры «взаимного гарантированного уничтожения» (ядерного паритета).

Сегодня на планете существуют 9 государств, обладающих ядерным оружием: Соединенные Штаты, Великобритания, Франция, Израиль, Россия, Китай, Индия, Пакистан и Северная Корея. Четыре государства – члены НАТО или, так или иначе, включены в систему западных договоров, пять ядерных государств состоят в Шанхайской организации сотрудничества или являются членами других партнерских соглашений с Россией и Китаем. Очевидно, что ни одно из этих государств не начнет войну против другого с самоубийственного первого удара, поэтому допустимо предположить, что все будущие конфликты между этими девятью государствами будут вестись с использованием обычных вооружений, особенно высокотехнологичных, а также систем, использующих информационно-коммуникационные технологии (ИКТ). Все эти конфликты будут происходить в

менее развитых регионах, где сталкиваются и входят в противоречие между собой интересы великих держав.

Ярослав Томашевич: Конечно, многополярный мир возможен – мы могли наблюдать многополярность до 1939 г. Многополярный мир мог бы быть лучше однополярного, но может быть и хуже. Многополярность может быть как основанным на насилии соперничеством, так и устойчивым балансом и гармоническим развитием.

- Что такое «полюс» в международных отношениях? Как соотносятся с концепцией полюса такие понятия как «суверенное национальное государство», «империя», «цивилизация»?

Клаудио Мутти: Говоря геополитически, «полюс» является независимым государством, которое оказывает сильное влияние на сопредельные территории и способно объединить их. Другими словами, “полюс” является катализатором, который упорядочивает и объединяет геополитическое пространство, принадлежащее общей цивилизации. Что касается понятия “империя”, я думаю, что сегодня оно совершенно неверно понято, так что многие люди, путая реальность с ее дурной карикатурой, говорят об «американской империи»! Говоря об “империи” правильно и корректно, необходимые условия заключаются в следующем: крупные территориальные размеры, сосуществование различных народов и религиозных общин, наднациональный конституирующий принцип. В соответствии с Римской формулой “Fecisti patriam diversis gentibus unam”.

Фабио Фальки: Даже если в течение последних лет теории Карла Шмитта о формации «больших пространств» (что-то среднее между мировым государством и отдельными странами) и были подтверждены, то сейчас мы наблюдаем возрождение России после темных ельцинских лет, а также усиление таких национальных государств, как Китай. Индия, Иран, Турция и Бразилия. Данный исторический феномен трудно охарактеризовать как своего рода вестернизацию. Это было бы крайне неубедительно с точки зрения политики, которая выходит за пределы рассмотрения связи между модернизацией и вестернизацией, между модерни и пост-модернити, а также любых других терминов, касающихся сущности «Западного мира». Это было бы также неверно не только с точки зрения политики, поскольку

ку всякий выступающий против глобального рынка, является продуктом определенного культурного субстрата, который в свою очередь складывается из многочисленных фрагментов каждой из традиций, определяющим социальную и политическую борьбу. Фактически, даже «европейский кризис», являющийся в основном политическим и культурным феноменом, не был полностью решен с падением социализма («подлинного» или не очень, если такой вообще возможен), как мы могли видеть в результате повторения конфликтов между требованиями «общественной необходимости» (public Reason), которая представляла (и соотносила себя с ними) различные «иконаграфии», коммунитарные связи и разные традиции, артикулирующие определенное геополитическое поле, и интересами «Западного мира». Основным из таких интересов является ужасная «воля к власти» (Wille zur Macht), которая должна противодействовать любым движениям тех «исторических энергий», которые пусть даже потенциально (т.е. не сразу различимы и способны усилить различие или даже противоречивость культурных и политических явлений) сегодня формируют возможный смысловой горизонт, полностью противоположный «организованному хаосу» (геополитика хаоса), формально являющемуся западной политической системой.

Даниэле Скалеа: Полус - это центр силы, который притягивает другие страны, особенно находящиеся вблизи его границ. Не все суверенные государства представляют самостоятельные полюсы, но каждый полюс должен быть суверенным государством. «Империя» представляет собой такое Государство, в котором проживает целый ряд народов, объединенных единым политическим управлением. В этом смысле понятие империя приближается к понятию большого пространства, которое в шмиттианской терминологии может определяться как результат объединения вокруг полюса. Новизна появления новой многополярной ситуации может заключаться в интеграции на основе свободной воли и мирного сотрудничества.

Конечно, страны и народы пытаются интегрироваться не только на базе географических факторов, но и на основе культурного единства. Они в первую очередь объединяются с географически близкими странами, которые к тому же близки им культурно, т.е. со странами одной цивилизации. Поэтому «цивилизационная теория» вполне применима, с моей точки зрения, но мне ближе позитивная

интерпретация, то есть, что народы опираются на другие народы, которые разделяют их культурные стереотипы, и мне не нравится мнение о том, что они склонны к насилию по отношению к другим цивилизациям. Хотя я и являюсь частью средиземноморского народа, я вполне четко себе представляю, как можно сотрудничать с людьми других цивилизаций.

Флавиу Гонсальвес: Честно говоря, я стал экспертом по геополитике и международным отношениям случайно – в Лиссабонском университете я изучал историю, а не политологию. Мое личное мнение состоит в том, что геополитические полюса не создаются искусственно и одномоментно. Есть потребность в том, чтобы страны имели сходную историю, общую культуру, обладали цивилизационным единством – тогда полюс будет функциональным.

Возьмите, к примеру, полюс лузофонии, полюс португалоговорящих стран. Он включает в себя различные цивилизации, культуры и расы, связанные общим языком и имперским прошлым (что можно считать проявлением «мягкой силы», *soft power*). Это довольно своеобразное единство, если сравнить его с латиноамериканским (испаноязычным) полюсом, чье единство достигнуто путем масштабной метисации. Или если сравнить с Британским Содружеством (связь через сегрегацию) или со случаем Соединенных Штатов (искусственный союз штатов, сформировавшийся через геноцид и массовое истребление коренного населения).

Большинство государств мира отказалось от своего суверенитета. В Европе мы сдали суверенитет Европейскому союзу, так что у наших политиков нет реальной власти. Сам Евросоюз зависит от европейского Центробанка, от Международного валютного фонда и рейтинговых агентств, которые обслуживают частные интересы. Да, превращение в часть глобального мира стоило нам нашей национальной свободы – что, кстати, объясняет внезапный подъем популярности националистических партий в Европе. Люди начинают замечать, что наши политики на самом деле не контролируют свою политику.

Цивилизационная теория несвоевременна. Сегодня в основу международных отношений положены интересы рынков и экономики. Когда важнейший коммерческий партнер капиталистической

Америки – азиатская коммунистическая держава, о чем еще можно говорить?

Алессандро Латтанцио: Геополитический полюс - это вершина, в которой сливаются экономические отношения, торговля, дипломатия, военный потенциал, культурные ресурсы различных геополитических сущностей. Концепция глобализации является лишь модернизацией концепции империализма, и да, цель этой новой формы империализма, это оспорить или уничтожить суверенитет государств или стран, которые препятствуют или могут препятствовать целям империалистических держав. Каждая теоретическая концепция, которая возникла в течение десятилетий или столетий, является полезным инструментом, даже необходимым, чтобы интерпретировать геополитическую реальность, в которую мы в настоящее время погружены.

Андреа Фаис: Цивилизационная теория должна быть концептуальным инструментом изучения международных отношений. Каждый геополитический полюс предопределяется специфическими географическими и лингвистическими характеристиками. Россия – например, это полюс, куда больший, нежели нынешняя территория Российской Федерации. Русский алфавит обычно используется также в Сербии, Болгарии, в бывших советских республиках и даже в Монголии. Религия, доминирующая в России, резонирует с духовными устремлениями тех, кто живет на Украине, в Молдавии и Белоруссии. Скифо-сакский элемент связывает большую часть сибирских территорий с регионами Центральной Азии. Некоторые большие реки, такие как Амударья, Сырдарья, Енисей и Лена связывают Россию, соответственно, с Казахстаном, Узбекистаном и Монголией... Я мог бы продолжать, но остановлюсь на этом. Думаю, что этого достаточно для понимания того, что Российская Империя и Советский Союз были в полном смысле этого слова «полюсом», обладающим полным суверенитетом, хотя и не были «нацией» в западном понимании этого слова.

Ярослав Томашевич: Я предвижу иерархическую «систему систем»: Польша в системе Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ), ЦВЕ - в системе Евразии, а Евразия - в многополярной мировой системе. Но я опасаясь идеи «Евроссии» (союза Европы и России). Не думаю, что Евроссия была бы альтернативой США и «американско-

му образу жизни», скорее, это был бы увеличенный Евросоюз, еще одна технократическая империя, «США 2.0».

- Как Вы представляете роль своего государства в возможной многополярной мировой системе?

Клаудио Мутти: Будучи в субъект-объектной зависимости от США, и будучи вынужденной выступать в роли американского авианосца в Средиземном море, в настоящее время Италия не может свободно выполнять свою естественную функцию, которая связана с ее географическим положением в направлении Балкан и Северной Африки. Только после расчленения западной системы и рождения многополярного миропорядка Италия сможет достичь своего наивысшего потенциала, как Средиземного органа единой и независимой Европы.

Фабио Фальки: Если принять во внимание нашу страну, то становится ясно, что не только установившийся упадок направлен на

подрыв основания государства, но так же и то, что политическая система не представляет ни чьих интересов, но занимается лоббированием интересов людей, входящих в состав правительства. Для этих людей не является проблемой служить странным экономическим группам. Данная ситуация еще более драматична, если мы обратим внимание на кризис государственного долга, который поместил нашу страну под прямое управление Европейским Центральным Банком и “рынков”, которые боятся, что кризис “суверенных долгов” может начать перестройку европейской политической арены, то нет сомнений, что выход из кризиса, как “*krisis*” (*krise* - нем. преодолевать кризис), состоит из признания, что независимость европейского континента от США - *conditio sine qua non* (непременное условие) хоть какой-то автономии европейских народов.

С этой точки зрения будущее нашей страны кажется уже предопределенным. Как известно, этот кризис, касающийся всех европейских стран, связан с “относительным” спадом Соединенных Штатов, которые удерживают контроль над финансовой системой. Итак, в данной логике возникающие трения, гетерогенез целей, борьба внутри ведущей группы и среди “подведущих” групп, выбор, который Европа должна будет сделать, чтобы избежать краха, и потребность в противодействии новым “геополитическим реалиям”, могут непредсказуемым образом взаимно влиять друг на друга с кризисом американского мондиализма.

В любом случае, как справедливо отмечает Александр Дугин, альтернатива атлантизму и либерализму связана не с прошлым, независимо от того, была она там или нет, а с будущим; таким образом, нельзя быть абсолютно уверенным, что ситуация, которая сейчас кажется “неминуемым” поражением, не развернется в правильную сторону. Или скорее вовсе и нелегально, что некоторые условия в состоянии всерьез утвердить права и “суверенитет” евразийских народов против “надменности” и *hybris* (с нем. наглая заносчивость) атлантизма и “свободного рынка”. Если это осуществится, то решения будут приниматься не с “экономической” а, с “политической” точки зрения. По этой причине правильно полагать, что ценность борьбы за “другую” Италию, не только Италию в европейской перспективе, но также и особенно в евразийской перспективе.

Даниэле Скалеа: Италия больше не великая держава, поскольку в нашу эпоху нужно обязательно быть большим, чтобы быть великим. Тем не менее, Италия - это все еще одна из самых значительных экономик, член G-8 и G-20, а также она обладает стратегическим расположением в сердце Средиземноморья и одновременно в центре Европы. Если мы сможем ограничить свой кризис, который не только экономический, но также политический и моральный, Италия может стать важным опорным пунктом для интеграции в Европе и / или во всем Средиземноморье.

Флавиу Гонсальвес: Мне тяжело говорить об этом, но за последние тридцать лет наши политики сделали все возможное для того, чтобы Португалия умерла и была похоронена. У нас нет будущего ни в однополярной, ни в многополярной системе. Миссия, начатая португальцами, будет завершена нашими братьями в Бразилии. Нынешние португальцы – не наследники воинов, первооткрывателей и ученых, которые отправились в путешествие через весь мир. Нет, они наследники тех, кто остался.

Но имейте в виду, что я – житель Азорских островов, поэтому спрашивать мое мнение о Португалии, это все равно, что интересоваться мнением ирландца о Великобритании или баскского крестьянина – об Испании. Я сепаратист в глубине души.

Алессандро Латтанцио: Я не вижу роли для Италии, пока она не имеет серьезного правящего класса, и пока она не проводит самостоятельную экономическую и международную политику.

Андреа Фаис: Моя страна сейчас находится в очень сложном положении. После последней смены режима мы имеем правительство, в котором на посту премьер-министра - бывший менеджер «Голдман Сакс» и бывший руководитель Трехсторонней комиссии, министр обороны – представитель высшего командования НАТО, министр иностранных дел – бывший посол Италии в Соединенных Штатах и в Израиле. Этого достаточно для того, чтобы понять: это «техническое правительство» - на самом деле команда, набранная из военных, финансовых и политических структур Североатлантического альянса. С социальной точки зрения мы находимся в еще большем упадке: нынешний правящий класс уничтожает все завоевания рабочего класса, достигнутые им 1950-60-е гг. Безработица или частичная занятость – единственная перспектива для молодежи. Мы потеряли

все наши шансы на что-то похожее на автономию или суверенитет. Война в Ливии еще более усугубила эти негативные тенденции.

Мне неприятен Сильвио Берлускони с политической точки зрения, но даже при этом я должен признать, что во времена Берлускони Италия была главным европейским союзником России Путина и Ливии Каддафи. Наша национальная нефтегазовая компания ENI могла начать в эти годы сотрудничество с российским и ливийским правительствами – то, что ранее не было возможно.

Наша страна – нечто вроде моста в Средиземном море, ведущего к Северной Африке и Ближнему Востоку. В силу своего географического положения Италия играет роль этакого авианосца для НАТО и США. Со времен Холодной войны у нас располагается более сотни американских/натовских баз и станций, и практически каждая агрессия НАТО, имевшая место в последние годы, началась по большей части отсюда: Первая война в Персидском заливе, война в Сербии, Афганская война, Вторая война в Заливе и Ливийская война. Нас заставили отказаться от всех наших стратегических и экономических выгод, включиться в войну против дружественной страны – Ливии, против дружественного ливийского народа, просто потому, что так решили ядерные державы НАТО (США, Великобритания и Франция). С другим правительством и другим правящим классом мы могли бы играть крайне важную роль в развитии сотрудничества между арабскими странами и Европой, сохранять мир и стабильность на Балканах или в Сирии. Но с правительством, подобным нынешнему, мы можем лишь играть ужасную роль, классическую роль слуг империализма.

Ярослав Томашевич: Я знаю, что суверенитет никогда не является абсолютным, но я также знаю и то, что государства-нации более устойчивы, нежели империи. Большинство современных европейских государств-наций существуют вот уже тысячу лет. Знаете ли вы о столь же старых империях в Европе?

- Какие тенденции современного мирового развития вы считаете негативными, а какие позитивными? Что можно сделать, чтобы преодолеть первые и поддержать вторые?

Клаудио Мутти: Наиболее серьезные болезни современного духа - те, что представлены западной цивилизацией: индивидуализм, рационализм, материализм, гедонизм. Происхождение всех этих тенденций лежит в отрицании метафизического принципа, а, следовательно, и конечной цели ориентации всего хода нашей жизни. Лекарства для лечения этих типично «западных» болезней можно найти в духовных учениях, доктринах, которые являются традиционными наследием Евразии.

Даниэле Скалеа: С технологической точки зрения современный мир становится все богаче, о стремительно оскудевает, если мы обратимся к культурным и духовным ценностям. Все больше и больше культур стираются с лица земли трендом на однородность, который вызван главным образом «мягкой силой» США. Американская культурная индустрия распространяет по всему миру так называемый «американский образ жизни». При этом мы должны понимать, что культурное разнообразие - это богатство всего человечества. Хуже всего то, что американский образ жизни - в действительности образ постмодернистский и глубоко безнравственный. Релятивизм и эмансипация - величайшие вызовы для человечества, но постмодернизм пошел еще дальше нигилизма. Ведь даже сама защита нравственности в обществе подается в качестве греха и преступления, так как якобы пытается сломить индивидуальность отдельного человека.

Флавиу Гонсальвес: Я не вижу никакого позитивного развития, только безумие, разрушение и войну (Ливан, Ирак, Ливия, Афганистан, Сирия, Палестина и так далее). Боюсь, что помочь сможет только чудо.

Алессандро Латтанцио: Без сомнения, положительно распространение знаний и продуктов науки и технологии, распространение коммуникаций и возможности для всех использовать средства коммуникации и культуры. Отрицательной тенденцией является нежелание устранить неравенство и существующие социально-экономические диспропорции, дисбалансы, как внутри страны, так и за рубежом. Это особенно явно на Западе: для того, чтобы поддерживать это неравенство, прибегают к войнам и агрессии, используя военные, экономические и информационные средства.

Андреа Фаис: Как я уже говорил, я рассматриваю развитие технологии как позитивный фактор. Ложное предубеждение имеет це-

люю навязать представление о том, что «американский мир» - абсолютный хозяин высоких технологий и любого развития. Это не так. Мы можем вспомнить, что первым человеком в космосе в человеческой истории был советский человек, русский – Юрий Гагарин. Он должен быть героем не только для советских или русских людей, но и для всего мира. К сожалению, сегодня все воспринимается по-иному. Мы прославляем Стива Джобса, чье лицо видим на телеэкранах и в рекламных роликах, но советский, русский, китайский ученый может быть абсолютно неизвестен на Западе, и никогда не удостоится такого внимания к себе. Мы живем в неведении, поскольку американский империализм – конечно, в том числе, империализм культурный. «Мягкая сила» и «вашингтонский консенсус» разделили мир надвое.

Но мы всегда должны помнить о том, что в Средневековье Западная Европа была варварской, в то время как мусульманская культура и китайская наука являли миру выдающиеся философские системы, потрясающие научные открытия и новые цели. В то время Великий шелковый путь был центром мира, и никто не знал, что такое «Америка». Так что технология и наука крайне важны для развития, даже если сейчас Соединенные Штаты господствуют в этой сфере. А самая негативная тенденция состоит в культурном предрассудке – в нелепом чувстве превосходства западного разума. Это чувство очень сильно в Италии и в Европе в целом. Мы работаем над тем, чтобы уничтожить этот предрассудок, но это все равно, что стрелять по танку деревянными стрелами.

Ярослав Томашевич: Я наблюдаю больше негативных, нежели позитивных трендов: экологическое опустошение, демографический коллапс, технологии, позволяющие тотально контролировать население, дезинтеграция социальных связей и аномия в социумах, этический кризис, «кока-холокост» локальных культур, трансгуманистическая генная инженерия... Это похоже на энтропию.

- Грозит ли миру Третья мировая война? Будет она благом или злом?

Клаудио Мутти: Безусловно, такая угроза существует. Война против Ирана, которая велась террористическим нападением на Си-

рию, является частью Североамериканского стратегического проекта создания западной гегемонии в Римланде (Rimland), поскольку такой контроль необходим для того, чтобы блокировать Россию и не допустить того, чтобы Хартланд (Heartland) стал центром мировой мощи. Я был бы рад, если бы мое мнение было ошибочным, но мне кажется, что экономический кризис побуждает США к использованию военной силы, ускоряя тем самым момент открытого столкновения.

Даниэле Скалеа: Каждый системный экономический кризис прошлого влек за собой тектонические сдвиги в международной политике, дестабилизируя существующее положение вещей: кризис 1873 г. закончился Первой мировой войной, кризис 1929 г. - Второй мировой войной. Все это заставляет думать, что Третья мировая война может стать результатом кризиса 2008 г. Этот кризис лишь ускорил относительное падение США. И у Америки теперь есть большое искушение использовать военную силу для поддержания своего превосходства. Не это ли происходило в последнее десятилетие еще даже до начала самого кризиса?

Как только США начали терять позиции в экономике и в других областях, Вашингтон попытался расширить поле, где его превосходство более очевидно: в военной сфере. С 2001 года мы наблюдаем милитаризацию внешней политики США. Уже сейчас прямым атакам Вашингтона подверглись Ирак, Афганистан и Ливия. Теперь американские политики обратили свои взоры на Сирию и Иран. А что если они покусятся на «большую рыбу» - Китай или Россию? США работали все минувшие годы над совершенствованием своего щита ПРО, который может дать им ядерное превосходство, то есть способность победить в ядерной войне против другой великой державы, не боясь быть уничтоженными ответным разрушительным ударом.

Флавиу Гонсальвес: Если бы не общая позиция Ирана, Турции, Китая и России, мы бы уже сражались в мировой войне (в Четвертой мировой войне, если, перефразируя субкоманданте Маркоса, рассматривать Холодную войну в качестве Третьей мировой). История имеет свойство повторяться, будь то времена Римской империи, Средние века или XIX столетие – все крупные экономические кризи-

сы разрешались посредством войны, мы переживаем разгар серьезнейшего экономического кризиса, так что...

Рабочие места, которые Запад потерял в последние десятилетия, уже никогда не вернуть. В США и Европе миллионы безработных и голодающих граждан. Если каким-то чудом наши страны не превратятся в по-настоящему социалистические, то нас ожидает лишь два варианта: мировая война или массовое уничтожение «ненужных» граждан.

Или же, возможно, мы должны поступить по примеру Исландии: начать судебное преследование и посадить в тюрьму наших банкиров и политиков, объявить амнистию в отношении банковских займов, которые превратили наш народ в рабов, и начать производить локально всё необходимое для нашего потребления (к примеру, Португалия импортирует 80% необходимого ей продовольствия, одно это показывает, что Португалия – failed state, недееспособное государство).

Алессандро Латтанцио: Я думаю, нет. Не будет третьей мировой войны. Дураки, которые имеют доступ к власти в США и на Западе в целом, в начале двадцать первого века с треском провалились и вряд ли снова получат доступ к этой власти.

Ярослав Томашевич: Я думаю, что Третья мировая война уже ведется, начиная с 2001 года. Это необъявленная, хаотичная, сетевая, асимметричная, но самая настоящая война.

Материалы на основе серии интервью и круглых столов подготовлены Александром Бовдуновым и Натэллой Сперанской. Перевод с английского Ваан Минасян, Михаил Мошкин

Александр Дугин

Борьба с США в их нынешнем виде – это категорический императив человечества

*Интервью с лидером Международного
«Евразийского Движения»*

- С тем, что единственный гегемон в лице США постепенно утрачивает своё влияние, согласен даже Бжезинский, который утверждает, что Америка окончательно растратила свой глобальный лидерский потенциал. В своё время историк Пол Кеннеди ввел концепцию «имперского перенапряжения» и, вероятно, Штаты сейчас столкнулись с тем, что было ранее пережито Советским Союзом. Как Вы оцениваете нынешнее положение Америки?

Я бы выделил здесь несколько уровней. Первое. Я полагаю, что курс США на доминацию в планетарном масштабе является абсолютным злом, так как ценностная система, на основании которой США настаивают на своей гегемонии, то есть идеология либерализма (индивидуализм, абсолютизация рынка, парламентская демократия, гражданское общество, права человека и т.д.) является формой предельной деградации и вырождения. Я не против любой гегемонии и не против даже планетарной гегемонии, но всегда надо смотреть во имя чего она устанавливается. Какая у нее идейная основа?

Современный Запад дошел до критической точки вырождения. Эта цивилизация заразна и омерзительна, она не имеет ничего общего с традиционными духовными и культурными ценностями большинства народов земли, но и в отношении самого Запада она представляет собой убогую и жалкую пародию. США навязчиво и с опорой на грубую силу и информационное давление продавливают либеральную империю повсюду, не брезгуя для этого ничем. Мало того, что они отстаивают свои эгоистические интересы, они насаждают повсюду нечто отвратительное и неприемлемое. Поэтому борьба с США в их нынешнем виде – это категорический императив человечества. США – Карфаген, Карфаген – абсолютное зло. Карфаген должен быть разрушен. Если враг не сдается и не отступает, его уничтожают. Сегодня США – враг номер один. Пока это так, независимо от того, каково положение современной Америки, каждый порядочный человек на земле обязан делать все от него зависящее, чтобы это положение было бы как можно хуже. Второе. Америка до сих пор является единственной гипердержавой, не имеющей симметричных конкурентов. Этого нельзя не признавать. Америка сохраняет свою доминацию, и мир остается однополярным – ничто пока не способно ультимативно остановить США ни в одной по-настоящему стратегически значимой области. Быть может, однополярность на излете, но она еще существует. И это надо признавать: США остаются державой номер один, именно США диктуют глобальную повестку дня и все еще способны добиваться своего – пример чего мы видим в разных точках мира, в частности в Северной Африке. Был поставлен план Великого Ближнего Востока, он осуществляется. Мы можем негодовать, возмущаться, можем бороться против, можем иронизировать над издержками. Задача поставлена, выполнена. Никто, кроме США сейчас так не может. Кроме того, только американцы сегодня по-настоящему мыслят мир. Возможно, они делают это безобразно и убого, примитивно и пристрастно, но как-никак мыслят мир. Все остальные замкнулись на себя и тихо бредят. Таковы европейцы, азиаты, и, естественно, мы. Тот, кто мыслит мир, тот им и правит. Пока это так, и все уступают США в главном и по совокупности. Третье. Я думаю, что пик США и их гегемонии пройден. Это главная сила, но она движется к упадку. У США нет формального врага, симметричного противника. США выдумали себе искусствен-

ного врага, международный исламский терроризм. Сиюминутно это работает, но идентичность США размывается. Главный враг США пока не имеет четкой формы, возможно, он придет не извне, а изнутри. Старая идентичность США рушится на глазах, а новая не возникает. Отсутствие структурированного врага вовне делает задачу построения новой американской идентичности затруднительной. Кроме того, США явно переживают глубочайший системный кризис своей новой экономики, с диким переразвитием финансового сектора (третичного). Это фатально, так как лимиты роста достигнуты. У США нет никакого плана для будущего человечества, во главе которого США оказались. Они лихорадочно бросаются от эгоизма к универсализму. Если добавить нарастающую угрозу со стороны потенциальной многополярности, то представляется, что дни США сочтены. Однако в нынешней ситуации их агония может утащить в небытие весь мир. Под обломками этой загнившей империи может погибнуть человечество. Но и спасти ее никто не станет, это невозможно и аморально.

- Утрата мирового влияния США означает не больше, не меньше, как конец однополярного мира. Но здесь возникает вопрос, переход к какой модели произойдет в самое ближайшее время? С одной стороны, мы имеем все предпосылки для возникновения многополярного мира, с другой – стоим перед опасностью столкнуться с бесполярностью (non-polarity), которая будет означать настоящий хаос.

- Именно. Бесполярность - это не совсем хаос, это доминанция Запада только не в прямой и классической форме гегемонии одной державы, но через опосредованные и наднациональные структуры мирового правительства. Формально полюса не будет (в виде страны или коалиции стран), но, по сути, он будет (в лице консолидированной верхушки глобальной финансовой олигархии). Хаос будет видимостью, в сущности, речь идет о планетарной диктатуре – либо открытой (американской), либо скрытой (олигархической и либеральной). Поэтому бесполярность не является альтернативой однополярности, это ее инвариант.

Я являюсь убежденным сторонником многополярной теории и вижу будущее мира либо многополярным, либо никаким. Предпосылки для этого есть – страны второго мира (БРИК и т.д.), регио-

нальные коалиции и союзы, построенные без США и Запада, – они представляют собой прообразы полюсов будущего многополярного устройства, большие пространства, цивилизации, наброски политей. Об этом собственно моя книга «Теория многополярного мира».

- Не-западные общества находятся перед дилеммой: интегрироваться в Запад (стать частью «Соединенных Штатов Мира»), тотально приняв его ценности, что неминуемо означает отказ от своей цивилизационной идентичности, либо противостоять его гегемонии, сдерживая натиск. Можно ли говорить о том, что в скором времени у США появится достойный противник – одно государство, нарастившее свою военную и экономическую силу или коалиция государств, обладающих действительным суверенитетом?

- Не думаю, что одно. Ни одно государство сейчас не имеет ни сил, ни ресурсов, ни воли по-настоящему сопротивляться американской гегемонии. Что-то сделать способна только коалиция тех держав, которые ориентированы на многополярность. Как в случае Дороти и ее друзей из «Волшебника из страны Оз» – все поодиночке эти друзья были неудачниками, каждому чего-то не хватало (чаще всего самого главного). Но объединившись, они сумели добиться своего и победить более могущественных врагов. В США это понимают и только этого и боятся. И правильно делают. При этом в многополярном альянсе России, если она хочет сохраниться и отстоять право на будущее, необходимо будет играть лидирующую роль, но не как второй полюс, а как координатор всей многополярной архитектуры вместе с другими странами, в первую очередь с Китаем.

- В чём Вы видите основные плюсы перехода от национального государства к «большому пространству» (по Шмитту)?

- Самое главное, что национальное государство в наших условиях не способно обеспечить себе суверенитет. Следовательно, это своего рода геополитическая фикция. Как государство Монако. Юридически оно есть, Есть физически. Есть в нем казино. Но это все. Чтобы быть чем-то серьезным, надо быть «большим пространством». Для этого надо объединиться с другими цивилизационно близкими национальными государствами и вместе создать предпосылки для реального суверенитета, сложив экономический, политический, военный, территориальный потенциал.

Но, кроме того, большое пространство соответствует империи, как максимальной форме политической организации с высшей миссией. В отличие от утилитарного и буржуазного по своей сути и происхождению национального государства, порядок Империй обладает духовным горизонтом. Это мне близко идеологически. Равно как и Карлу Шмитту, который, так же как и я, был традиционалистом и консерватором.

- Какова, на Ваш взгляд, роль России в построении многополярного мира? Расскажите о евразийском проекте создания четырёх геоэкономических зон.

- О роли России я уже говорил. Ее функция быть координатором и промоутером многополярности, инициатором и непременным участником всех анти-гегемонистских альянсов и союзов. Четыре зоны представляют собой глобальное районирование в условиях будущей многополярности. Американское большое пространство от севера до юга (оно и так есть). Тихоокеанская зона интеграции (она строится). Евро-Африканская зона от Исландии до ЮАР (пока существует в теории). Евразийская зона процветания – намечена Путиным в Евразийском Союзе, в ШОС и т.д.

- Мы знаем, что в основе однополярной модели лежит либеральная идеология. Из этого можно сделать справедливый вывод, что

в основе многополярной модели так же должна лежать определённая идеология. Можно ли считать таковой Четвёртую Политическую Теорию? Не есть ли это «четвёртый Номос», о котором писал Карл Шмитт?

- Да, я уверен, что так оно и есть. Только 4ПТ способна построить эффективное идеологическое обоснование для многополярного мира. Либерализм универсален, а 4ПТ универсальна лишь в отрицании либеральной универсальности, а в положительной части, напротив, плюральна. Субъектом 4ПТ является Dasein или, проще говоря, народ, как культурная, цивилизационная единица. Каждый народ имеет свою ценностную систему. Она и ложится в основание политического проекта будущего, в отличие от либерализма, навязывающего всему человечеству единую модель. 4ПТ призывает разные народы и общества сражаться вместе против либерализма и глобализма, против однополярного мира и американской гегемонии, против мировой олигархии и империализма Запада во имя различных идеалов. В этом суть 4ПТ: из общего для всех анализа главной угрозы делаются общие выводы относительно того, как ей противостоять (всем вместе) для того, чтобы потом – и это важно – ПОТОМ, после победы, строить, возрождать и отстаивать каждому свои различные цивилизации.

- Готова ли российская политическая элита к восприятию идеи многополярности? Можно ли назвать эту элиту геополитически мыслящей или же её готовность ответить на будущие вызовы находится под большим сомнением? Согласны ли Вы с тем, что только политическая ротация государственного аппарата приведёт к геополитическому пробуждению и отменит существующее «заигрывание» с Западом?

- Современная российская элита должна быть кардинально изменена. В существующем виде она ни на что не способна вообще. Путин с этим медлит. Это очень опасно. Нам нужны совершенно другие люди во главе страны, иной тип. С этим коррупционным сбродом мы суверенитета России в таких сложных условиях не отстоим. Необходим новый отбор элит. Народ может поставить приемлемые кадры, но их надо воспитывать качественно, стремительно и жестко. Нынешние элиты либо агенты влияния Запада, либо умственно не-

полноценны и недееспособны. Нам нужен совершенно иной антропологический состав.

Беседовала Натэлла Сперанская

Леонид Савин

Автаркия больших пространств адекватна для проекта Евразийского Союза

Интервью с политологом, главным редактором информационно-аналитического издания «Геополитика» Леонидом Савиным

- Падение коммунистического режима означало торжество единственного гегемона в лице Соединённых Штатов Америки, и, как следствие, изменение двухполярной модели мироустройства на однополярную. Тем не менее, некоторые аналитики всё ещё говорят о возможном возвращении к двухполярной модели. Как Вы относитесь к этой гипотезе? Существует ли вероятность появления державы, способной бросить вызов мировому гегемону?

- Да, некоторые говорят о будущем могуществе Китая, который пойдет на совместное с США управление мировой политикой. Збигнев Бжезинский предложил название «Большая двойка» (G2) для такого тандема, иные назвали его «Чимерикой», однако, я считаю, что это маловероятно, особенно после того, как Вашингтон объявил о новом тихоокеанском векторе, при этом открыто поддерживая оппонентов КНР по спорным вопросам и заявляя об угрозе, связанной с ростом вооружений Пекина. Пойдет ли Китай на открытое противоречие с США – это не обсуждается, по крайней мере, в ближайшие годы это будет невозможно. Да и стратегия Китая не предусматривает в первую очередь жесткой оппозиции США. Возвращение Тайваня и расширение цепи островов, включая оборонные меры, от создания систем противокорабельных ракет до подводных дронов - это актуальные элементы китайской геополитики.

Более того, двухполярная система была построена на основе наличия двух супердержав - СССР и США. Теперь таких супердержав нет. США еще являются самой сильной страной в мире в военном

отношении, но это уже не супердержава. С другой стороны, СССР и США все-таки не переходили грань, и никто не смел бросить открытый вызов другому игроку. Многие это связывают с ядерным сдерживанием, существовавшим в ту эпоху. В этом контексте, сейчас у нас больше полюсов, чем два.

- Существует ли опасность превращения нынешней однополярной модели в бесполярную (нон-полярную). Какой будет расстановка сил в случае реализации этого проекта?

- Можно по-разному понимать полюса или центры силы в международных отношениях. Если использовать терминологию Джеймса Розенау, то в 90-е годы, при расцвете глобализации возникло два вектора – это государство-центризм и мультицентризм. Однако ли-

берально-демократическая система США апеллирует к свободе перемещения потоков товаров, услуг, людей, следовательно, при снятии границ наступает и эрозия государства, в том числе и для США. Эти параллельные процессы глобализации привели к появлению новых центров – транснациональных корпораций, частных военных компаний, неправительственных организаций, лобби-групп и пр., которые, с одной стороны, могут быть агентами одного крупного актора, в нашем случае - США, с другой – соперничать с ним.

Но второе мало вероятно, так как без взаимного интереса государства и негосударственного актора последний имеет немного шансов. В этом логика двух сил, составляющих основу американской государственности. Одни выступают за четкий огосударст-

вленный центр с обозначенными интересами и приоритетами, другие предлагают запустить тотальный процесс либерализации, корректируя его регуляторной политикой.

Как мы знаем, после финансового кризиса 2008 года подобная регуляторная политика отразилась на перераспределении функций и полномочий внутри системы. Тем не менее, так как политическая элита в США взаимосвязана с финансовой и корпоративной, все это представляет такую ротацию, которую вполне можно назвать дурным рециклированием. Если эти процессы будут перенесены на глобальный уровень, то резкое перераспределение сил может привести к самым непредсказуемым эффектам.

- В рамках атлантистской геоэкономики предполагается наличие трёх зон: Американской, Европейской и Тихоокеанской. Евразийская четвёртая зона попросту игнорируется. В книге «Теория Многополярного Мира» Александр Дугин предлагает квадриполярную (четырёхполюсную) модель, которая лежит в основе построения многополярного мира. С чего, на Ваш взгляд, нужно начинать формирование четвёртой зоны, и какие риски при этом следует учитывать?

- Скорее атлантистская модель предполагает создание евроатлантистской зоны с одной стороны и тихоокеанско-американской - с другой. По этому принципу (три капиталистических игрока - Западная Европа, Япония и США) во многом и была выстроена нынешняя глобально-виртуальная экономическая модель. Для атлантистов было вполне естественно игнорировать евразийскую зону, так как в рамках проекта конвергенции и постепенного навязывания правил игры, мы должны были органично вписаться в систему мирового капитализма и занять там «достойную нишу», став кладбищем ядерных отходов и поставляя технологическим лидерам необходимые материальные и людские ресурсы. Но этого не произошло. Так же, как и не произошло в странах Латинской Америки. Если вначале 90-х там прокатился мощный кризис и разруха, сегодня там видны самобытные интеграционные процессы.

В первую очередь необходим пересмотр ряда документов, ограничивающих возможности России на международной арене. Если МВФ навязывает свои программы структурного регулирования, то в рамках поставок российских углеводородов на западные рынки

было бы неплохо проводить в этих странах наши программы по евразийскому окультуриванию местных потребительских сообществ. Причем, такие программы должны быть институционализированы. Для внутренней политики нужна умеренная и гармоничная мобилизация, направленная как на социальный сектор, так и на технологический опережающий прорыв. Это должно сопровождаться отказом от применения существующих западных технологий, товаров и услуг для организации соответствующего спроса и предложения внутри страны.

Проект Медведева по модернизации был провален во многом потому, что не была обеспечена внутренняя мотивация. В то же время Россию продолжали заваливать иностранным фуфлом - от американских кур до вьетнамо-китайского ширпотреба, как будто мы сами не можем наладить соответствующее производство. Сталинский прорыв был обеспечен благодаря быстрому и параллельному разворачиванию новых отраслей промышленности, в то время как План Маршалла ставил задачу закабаления Западной Европы. Кстати, успех ряда латиноамериканских стран, пострадавших в 90-е годы от американоцентричной глобализации, был достигнут благодаря именно такому умеренному изоляционизму, т. е. синдикализму. Безусловно, западные промышленники увидят в подобных инициативах угрозу своему бизнесу, ЕС и США заговорят о санкциях, но для них должны быть подготовлены асимметричные меры.

- Многополярность предполагает диалог цивилизаций, которые выступают как акторы международных отношений. Хантингтон полагает, что между цивилизациями имеет место не диалог, а столкновение. В чём Вы видите способ избежать гипотетического конфликта? Не играет ли, к примеру, религиозный фактор определяющую роль в междоцивилизационном диалоге?

- Ряд американских политологов считает, что демократия по-американски - это тоже особая форма религии, которую ряд ее адептов и распространяют с истинно религиозным рвением, следовательно, мы можем говорить о первостепенном влиянии религии на политику. Более того, сейчас там появилось такое направление как энвайронментализм, которое тоже относят к особой форме веры (как и вера в технический прогресс).

Лично я критично отношусь к термину диалог, так как он подразумевает участие двоих. Для международных отношений тогда нужен термин малтилога или полилога, отражающий множественность акторов. Если такая платформа будет обеспечена, следовательно, само наличие многих акторов будет обеспечивать сдерживающие факторы потенциальных конфликтов.

Хантингтон как представитель государства, которое изначально было построено на конфликтах, а в ходе развития всячески их поощряло и провоцировало, не внушает мне особого доверия. К тому же исторический опыт часто говорил об обратном. Православные болгары и сербы с энтузиазмом резали друг друга, в то время как в России и христиане, и язычники, и мусульмане часто сражались на одной стороне. Для нас проблема состоит в том, что американцы на протяжении длительного времени научились анализировать ситуацию, связанную с конфликтным потенциалом и управлять ею. Локальные войны и беспорядки могут со стороны выглядеть как факты с объективными причинами, тогда как за ними могут стоять внешние силы.

- Как Вы представляете себе диалог между цивилизациями? Философ Муххамад Легенгаузен задаётся этим вопросом в одной из своих книг. Он подчёркивает, что «не всякий диалог между представителями различных цивилизаций будет считаться диалогом между цивилизациями. Если хирург из Китая обсуждает хирургические технологии с коллегой из Туниса, диалог может целиком проходить в рамках западной медицины». Следовательно, мы должны определить, кого следует считать представителями цивилизаций, участниками межцивилизационного диалога? Кто, по Вашему, может представлять православную или, скажем, латиноамериканскую цивилизацию?

- За последние несколько столетий традиционно одну политическую культуру в другой представляют посольства. Бизнесмены также могут являться представителем какого-нибудь сообщества, который для ведения дел прибыл в совершенно иное. Так, до эпохи Великих открытий путешественники-первопроходцы являлись носителями миссии по установлению взаимодействия между культурами и народами. При появлении научного сообщества одной из его характеристик стала открытость. Предполагалось, что все открытия

должны использоваться во благо всем народам. Правда, американцы сбросили пару ядерных бомб на Японию, видимо, чтобы подкрепить свое первенство на тот момент, в деле науки и техники.

Сейчас ту или иную культуру может представлять каждый, вопрос в том, на какой площадке он будет это делать, какой уровень его компетентности и какую позицию он будет отстаивать. Спортсмены проливают пот на международных соревнованиях, но в национальных сборных полным-полно легионеров, которые привлечены высокими зарплатами. В российском законодательстве есть понятие соотечественника, которое основывается на самоидентификации. Если российский негр, оставшийся здесь после обучения в институте, себя таковым считает, то он тогда и является нашим соотечественником.

Куда сложнее, на самом деле, с понятием православного. Должны ли мы относить туда представителя Русской Православной Церкви Московского Патриархата или от лица Православия может выступать любой обыватель или клирик, исповедующий Восточный (Византийский) обряд? Что делать с перешедшими в унию греками и как быть с русской дихотомией на староверов и никониян, а также сталинистов и царепоклонников?

Разделение Хантингтона по религии весьма условно. Скорее, здесь нужен комплексный подход, основанный на исторической преемственности и стратегической культуре. Латинскую Америку помимо общего языка (испанский и португальский), освободительного движения против империй, этносинкретизма объединяет еще нечто неуловимое, невыразимое, так же как и русских связывает не только вера в богоизбранность и героические подвиги, но и глубинные структуры. Например, в диалоге великоросса с малороссом, несмотря на отличия, найдется много общего, подсознательного, понимаемого в процессе общения, но не выговариваемого и не рационализируемого в научные постулаты и правила. Также и в других культурах с их пограничными явлениями, гибридными свойствами и диаспоральными элементами.

Я вообще, в целом, сторонник цивилизации как процесса. Не случайно и Петр Савицкий метко подметил этот феномен подвижности народов во времени и пространстве, вместе с этим, с привязкой к территории и определенным историческим маркерам, и предложил

неологизм «месторазвитие». Тогда, предполагая как происходит «диалог между двумя цивилизациями», можно привести в пример процесс диалектики между различными потоками воздуха. В современных науках это называют самоорганизующейся критичностью или сложными системами. Тем более, это очевидно для межчеловеческого общения, куда втянуты государственные, экономические, и пр. факторы, и обычно в процесс взаимодействия вовлечено более двух участников.

- Если мы перенесём многополярную модель на экономическую карту мира, то получим сосуществование нескольких полюсов и, одновременно, создадим полноценную матрицу для возникновения новой экономики - за пределами западного капиталистического дискурса. Применима ли, на Ваш взгляд, для этого концепция «автаркии больших пространств», предложенная Фридрихом Листом?

- В реальности механизмы взаимосвязи и взаимозависимости породили крайне неудобную зависимость от одного полюса – Федеральной резервной системы. Можно говорить о различных инструментариях обмена, скажем головах крупного рогатого скота, как в африканских странах, или об экономике Северной Кореи, которая не зависима от колебаний доллара и евро, но реальных автаркичных финансовых полюсов не существует.

Проблема также в том, что спекулятивный капитал привязан к реальному сектору экономики, и с такой формулой можно очень быстро и легко спустить все национальное достояние. Думаю, что автаркия больших пространств для оптимизации внутреннего потенциала необходима и в целом будет адекватна как для проекта Евразийского Союза, так и для других регионов мира. Также, что помимо заботы о реальном секторе экономики, следует учесть, это некую привязку населения к экономическому эффекту от конкретного региона проживания в целом, чтобы не было раздутых пузырей в одном месте, и была возможность перераспределения доходов по соответствующим отраслям.

- Как Вы рассматриваете взгляд Хантингтона, согласно которому основным противником современного либерального Запада следует считать исламскую цивилизацию?

- Тем не менее, Саудовская Аравия, арабские эмираты и некоторые другие арабские (и не только) мусульманские страны продолжа-

ют оставаться верными союзниками США. А внутри США и ряда европейских стран также немало мусульман. Хантингтон, безусловно, своей концепцией частично демонизировал ислам в целом, повторяя ошибки своих предшественников из Европы, которые организовывали Крестовые походы, да пытались с помощью силы навязать свои религиозные доктрины (причем, не только мусульманам, но и православным).

Хотя в целом его концепция цивилизации весьма интересна. Он говорил, что «Цивилизация - это широчайшая культурная общность. ... Цивилизация ... представляет собой самую широкую культурную группировку людей и самый широкий круг их культурной идентификации - за исключением того, что вообще отличает людей от других живых существ. Цивилизацию определяют и такие общие объективные элементы, как язык, история, религия, традиции, институты и субъективная самоидентификация людей. ... Цивилизации - это самое большое “мы”, где человек чувствует себя в культурном отношении дома, и одновременно то, что отделяет нас от всех “них” - тех, что вовне».

Это этносоциологическая модель, где есть разделение на «мы» и «они». Хантингтон слишком поверхностно трактует определенные выражения из Корана. Да, у мусульман мир делится на Дом ислама «Дар аль-ислам» и Дом войны «Дар аль-харб», однако, в первую очередь война проходит в сердце человека. Это война с грехами. Буквальное толкование подобных выражений и привело к появлению салафизма и экстремизма. А при желании можно интерпретировать и выражение Христа «не мир, но меч» в явно немирлолюбивом ключе.

Я думаю, что у современного либерального Запада найдется гораздо больше противников, чем исламское общество, т. к. по своей сути либерализм несет разрушение всем вероисповеданиям и духовным традициям, подменяя одни экстравагантными новыми культами и прямую атакуя другие.

Александр Дугин

За нами народ и истина

- Кризис идентичности, с которым мы столкнулись после Холодной войны и крушения коммунистического мира, всё ещё актуален. Как Вы считаете, способен ли подъём религиозного возрождения или возникновение новой политической идеологии стать выходом из этого кризиса? К какому из вариантов склоняетесь Вы сами?

- После краха коммунизма наступила фаза «однополярного момента» (как назвал это Чарльз Краутхаммер). В геополитике это означало победу однополярности и атлантизма, а поскольку полюс остался один, то Запад стал явлением глобальным. Соответственно, в идеологии прочно утвердился либерализм (точнее, неолиберализм), сокрушивший две альтернативные политические теории, существовавшие в XX веке – коммунизм и фашизм. Глобальный либеральный Запад определял отныне и культуру, и экономику, и информацию, и технологию, и политику. Претензии Запада на универсализм своих ценностей, точнее ценностей Запада эпохи Модерна и Постмодерна, достигли апогея.

То есть «однополярный момент» следует толковать предельно широко – не только геополитически, но и идеологически, экономически, аксиологически, цивилизационно. Кризис идентичности, о котором Вы спрашиваете, есть слом всех прежних идентичностей – цивилизационных, исторических, национальных, политических, этнических, конфессиональных, культурных, в пользу универсального планетарного западного образца – с его концепцией индивидуализма, секуляризма, представительской демократии, экономического и политического либерализма, космополитизма и идеологией прав человека.

Вместо иерархии идентичностей, где большую роль традиционно играли наборы коллективных идентичностей, «однополярный момент» утвердил плоскую одномерную идентичность с абсолютиза-

цией номерной индивидуальной сингулярности. Один индивидуум = одна идентичность, а любые формы коллективной идентичности (например, индивидуум как часть религиозной общности, нации, этноса, расы, даже пола, то есть индивидуум как мужчина или как женщина) подверглись демонтажу и ниспровержению. Отсюда ненависть глобалистов к разного рода «большинствам» и защита меньшинств, вплоть до индивидуумов.

Демократия однополярного момента - это демократия, однозначно защищающая меньшинство перед лицом большинства и индивидуума перед лицом коллектива. Поэтому кризис идентичности является таковым для незападных или несовременных (или даже для недостаточно «постсовременных») обществ, так как там происходит слом привычных моделей и их ликвидация. Постмодернистский Запад, напротив, с оптимизмом утверждает индивидуализм и гиперлиберализм на своем пространстве и усердно экспортирует его в планетарном масштабе.

Однако это происходит не безболезненно, и вызывает на всех уровнях растущее отторжение. Проблемы, появившиеся у Запада в ходе «однополярного момента», заставили многих говорить о том, что этот «момент» заканчивается, что ему не удалось пока стать «судьбой» человечества и что поэтому мы стоим перед возможностью перехода к какой-то иной парадигме...

Итак, мы можем думать об альтернативе «однополярному моменту», а, следовательно, об альтернативе либерализму, американизму, атлантизму, западному Постмодерну, глобализму, индивидуализму и т. д. То есть мы можем, и я думаю должны, разрабатывать планы и стратегии «пост-однополярного мира», включая все уровни - и идеологический, и политический, и экономический, и религиозный, и философский, и геополитический, и культурный, и цивилизационный, и технологический, и ценностный.

Это, собственно, я и называю многополярностью. Как и в случае с однополярностью речь идет не только о политико-стратегической карте мира, но и о парадигмальных философских основах будущего мироустройства. Пока нельзя точно утверждать, что «однополярный момент» уже окончательно завершен. Нет, он еще длится, но сталкивается с нарастающим количеством проблем. Мы же должны поставить точку и покончить с ним. Но это – глобальная революция,

так как существующая доминация Запада, либерализма и глобализма вполне устраивает мировую олигархию, финансовую и политическую элиту.

Так просто они свои позиции не сдадут. Надо готовиться к серьезным и напряженным боям. Многополярность будет отвоевана народами мира в бою и сможет возникнуть только на дымящихся развалинах глобального Запада. Пока Запад все еще диктует свою волю остальным, говорить о многополярности рано – сперва необходимо разрушить западную доминацию до основания. Кризис - это много, но далеко не все.

- Если мы примем тезис о парадигмальном переходе от нынешней однополярной модели мирового порядка к новой многополярной модели, где акторами выступают уже не национальные государства, а целые цивилизации, можно ли сказать, что этот переход повлечёт за собой кардинальную перемену в самой человеческой идентичности?

- Да, безусловно. С концом однополярного момента мы вступаем в совершенно новый мир. Причем это не просто реверсивный шаг назад, но именно шаг вперед, к какому-то небывалому будущему, правда, отличному от того дигитального проекта «одиноких толп», который зарезервировал человечеству глобализм. Многополярная идентичность будет представлять собой комплексный нелинейный набор разных идентичностей - индивидуальных и коллективных, варьирующийся для каждой цивилизации или даже внутри нее. Это нечто совершенно новое, что только предстоит создать.

И перемены будут радикальными. Нельзя исключить, что наряду с известными идентичностями, цивилизации предложат и новые пути... Нельзя исключить, что одной из таких новых идентичностей станет идентичность «сверхчеловека» - в ницшеанском или ином (например, традиционалистском) толковании... В «открытом обществе» глобализма индивидуум является, напротив, закрытым и строго самотождественным.

В многополярном мире антропологическая карта будет, напротив, предельно открытой, хотя границы цивилизаций и будут определены отчетливо. Человек заново откроет измерение внутренней свободы - «свободы для», вопреки плоской и чисто внешней либеральной свободе - «свободе от» (по Джону Миллю), которая на самом деле

никакая не свобода, а ее симулякр, навязанный для более эффективной эксплуатации планетарных масс узкой группой глобальных олигархов.

- Александр Гельевич, Вы являетесь создателем теории многополярного мира, заложившей фундамент, с которого может начаться новый исторический этап. Ваша книга «Теория Многополярного Мира» сейчас переводится на другие языки. Переход к новой модели мироустройства означает радикальные изменения и во внешней политике национальных государств, и в современной мировой экономике; фактически, Вы создали все предпосылки для возникновения нового дипломатического языка. Безусловно, это вызов глобальной гегемонии Запада. Какой, на Ваш взгляд, будет реакция Ваших политических оппонентов, когда они осознают всю серьёзность исходящей угрозы?

- Как и всегда в сфере авангардных философских и идеологических идей, вначале мы имеем эффект недоумения, стремление замолчать или маргинализировать их. Затем приходит фаза жесткой критики и отвержения. Потом их начинают учитывать. Затем они становятся общим местом и трюизмом. Так было и со многими моими идеями и концептами в последние 30 лет. Традиционализм, геополитика, социология воображения, этносоциология, Консервативная революция, национал-большевизм, евразийство, Четвертая Политическая Теория, национал-структурализм, русское шмиттианство, концепция трех парадигм, эсхатологический гнозис, Новая Метафизика и теория Радикального Субъекта, конспирология, русское хайдеггерианство, альтернативный постмодерн и т.д. воспринимались вначале в штыки, затем частично ассимилировались, и, наконец, становились частью мейнстримного дискурса в академических кругах и в политике России, а отчасти, и за ее пределами.

Каждое из этих направлений имеет свою судьбу, но схема их усвоения примерно одинакова. Так будет и с Теорией Многополярного Мира. Ее будут замалчивать, затем демонизировать и яростно критиковать, потом начнут приглядываться, затем примут. Но за все надо платить и все отстаивать в борьбе. АртюР Рембо сказал, что «духовные битвы так же жестоки и трудны, как и битвы армий». За ТММ надо будет бороться яростно и отчаянно. Как и за все остальное.

- В «Теории Многополярного Мира» Вы пишете, что за межкультурный диалог ответственность несёт элита цивилизации. Правильно ли я понимаю, что это должна быть «подготовленная» элита, то есть элита, обладающая более широкими знаниями и возможностями, нежели нынешняя? Скажите, в чём заключается основное отличие этих элит?

- Цивилизационная элита - это новый концепт. Пока ее не существует. Речь идет о сочетании двух качеств - глубокой ассимиляции конкретной цивилизационной культуры (на философском, религиозном, ценностном уровнях) и о наличии высокой степени «пассионарности», упорно толкающей человека к высотам власти, престижа, влияния. Современный либерализм канализирует пассионарность исключительно в сфере экономики и бизнеса, создавая привилегированные социальные лифты для определенного и вполне специфического типа личностей (который американский социолог Юрий Слезкин назвал «меркуриальным типом»).

Меркуриальная элита глобализма, «авиапочвенники» мондиалистского номадизма, воспетого Жаком Аттали, должна быть свергнута в пользу радикально иных элитарных типов. В каждой цивилизации могут доминировать и иные «планеты», не только вороватый, торгашеский Меркурий и отражающие его установки протейческие менеджеры-космополиты. Исламская элита явно будет другой - пример этого мы видим в современном Иране, где политика (Марс) и экономика (Меркурий) подчинены духовности духовных авторитетов, аятоллам (Сатурн).

Но «планеты» лишь метафоры. Разные цивилизации основаны на разных кодах. Главное, что элита обязана отражать в себе эти коды, какими бы они ни были. Это важнейшее условие. Воля к власти, присущая любой элите, должна быть сопряжена с волей к знанию, то есть интелектуализм и активизм у такой многополярной элиты должны быть повенчаны. Технологическая эффективность и ценностное (часто религиозное) содержание должны в такой элите совмещаться. Только такая элита сможет полноценно и ответственно участвовать в диалоге цивилизаций, воплощая в себе принципы своей традиции и вступая во взаимодействие с представителями иных цивилизационных миров.

- Как Вы можете прокомментировать гипотезу о том, что возвращение к двухполярной модели все ещё возможно?

- Думаю, нет, ни практически, ни теоретически. Практически, поскольку сегодня нет ни одной страны, сопоставимой по основным параметрам с США и Западом в целом. США оторвались от остального мира настолько, что никто в одиночку соперничать с ними не может. Теоретически только Запад сегодня обладает претензией на универсализм своих ценностей, тогда как ранее в качестве альтернативы рассматривался марксизм. После краха СССР стало понятно, что универсализм бывает только либеральным, капиталистическим. Противостоять западному империализму может только коалиция больших пространств - не второй полюс, а сразу несколько полюсов, причем каждый из них со своей особой стратегической инфраструктурой и с особым цивилизационным, культурным и идеологическим содержанием.

- Насколько реален внезапный переход к бесполярной модели? В чём основные недостатки этой модели?

- Переход к бесполярной модели, о которой все чаще говорят лидеры Совета по международным отношениям (Ричард Хаас, Джордж Сорос и т. д.), означает смену фасада однополярной гегемонии, переход от доминации с опорой на военно-стратегическую мощь США и НАТО (hardware) к распыленной доминации Запада в целом (software). Это две версии - хард-гегемония и софт-гегемония. Но в обоих случаях именно Запад, его цивилизация, его культура, его философия, его технологии, его политико-экономические институты и процедуры выступают как эталон универсальной модели. В перспективе это будет означать передачу власти «мировому правительству», где доминировать будут все те же западные элиты, то есть глобальная олигархия. Она при этом отбросит маски и будет выступать напрямую от лица транснациональной силы. В каком-то смысле бесполярность еще хуже, чем однополярность, хотя, казалось бы, хуже некуда.

Бесполярность сама по себе, и тем более резко и стремительно, не наступит. Для этого мир должен пройти через потрясения и испытания, чтобы отчаявшееся человечество само воззвало к мировой элите с мольбой о спасении. До этого должна ослабнуть мощь США, произойти мировые катаклизмы и войны. Бесполярный мир под кон-

тролем мирового правительства, состоящего из прямых представителей глобальной олигархии, и есть ожидаемый многими религиозными кругами приход «царства антихриста».

Что касается «недостатков» такой модели, то я полагаю, что она будет как раз той «великой пародией» на священную мировую Империю, о которой предупреждал Рене Генон в его работе «Царство количества и знаки времени». Это будет глобальный симулякр. Распознать эти «недостатки» будет не так просто, иначе противостояние «антихристу» было бы слишком простым делом, а глубина его соблазна была бы незначительной.

Истинной альтернативой является многополярность, все остальное - от лукавого в самом прямом смысле этого слова.

- Проект «контр-гегемонии» Роберта Кокса, который Вы упоминаете в своей книге, ставит перед собой цель разоблачить существующий порядок в международных отношениях и поднять против него восстание. Для этого Кокс призывает к созданию контр-гегемонистского блока, в который войдут политические акторы, отвергающие существующую гегемонию. Является ли разработанная Вами Четвёртая Политическая Теория своего рода контр-гегемонистской доктриной, способной объединить восставших против гегемонии Запада?

- Я убежден, что Четвертая Политическая Теория вполне вписывается в логику построения контр-гегемонии, о которой говорил Кокс. Кстати, о близости критической теории в МО и Теории Многополярного Мира есть прекрасный текст Александра Бовдунова, озвученный на конференции по Теории Многополярного Мира в Москве в МГУ 25-26 апреля 2012.

4ПТ не есть законченная доктрина, это пока первые шаги в сторону выхода из концептуального тупика, в котором мы оказались перед лицом либерализма, отвергаемого сегодня все большим количеством людей по всему миру, в условиях краха прежних антилиберальных политических теорий – коммунизма и фашизма. В каком-то смысле необходимость в 4ПТ – это знак времени, и всерьез не может быть оспорена никем. Другое дело, какой будет 4ПТ в окончательном виде. Возникает соблазн построить ее как синкретическое сочетание из элементов прежних антилиберальных учений и идеологий...

Я убежден, что надо идти иным путем. Надо осмыслить корень нынешней гегемонии. Этот корень совпадает с Модерном как таковым, и именно из Модерна растут корни всех трех базовых политических теорий – либерализма, коммунизма и фашизма. Манипулировать с Модерном для поиска альтернативы либерализму и соответственно либеральной гегемонии Запада, на мой взгляд, бессмысленно. Мы должны выйти за пределы Модерна вообще, за границы номенклатуры его политических акторов - индивидуум, класс, нация, государство и т. д.

Поэтому 4ПТ как основа контр-гегемонистского планетарного фронта должна строиться совершенно иначе. Как и Теория Многополярного Мира, 4ПТ оперирует с новым понятием – «цивилизацией», но 4ПТ ставит особый акцент на экзистенциальном ее аспекте. Отсюда важнейший центральный тезис 4ПТ о том, что ее субъектом, актором является Dasein. У каждой цивилизации свой Dasein, а значит, она описывается конкретным набором экзистенциалов. На их основании и следует возводить новую политическую теорию, обобщаемую на следующем уровне в «многополярную федерацию Dasein» как конкретную структуру контр-гегемонии. Иными словами, сама контр-гегемония должна мыслиться экзистенциально, как поле войны между неаутентичным экзистированием глобализма (глобальное отчуждение) и горизонтом аутентичного экзистирования народов и обществ в многополярном мире (преодоление отчуждения в возможности цивилизации подлинно быть).

- Если мы будем говорить о когнитивном восстании, какими в первую очередь, должны быть наши действия, направленные на свержение диктатуры Запада?

- Важнейшим шагом является начало систематической подготовки глобальной революционной элиты, ориентированной на многополярность и 4ПТ. Эта элита должна выполнять критически важную функцию – быть звеном между локальностью и глобальностью. На локальном уровне речь идет о массах и отчетливых выразителях именно локальной культуры (религиозных авторитетах, философах и т. д.). Часто эти круги не обладают планетарной перспективой и просто защищают свою консервативную идентичность перед ядовитым наступлением глобализации и западного империализма.

Поднять массы и традиционалистов-консерваторов на осознанное восстание в контексте сложного союза контр-гегемонистского блока напрямую чрезвычайно трудно. Простые консерваторы и подерживающие их массы, например, исламского или православного толка, едва ли смогут пронзительно осознать необходимость альянса с индуистами или китайцами. На этом будут играть (и уже активно играют) глобалисты с их принципом «разделяй и властвуй!» Но именно революционная, консервативно-революционная элита, представляющая собой элиту даже в рамках традиционалистской элиты конкретного общества, должна взять на себя функцию соотнесения локальной идентичности, прочувствованной и осознанной глубоко, с общим горизонтом многополярности, 4ПТ и контр-гегемонии.

Без формирования такой элиты восстание против постсовременного мира и свержение диктатуры Запада не состоится. Всякий раз там, где у Запада будут проблемы, ему на помощь станут приходить антизападные силы, которые, тем не менее, будут мотивированы узкими счетами с конкретным цивилизационным соседом - чаще всего, столь же антизападным, что и они сами. Так будет осуществляться и уже осуществляется инструментализация глобалистами различных консервативных фундаменталистских и националистических движений. Исламские фундаменталисты помогают Западу в одном, европейские националисты – в другом. Так «однополярный момент» продлевает свое существование не только сам по себе, но и играя антагонистическими в его отношении силами. Свержение диктатуры Запада станет возможным только тогда, когда эта его стратегия будет достаточно осознана и появится новая контр-гегемонистская элита. Инициатива вроде «Глобального Революционного Альянса» - уникальный пример подлинно революционного и эффективного противостояния гегемонии.

- Вы неоднократно говорили, что евразийство является стратегическим, философским, культурным и цивилизационным выбором. Можно ли надеяться, что политический курс, выбранный Владимиром Путиным (создание Евразийского Союза) станет первым шагом к многополярной модели?

- Это непростой вопрос. Сам по себе Путин и, тем более, его окружение, действуют скорее по инерции, не ставя под вопрос легитимность существующего планетарного статус-кво. Их задача - от-

воевать себе и России достаточно приемлемое место в рамках существующего миропорядка. Но в этом-то и заключается проблема: по-настоящему приемлемого места для России нет и быть не может, так как «однополярный момент», а равно и «бесполярная глобализация» предполагают десуверенизацию России, ликвидацию ее как самостоятельного цивилизационного и стратегического полюса.

Дмитрия Медведева и его окружение (ИНСОР) эта самоликвидация, похоже, устраивала, ради перезагрузки он был готов пойти почти на все. Путин понимает ситуацию явно несколько иначе, и критерии «приемлемости» у него другие. Его психологически более всего устроило бы приоритетное партнерство с Западом при сохранении суверенитета России. Но этого-то как раз в рамках однополярности или глобализма получить ни при каких обстоятельствах невозможно – ни практически, ни теоретически.

Поэтому Путин разрывается между многополярностью, куда его ведет ориентация на суверенитет и атлантизмом, куда его влечет инерция и неустанная работа огромной сети влияния, пронизывающей все структуры российского общества. Вот дилемма. Путин делает шаги в обоих направлениях – он провозглашает многополярность, Евразийский Союз, защищает суверенитет России, говорит даже о цивилизационных особенностях России, укрепляет вертикаль власти, выказывает уважение (если не больше) Православию; но с другой стороны, окружает себя проамериканскими экспертами (например, «Клуб Валдай»), перестраивает образование и культуру под глобалистские западные образцы, ведет либеральный курс в экономике, терпит компрадорский олигархат и т.д.

При этом поле для маневров у Путина постоянно сужается. Логика обстоятельств подталкивает его к более однозначному выбору. Внутри страны такая неопределенность курса вызывает растущую неприязнь, легитимность падает. Вовне Запад только повышает давление на Путина, чтобы склонить его к глобализму и признанию «однополярности», а конкретно – уступить свой пост западнику Медведеву. Так Путин, продолжая колебаться, между многополярностью и западничеством, теряет почву и поддержку и там, и там.

Новый срок его президентства будет очень сложным. Мы будем делать все от нас зависящее, чтобы сдвинуть его к многополярности, Евразийскому Союзу и 4ПТ. Но мы не одни в российской политике,

против нас за влияние на Путина борется еще целая армия либералов, агентов влияния Запада и обслуживающий персонал глобальной олигархии. За нами, правда, народ и истина. Но за ними - глобальная олигархия, деньги, ложь и, видимо, сам отец лжи. Тем не менее, vincit omnia veritas. Вот в этом я не сомневаюсь.

Беседовала *Натэлла Сперанская*

Януш Бугайски

Ни одна отдельная держава, включая США, не может предопределять судьбу мира

Интервью с Янушем Бугайски, директором Программы новых европейских демократий вашингтонского Центра стратегических и международных исследований (New European Democracies program at the Center for Strategic and International Studies)

- Распад СССР означал отмену Ялтинской системы международных отношений и торжество единственного гегемона в лице Соединённых Штатов Америки, и, как следствие, изменение двухполярной модели мироустройства на однополярную. Тем не менее, некоторые аналитики всё ещё говорят о возможном возвращении к двухполярной модели. Как Вы относитесь к этой гипотезе? Существует ли вероятность появления державы, способной бросить вызов мировому гегемону?

- Время «биполярности» или глобальной доминации двух держав закончилось с коллапсом Варшавского Пакта и дезинтеграцией Советского Союза. На протяжении менее чем 20 лет США были неоспоримой глобальной силой с возможностями, кажущимися неограниченными. Некоторыми эта фаза описывалась как однополярный момент. Сейчас США брошен вызов новыми державами в некоторых регионах, но ни одна отдельная страна не способна восполнить свою крайне малую глобальную роль. Глобальная «биполярность» более невозможна, поскольку больше нет ни одной страны, имеющей столь сильное глобальное влияние. Тем не менее, мы наблюдаем возникновение «биполярных» или даже «триполярных» условий в разных регионах планеты. Например, в Центральной и Восточной Азии, в значительной степени присутствуют и борются за влияние три державы - Китай, Россия и США.

- Збигнев Бжезинский открыто признаёт, что США постепенно утрачивают своё влияние. Здесь можно применить концепцию «имперского перенапряжения», введённую известным историком Полом Кеннеди. Вероятно, Америка столкнулась с тем, что было ранее пережито Советским Союзом. Как Вы оцениваете нынешнее положение США?

- В большей степени участь глобальной роли Америки - ее закат, и для того, чтобы быть эффективными и влиятельными в будущем, США должны преследовать общие интересы, с большими и меньшими партнерами в разных регионах. Будущая глобальная позиция Америки, в конечном счете, будет зависеть от ее экономического возрождения, от возможностей Атлантического альянса и от ее способности установить взаимовыгодные, согласованные отношения с существующими и появляющимися державами.

Несмотря на «биполярную» терминологию, США никогда не были равными Советскому Союзу. СССР было искусственным государством, созданным Большевицкой диктатурой, рухнувшей, ког-

да стремления пленных народов начали преобладать над неудавшейся политической идеологией и экономической системой Советского Коммунизма. США - это добровольный союз, основанный на демократическом плюрализме и свободном рынке, не участвующий в аннексировании своих соседей. Постепенный закат глобальной роли США не приведет к коллапсу американского государства, поскольку в настоящем времени в нем нет никаких внутренних сепаратистских движений.

- Утрата мирового влияния США означает не больше, не меньше, как конец однополярного мира. Но здесь возникает вопрос, переход к какой модели произойдет в самое ближайшее время? С одной стороны, мы имеем все предпосылки для возникновения многополярного мира, с другой - стоим перед опасностью столкнуться с беспоплярностью (non-polarity), которая будет означать настоящий хаос.

- Нужно быть очень осторожным, используя понятия из естественных наук в теории международных отношений. Есть по крайней мере три концептуальных проблемы с понятием «полярности». Во-первых, оно предполагает, что у большой страны есть существенное привлекающее влияние или значительные возможности стать легитимной притягивающей силой по отношению к ее соседям. Вместо этого амбициозное правительство может просто задабривать и оказывать давление на своих соседей, вынудив их против своей воли признать временную доминацию, но такой «полюс» власти едва ли будет вызывать лояльность, и будет нестабильным.

Во-вторых, концепция «полярности» недооценивает интересы и стремления меньших и средних по размеру стран, ограничивая их амбициями больших государств. Таким образом, это может быть использовано в качестве дымовой завесы и обоснования для неоимпериалистического доминирования, которое ограничивает национальную независимость многочисленных подчиненных государств.

В-третьих, «беспоплярность» не означает автоматически хаос. Хаос предполагает, что мы столкнемся с некой разновидностью гоббсовской борьбы за выживание между конкурирующими государствами, в которой будет преобладать насилие. Несмотря на то, что такая ситуация возможна в некоторых регионах, самозванные «полярные» державы сами могут быть источником конфликта - либо

между собой, либо между другими, следуя политике «разделяй и властвуй».

В других регионах отсутствие гегемонии могло бы фактически сподвигнуть страны к кооперации, с тем, чтобы избежать хаоса, оставаясь при этом вне доминации. В результате, вместо обеспечения стабильности и безопасности борьба за «многополярность» может фактически вызвать конфликт, особенно там, где две или больше держав соперничают за большее влияние, пока меньшие государства сопротивляются давлению или манипуляции со стороны больших держав в отношении друг друга, с тем, чтоб предотвратить значительное превосходство любого отдельного «полюса».

- Проект «контр-гегемонии», разработанный Робертом Коксом, имеет цель разоблачить существующий порядок в международных отношениях и поднять против него восстание. Для этого Кокс призывает к созданию контр-гегемонистского блока, в который войдут политические акторы, отвергающие существующую гегемонию. В основе однополярной модели, навязываемой США, лежит либеральная идеология. Из этого можно сделать вывод, что в основе многополярной модели точно так же должна лежать определённая идеология. Какая идеология, на Ваш взгляд, может занять место контр-гегемонистской, способной объединить множество политических акторов, не согласных с гегемонией Запада?

- Идея «контр-гегемонистского» блока Кокса - одна из версий антиамериканского или антизападного альянса, стратегии, которая была инициирована Советским Союзом и в итоге провалилась. Такая стратегия сталкивается с тремя главными проблемами: она будет стимулировать новые конфликты с Западом, включая США, и Европейским Союзом; маловероятно, что она способна привести к значимой и прочной кооперации между такими разными странами, как Китай, Индия и Россия; и этому будут противостоять незападные государства и правительства, которые либо стремятся быть частью Запада, смотрят в сторону Запада, либо предпочитают либеральную модель.

Выражения оппозиции Западу ведомы в большей степени политиками и интеллектуальными лидерами, которые боятся потерять свою власть в стране, так же как влияние на международной арене. Тем не менее, не появилось конструктивной идеологии, способной

объединить и мобилизовать разные государства, у которых часто противоположные амбиции в одних и тех же регионах.

- Если мы перенесём многополярную модель на экономическую карту мира, то получим сосуществование нескольких полюсов и, одновременно, создадим полноценную матрицу для возникновения новой экономики - за пределами западного капиталистического дискурса. Применима ли, на Ваш взгляд, для этого концепция «автаркии больших пространств», предложенная Фридрихом Листом?

- Сама по себе идея звучит весьма фантастично. Я не вижу ничего нового в «новой экономике», предлагаемой некоторыми теоретиками. На самом деле, можно убедительно утверждать, что почти весь мир теперь - капиталистический, хотя модели капитализма различны, в частности в том, насколько государство вмешивается или контролирует предприятия и рынки. Более того, мир стремительно становится более взаимосвязанным и понятие автаркии, самодостаточности и изоляционизма может быть для кого-то привлекательным, но вместе с тем, будет чрезвычайно трудно его навязать, контрпродуктивно и материально невыгодно.

- Согласны ли Вы с тем, что в настоящее время судьба мирового порядка решается в России, то есть в Heartland, на сдерживание и ослабление которого направлена планетарная стратегия США?

- Это мессианское и бредовое предположение. Ни одна отдельная держава, включая США, не может предопределять судьбу мира. Глобальная судьба предопределяется множеством факторов и акторов. Тем не менее, неопределенная судьба России окажет прямое влияние и на Азию и на Европу. Россия сталкивается с тремя возможными направлениями в своем развитии: модернизация и демократизация; автократия и нео-империализм; либо конфликт и дезинтеграция. Все три отзовутся политическими, экономическими и социальными отголосками в нескольких соседних регионах.

В этом контексте, стратегия США направлена на поддержку первой опции, поскольку следование этим путем позволит обеспечить стабильность и более вероятно приведет к международному сотрудничеству. Две другие альтернативы, вероятно, спровоцируют региональный кризис, который подтолкнет Вашингтон к участию в новых конфликтах, чего США стремятся избежать в виду своих ограниченных возможностей.

- Сейчас мы находимся на пороге парадигмального перехода к однополярной модели мирового порядка к многополярной, где акторами выступают уже не национальные государства, а целые цивилизации. Недавно в России вышла книга «Теория Многополярного Мира» доктора политических и социологических наук, профессора Александра Дугина. Эта книга закладывает теоретический фундамент, с которого может начаться новый исторический этап, и описывает ряд изменений как во внешней политике национальных государств, так в современной мировой экономике, которые сопряжены с переходом к многополярной модели. Безусловно, это также означает появление нового дипломатического языка. Считаете ли Вы, что многополярность является естественным состоянием мира и переход к многополярной модели уже неизбежен?

- Естественное есть то, каким его делает человек. Нет «естественного порядка» как такового, поскольку мир проходит через фазы, которые мы пытаемся классифицировать в предсказуемых категориях. Мир не будет аккуратно «многополярным» согласно концепции, которая предполагает разделение мира на четкие регионы, в которых доминируют и считаются легитимными определенные «полюсы власти», и в которых другие «полюсы власти» отсутствуют или минимизируют свое присутствие.

Намного более вероятно, что мы будем свидетелями продолжающейся борьбы за зоны влияния между большими государствами, наряду с сопротивлением меньших держав доминации агрессивных соседей.

Термин «цивилизация» также весьма проблематичен. Имперские государства традиционно изображали свои политические и социальные структуры наряду со своими системами верований и культурными паттернами как воплощение высшей цивилизации, с которой должны соглашаться и к которой должны стремиться все другие. Этот термин насыщен миллениаризмом и расизмом, и его нужно избегать. Мы также должны признать будущую роль международных институтов, поддерживающих «многосторонность» (multilateralism), направленную против многополярности (multipolarity), и подрывающую ее.

В итоге, любая теория международных отношений должна учитывать сложность реальности, и если она не может объяснить эту

реальность - она должна быть отброшена и обличена как преимущественно идеологический инструмент внешней политики.

Беседовала *Натэлла Сперанская*,
перевод с английского *Ваан Минасян*

Раздел 2.

Многополярность: разработка теории

Александр Дугин

Евразийство и многополярность - абсолютные императивы будущего

Создание Евразийского Союза провозглашено одним из важнейших приоритетов российской внешней политики как стратегия третьего срока Президента Путина. Следует присмотреться к этому проекту внимательно и определить его значения как для глобальной архитектуры мира, так и для основных региональных держав, на прямую граничащих с Россией и странами СНГ. Итак, что понимают в Москве под Евразийским Союзом?

В своей программной статье, провозгласившей ориентацию на Евразийский Союз, Президент Путин не дает всех ответов на острые вопросы, но намечает общие подходы. Во-первых, из статьи явствует, что Евразийский Союз не является синонимом Евразийского Экономического Содружества (ЕврАзЭС), в рамках которого речь идет исключительно об экономическом партнерстве и создании Таможенного союза. ЕврАзЭС (Россия, Казахстан, Беларусь, Таджикистан, Киргизия) и Таможенный союз (Россия, Казахстан, Беларусь) уже существуют и действуют.

Не дублирует Евразийский Союз, по замыслу автора, и Организацию Договора о Коллективной Безопасности (Россия, Казахстан, Беларусь, Таджикистан, Киргизия, Армения). Речь идет не только об экономической интеграции и едином стратегическом пространстве – речь идет о новом сверхнациональном политическом образовании на пространстве СНГ, то есть о своего рода Евразийской Конфедерации как прямом аналоге Европейского Союза.

Причем, будущее интеграционное образование нельзя сравнивать ни с Российской Империей, ни с СССР; оно создается на основании

совершенно иной политической и социальной модели, в основе которой лежат демократические принципы и процедуры, признание суверенитета всех членов Союза, принцип добровольности членства, а также отсутствие какой бы то ни было унифицирующей идеологии.

Эти аспекты позволяют сразу отбросить возможные аналогии, на основании которых западная и мировая пресса принялась толковать инициативу Путина. Говорить о том, что Москва «воссоздает Империю или СССР» все равно, что рассматривать Евросоюз как «возрождение империи Карла Великого», возврат к «планам Наполеона» или реализацию «Пан-Европейского Рейха», планы которого вынашивались в СС (проект Долежалека). Это сравнение показывает всю абсурдность аналогий поверхностной и недоброжелательной критики. Евразийский Союз – проект создания совершенно нового демократического интеграционного образования на евразийском пространстве.

* * *

В создании Евразийского Союза важнейшую роль играет принцип цивилизации. И здесь мы вплотную подходим к философии евразийства, которая и является идейной средой, подготовившей проект Евразийского Союза. Согласно этой философии, Россия исторически была не просто европейской или азиатской страной (или же гибридом того и другого), но вполне самостоятельной цивилизацией, где большое значение наряду с восточнославянским и православным фактором имели тюркские и финно-угорские этносоциальные и культурные традиции, а также мусульманские религиозные структуры.

Русская культура является евразийской – как синтез и нечто вполне своеобразное, а не синкретическое сочетание разрозненных элементов Востока и Запада. Границы этого евразийского «культурного круга» отнюдь не исчерпываются искусственными пределами Российской Федерации, но включают в себя практически все постсоветское пространство, представляющее собой единое целое. Цивилизационное единство подкрепляется сходством социального уклада, экономическими особенностями, энергетическими интересами и военно-стратегическими вызовами. Все это вместе составляет аргументы евразийской интеграции и предпосылки создания евразийского Союза.

При этом проект Евразийского Союза влечет за собой логически несколько иных фундаментально важных моментов, также относящихся к евразийской философии.

На планетарном уровне евразийство предполагает создание многополярного мира – вопреки однополярному (существующему сегодня при очевидной доминации США) или бесполярному (глобализационный проект, подразумевающий появление мирового правительства). Евразийский Союз, предполагающий включение большинства стран СНГ, мыслится как полюс многополярного мира, наряду с другими полюсами – американским, китайским, европейским, индийским, исламским, латиноамериканским.

Для того, чтобы быть полноценным полюсом в системе многополярного мира, ни у России, ни тем более у других стран СНГ, фатально недостает ресурсов, масштабности, инфраструктуры. Следовательно, не объединившись в самостоятельное и равноправное евразийское образование, все страны СНГ рано или поздно окажутся принудительно включенными в те или иные коалиции, с явной гегемонией той или иной силы – Европы, США, Китая, радикального ислама и т. д. Но с каждой из этих гегемоний у стран СНГ будет заведомо намного меньше общего, нежели с друг другом или с Россией. Отсюда прямая зависимость успеха построения многополярного мира и скорости осуществления евразийской интеграции.

* * *

Однако, для того, чтобы построить многополярный мир, необходимо расстроить однополярное устройство и сорвать проект создания мирового правительства. Поэтому Евразийский Союз представляет собой прямой вызов США и Западу в целом и их глобальной стратегии. Западу в многополярном мире отводится значительная, но не решающая роль. Не удивительно, если Запад будет этому проекту противиться. Создать Евразийский Союз можно только в активной и эффективной конкурентной борьбе на разных уровнях – стратегическом, экономическом, энергетическом, политическом, дипломатическом и т. д.

Другим важным моментом евразийской политической философии является реорганизация баланса сил на евразийском материке в целом. Евразийский Союз имеет границы, совпадающие в целом с границами стран СНГ, где интеграция должна быть максимально

тесной. Но от того, какой будет архитектура отношений между собой других прилегающих евразийских региональных держав (Китай, Индия, Иран, Пакистан, Турция, Афганистан и т. д.), зависит сам успех евразийской интеграции.

Таким образом, можно выделить три слоя в контексте евразийского континента:

- ядро интеграции - современная Российская Федерация (называемая геополитиками «heartland», сердечной землей);

- зона Евразийского Союза (территория стран СНГ, предполагающая вхождение в единое политическое образование, своего рода Конфедерацию);

- политическое пространство всей Евразии, структурированное вокруг других силовых полюсов (Китай, Индия, Пакистан, Иран, Турция, Афганистан и т. д.).

Эти три слоя в теории многополярности призваны быть максимально независимыми от США и Запада и организовать свои отношения в рамках строго регионального партнерства и в своих интересах. Каждая из региональных держав приглашается стать инициатором интеграционных проектов по аналогии с Евразийским Союзом.

Для Китая аналогом Евразийского Союза может быть интеграция с Тайванем. Для Индии – укрепление связей с Непалом и Бангладеш, а также урегулирование конфликтов с Пакистаном. Для Ирана – создание зоны шиитского влияния как в Афганистане и на Южном Кавказе, так и на Ближнем Востоке (Ирак, Сирия, Бахрейн, Ливан и т. д.) Для Пакистана – интеграция с пуштунскими регионами Афганистана. Для Турции – укрепление территориальной целостности, сохранение контроля над Северным Кипром и Курдистаном.

Некоторые зоны влияния могут пересекаться на основании общности тех или иных факторов – религиозных, этнических, политических, стратегических и т. д.

* * *

Вместе с тем, третий пояс Евразии предполагает появление в будущем координационной структуры, призванной осуществлять координацию основных региональных держав между собой. Отчасти эта функция возложена на Шанхайскую Организацию Сотрудничества. Но исторически и даже символически в ней бросается в глаза

непропорционально большая роль Китая, а также отсутствие Ирана и Турции, ключевых игроков в Евразии. Поскольку ШОС решает ряд стоящих перед этой организацией вопросов, она вполне может существовать и дальше.

Но многополярный мир и евразийская философия требуют новой координационной модели – создания общей площадки Стран «Евразийского Диалога» или «Евразийского Форума» (вариант «Евразийской Конференции»). В этой структуре должны изначально быть учредителями все ключевые игроки Евразии, разделяющие императив многополярного мироустройства и заинтересованные в успешной региональной интеграции.

Так как Россия занимает центральное место в геополитическом пространстве континента, то можно представить себе «Евразийский Диалог» как набор осей, сходящихся в точке Москвы:

- юго-западная ось - Анкара-Москва;
- южная ось - Тегеран-Москва;
- юго-восточная ось (1) - Исламабад-Москва;
- юго-восточная ось (2) - Нью Дели-Москва;
- восточная ось - Пекин-Москва.

Кроме того, между всеми этими центрами сил могут быть дополнительные связи и соответствующие структуры.

* * *

К Евразийскому Союзу едва ли смогут примкнуть крупные региональные державы, так как степень предполагаемой интеграции здесь слишком высока. Равно как и Россия, и страны СНГ едва ли смогут стать естественными участниками интеграционных проектов, строящихся вокруг других евразийских центров. Но осуществление всех этих интеграционных циклов важно не только для тех, кто их осуществляет, но и для всех остальных евразийских держав: многополярный мир невозможно построить в одиночку, и в этом смысле в успехе Евразийского Союза должны быть кровно заинтересованы даже те страны, которые непосредственно в нем принимать участия не будут. Верно и обратное: Россия и страны СНГ должны активно поддерживать интеграционные инициативы других евразийских стран и оказывать им всяческую поддержку.

Если мы сложим наиболее значимые козыри потенциальных участников «Евразийского Диалога», то получим весьма внушительную картину:

- Китай (мощнейшая экономика, огромный демографический потенциал, технологический рынок модернизации, самобытная цивилизация);

- Россия (ядерный потенциал, огромные территории, богатейшие запасы природных ресурсов, традиции политической независимости, особая культура);

- Иран (активное политико-религиозное мессианство, древнейшая культура, жесткая оппозиция однополярному миру, западной глобализации и постмодернистской культуре);

- Индия (бурное развитие промышленности, высоких технологий, мощная демография, древнейшая культура);

- Турция (динамичное развитие, геополитическая активность в регионе, социокультурные особенности);

- Пакистан (ядерное оружие, высокая демография, потенциал активной политической исламской культуры).

* * *

Если поодиночке конкуренция с США и Западом у всех этих стран проблематична, то в совокупности они представляют собой гигантскую планетарную силу, способную совместно диктовать Западу условия (по крайней мере отстоять право на свободное поведения на пространстве собственных стран и прилегающих зон влияния, без опасения экспорта цветных революций и иных субверсивных стратегий, применяемых Западом).

Многополярный мир, Евразийский Союз и евразийство в широком смысле связаны между собой неразрывно. Если мы совместно не отстоим право на то, чтобы сохранять и развивать свои оригинальные цивилизационные уклады, то утратим независимость и исчезнем с лица истории. Поэтому евразийство и многополярность являются абсолютными императивами будущего.

Это ясно понимает Путин. Это столь же ясно должны понять лидеры остальных великих евразийских держав.

Александр Дугин

«Политейя» в Теории Многополярного Мира

Актором международных отношений в ТММ выступают цивилизации. Мы видели, что понимание цивилизаций может быть чрезвычайно разнообразным, при этом разные варианты не исключают, а дополняют друг друга. Такое разнообразие существенно обогащает концепт, делает его чрезвычайно содержательным, что дает возможность плюральных толкований цивилизационной идентичности, чьи пропорции, акценты и границы могут меняться, уточняться и варьироваться. Но для того чтобы перейти на уровень теории, этот концептуальный плюрализм должен быть сведен к более упрощенной редукционистской системе. Здесь важнейшим инструментальным концептом является «большое пространство» (Grossraum), рассмотренное в «Геополитике многополярного мира». «Большое пространство», в отличие от цивилизации, представляющее собой принципиально не политическое явление, можно рассматривать уже как политический преконцепт, подводящий вплотную к оформлению политического измерения ТММ. И здесь мы подходим к очень важной проблеме: каким политическим статусом будут обладать полюса многополярного мира (=цивилизации) в этой теории? И, соответственно, на какой основе будет строиться правовая база международных отношений?

Здесь мы вынуждены напрямую ответить на очень деликатный вопрос, имеющий как чисто теоретическое, так и психологическое значение: будут ли полюса многополярного мира государствами? Если да, то, какими? Если нет, то чем они будут?

Для того чтобы ответить на эти вопросы и приблизиться к выработке формального политического концепта, завершающего построение ТММ (по крайней мере, на первом этапе), следует дать краткий обзор того, что понимается под «государством» в современной политической науке.

На исторической шкале принято разделять все государства на два типа: пред-современное государство (Pre-Modern State) и современное государство (Modern State). Это принципиально разные концепты, обладающие собственным набором признаков. Пред-современные государства достигают своей обобщающей кульминации в Империи, которая предполагает сочетание высшей центральной власти в едином центре с широким распределением полномочий в пользу политических образований более низкого уровня – провинции, колонии, полуавтономные царства и т.д. К другому типу пред-современного государства относится древний полис, город-государство как небольшая автономная единица, обладающая относительной независимостью от других аналогичных сил и представляющая собой властный центр для прилегающих (сельских) территорий. Пред-современные государства могут быть самыми разнообразными с точки зрения политической власти, которую Аристотель систематизировал в трех парах, первый член которых рассматривался как позитивная версия правления, второй – как негативная, ущербная и пейоративная:

монархия – тирания
аристократия – олигархия
полития – демократия

Большие территории предполагают больше централизации (монархия), малые могут управляться в режиме прямого народоправления (политии). То есть Империя или город-государство, как версии пред-современных государств мы относим именно к Премодерну не на основании политической системы, в них преобладающей. Это важно.

Главными критериями пред-современного государства в его отличии от государства современного являются:

1. наличие у пред-современного государства сверхрациональной миссии и мифических истоков;
2. наличие в основании распределения власти сословного общества;
3. наличие коллективной идентичности (кастовой, сословной, этнической, конфессиональной и т.д.) как социальной основы политического организма.

Современное государство отличается от традиционного именно в этих трех пунктах. Оно

1. совершенно рационально, руководствуется расчетом и национальными интересами, а создано на основании социального договора;

2. предполагает равенство всех граждан перед законом и отсутствие строго определенных привилегий на власть у какой бы то ни было социальной группы;

3. основано на индивидуальном гражданстве, то есть отрицает на правовом уровне какую бы то ни было коллективную идентичность.

Современное государство принято называть «национальным государством» или «Государством-Нацией» (Etat-Nation).

Сегодня в международных отношениях нормативным является только «национальное государство», которое считается единственным легитимным паттерном.

В отношении природы и структуры современного национально-государства в политической науке ведутся жаркие дискуссии, но базовым для большинства ученых остается анализ государства социологом М. Вебером и плеядой его современных последователей, называемых иногда «неовеберийцами» (М. Манн, Т. Скокпол, Ч. Тилли и т.д.).

Веберовская традиция определяет государство по 4 основным элементам. Государство это

1. дифференцированный набор институций и персонала, воплощающих в себе

2. централизм, в том смысле, что политические отношения организованы как излучаемые изнутри вовне, покрывая собой

3. всю территориально фиксированную зону, над которой

4. обладает монополией на установление правил властвования, подтвержденной монополией на использование средств физического насилия¹.

Эта веберовская модель социологии государства дает точное описание его с позиции форм и предполагает определенную степень ее автономии (учение об абсолютном суверенитете лежит в основании такой модели как имплицитная аксиома). Марксисты вносят в эту

¹ Mann M. The autonomous power of the state: its origins, mechanisms and results//Archives Europeennes de sociologie. № 25, 1984.

картину дополнительный социальный аспект, настаивая на том, что огромную роль играют классовые отношения, тяготеющие к тому, чтобы выйти за национальные границы (классовая солидарность международной буржуазии и интернациональный характер пролетариата). Но даже если не признавать учение о классовой борьбе, марксистский анализ уделяет повышенное внимание социальной стороне, гражданскому обществу, которое не имеет прямого отношения к государству как политической форме, но, тем не менее, оказывает на политику значительное (подчас решающее) влияние. Это подробно разбирал А. Грамши и продолжают современные грамшисты (как левые, так и правые). Грамши помещает «гражданское общество» в надстройку и строго отделяет его от сферы политического (то есть от государства). Если в политике (государстве) мы имеем дело с прямой властью, оформленной правовым образом и признанной функционально (*Potestas Directa* Карла Шмитта), то в обществе мы имеем дело с тем, что Грамши называет «гегемонией», то есть такой формой установления иерархических и властных отношений, которые не осознаются как таковые теми, кому они навязываются. Можно соотнести гегемонию в понимании Грамши с *Potestas Indirecta* у К.Шмитта. Гегемония не осознается как власть теми, на кого она воздействует, не признается легально и не имеет вообще никакого правового статуса. Коммунист Грамши считает, что в буржуазном обществе буржуазия обладает не только политической властью с помощью буржуазного государства и его аппарата, но и гегемонией, воплощенной в образовании, педагогике, науке, культуре, философии, искусстве и других формах гражданского общества, где неявно доминируют носители буржуазного сознания, подкрепляющие и легитимизирующие интеллектуально политическую доминацию капиталистов. Значение фактора «гегемонии» в понимании Грамши, существенно дополняет веберовское определение государства дополнительным – социальным – измерением. Значение роли гражданского общества и разных вариантов *Potestas Indirecta* охотно признают и даже идеологически используют многие либералы, транснационалисты и даже «новые правые» (А. де Бенуа).

И, наконец, еще один важный концептуальный ход в понимании природы государства делают представители неореализма в области Международных Отношений (в первую очередь, М. Уолтц), которые

предлагают рассматривать структуры национального государства не «изнутри вовне», на чем зиждется классический веберовский анализ, а «извне внутрь», анализируя то, как общий баланс сил в мировой политике аффлектирует не только внешнюю политику отдельных государств, но отчасти и внутреннюю, заставляя национальные государства адаптироваться – политически, экономически, социально, культурно и т.д. – к политической системе, сложившейся на международном уровне. Эту же тему развивают представители нео-веберовского направления (М. Манн, Т. Скокпол и т.д.), дополняя геополитическими факторами и учетом «баланса сил» анализ собственно государства.

Синтезом такого подхода является Английская школа Международных Отношений и особенно ее направление, связанное с трудами Фреда Холидэя, положившего начало направлению «исторической социологии в МО». У представителей этого направления мы встречаем все три уровня в понимании государства – веберовский (формальный), социологический (как грамшистский, так и либеральный/транснационалистский), геополитический (учет глобальной системы баланса сил на мировом уровне).

Этот краткий обзор понимания современного государства помогает нам подойти к ответу на поставленный ранее вопрос: можно ли рассматривать полюс многополярного мира, цивилизацию, как базовый актор в синтаксисе государства?

Теперь можно попытаться встать на индуктивный путь исследования и нащупать те характеристики, которые должны были бы быть свойственны полюсам многополярного мира. Попробуем описать их интуитивно.

1. Полюс многополярного мира должен обладать суверенитетом. Но только перед лицом других полюсов. Это вытекает из практического требования обеспечить цивилизации свободу и независимость перед лицом других цивилизаций, основанных на альтернативных культурных кодах.

2. Центр власти в цивилизации должен быть легальным с формально правовой точки зрения.

3. Зона применения власти и соответственно область установки ею правил игры должны быть дифференцированы в зависимости от этнокультурного и конфессионального состава населения.

4. Территориальная модель управления строится на принципах федерализма и субсидиарности (Альтуссиус).

5. Идентичность интегрируемых в цивилизации единиц может быть вариативной – коллективной (преимущественно) и индивидуальной (в определенных случаях).

6. У политического образования должны быть и миссия (вытекающая из культурного кода цивилизации), и рациональные интересы (основанные на верифицируемой и прозрачной калькуляции).

7. Социальные страты (этноконфессиональные группы, классы и т.д.) должны быть транспарентно и легально представлены в структуре политического тела.

8. Необходим межцивилизационный совет как совещательный орган, устанавливающий (неабсолютные и не неизменные) правила межцивилизационного взаимодействия (не нарушающие принцип суверенитета цивилизаций) с учетом как принципа многополярности, так и силового баланса.

Теперь, если мы проанализируем этот набор интуитивных параметров, мы обнаружим, что к нашему удивлению такое сконструированное теоретически политическое тело, с одной стороны, оперирует с известными и теоретически обоснованными в других контекстах свойствами Политического, а с другой, не совпадает ни с одной из рассмотренных моделей – ни с пред-современным государством, ни с современным национальным государством, ни с транснационалистскими конструктами неолибералов, ни с марксистским пролетарским интернационализмом. Мы имеем дело с централизмом в понимании власти, суверенитета, легальности, но в то же время с плюрализмом в отношении социальной идентичности и территориальных полномочий, а кроме того, с высоким уровнем легализации того, что Грамши называет «гражданским обществом». Так, мы получили оригинальный концепт, который не может быть строго отождествлен ни с государством (ни с Империей, ни с национальным Государством-Нацией), ни с обществом, ни с какой-то еще привычной моделью Политического, хотя все его составляющие, взятые по отдельности, оказываются нам знакомыми.

То есть в определенном смысле мы имеем дело с описанием одной из версий политического Постмодерна.

Осталось подобрать имя для этой концепции. Мы предлагаем (как вариант) воспользоваться термином «политейя» в платоновском смысле (а не в узком смысле «положительной демократии», как его употреблял в «Политике» Аристотель, прибегавший в других случаях и к более широкому толкованию). Платоновскую «Политейю» (знаменитый диалог, в котором излагается связно и системно учение об идеях) переводят и как «Государство» и как «Республику». Но тем не менее та реальность, о которой идет речь у самого Платона и тот смысл, который вкладывали в этот термин греки того времени, не совпадает ни с нашим сегодняшним пониманием государства, ни с тем, что понимали под *Res Publica* римляне (ни тем более, с тем, что имеется в виду под «Республикой» в наше время). «Политейя» – это политическое образование любой размерности – от полноценного централизованного государства до его отдельных частей (провинций, округов, сатрапий и даже совсем мелких сельских единиц или конфессиональных анклавов)¹.

Этот термин иногда используется в политической науке, но чаще всего метафорически, не приобретая никакого строго закрепленного за ним концептуального денотата. Что мешает в таком случае закрепить в качестве такого денотата тот набор свойств, которым обладает полюс многополярного мира? Тем более что термин «политейя» не имеет строгой фиксации ни в политических теориях Модерна, ни в Премодерне. Политейя – это упорядоченное, организованное общество, причем таковым может быть как Империя, так и современное государство, их отдельные части, а также общества разного калибра – от небольших общин до глобального общества. Теоретически мы можем применить ко всем ним термин «политейя», который не используется именно в силу его чрезмерной многозначности. Но та же самая полисемия, которая является причиной того, что этот термин не получил широкого применения в политологии, в случае теории многополярного мира является удивительным терминологическим преимуществом, вполне соответствующим самой структуре многополярности как комплексного явления. Политейя – это понятие, идеально подходящее для описания комплексного Политического,

¹ На релевантность данного термина «политейя» в контексте Теории Многополярного Мира указала впервые Н. Сперанская.

редукция которого в концепт требует включения большего числа параметров разной размерности, нежели в рутинной практике Модерна.

Государство – это политейя, но политейя – это не государство, так как включает в себя и общество, и культуру, и даже геополитические единицы. Политейя в ТММ есть политическое оформление «большого пространства» и поэтому обладает с самого начала еще и геополитическим измерением, что позволяет прозрачно интегрировать в ТММ «геополитику многополярности».

Если мы зафиксируем термин «политейя» для полюса многополярного мира, то увидим еще одну лингвистическую параллель: при толковании значения греческого слова *πολιτεία* словари часто приводят в качестве наиболее близкого по смыслу концепта латинский термин *civitas*, что дает нам именно цивилизацию. Но именно цивилизацию мы выделили в качестве главного актора международных отношений в ТММ. То есть поиск политического концепта для описания полюса многополярного мира завершился строго в той точке, с которой мы начали: мы снова пришли к понятию цивилизации, но на сей раз, уточнив его политическое выражение и его политическое содержание.

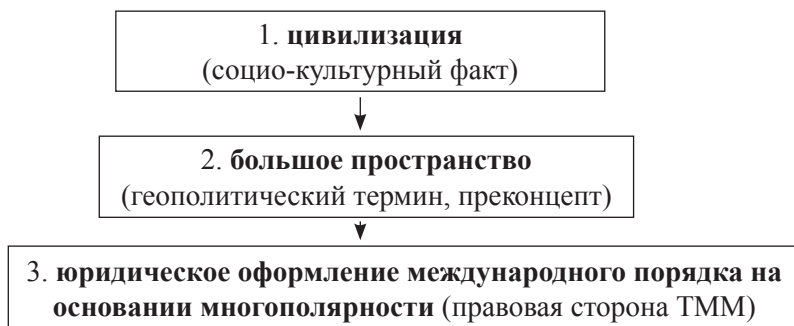

Александр Дугин

Концептуальные подходы к понятию «цивилизация»

Концепт «цивилизации» играет ключевую роль для Теории Многополярного Мира (ТММ)¹. Поэтому чрезвычайно важно рассмотреть его на разных уровнях и дать ему различные толкования. В этом вопросе преждевременно настаивать на «строгой ортодоксии» или на каком-то однозначном определении, так как мы заведомо имеем дело с принципиально новым теоретическим контекстом, соответствующим той идейной среде, где только и может выстроиться полноценная теория многополярности.

Чтобы стать впоследствии юридической реальностью, «цивилизация» должна быть сопряжена с тем, что К. Шмитт называет «большим пространством»² и что в ТММ рассматривается как переходный теоретический модуль «преконцепта», располагающийся между этим окончательным оформлением де-юре и существующей де-факто цивилизацией³. Поэтому можно рассмотреть данную ситуацию схематично:

¹ Дугин А. Г. Теория Многополярного Мира. М.: Евразийское Движение, 2012

² Шмитт К. Номос Земли: Civitas Terrena. М., 2008.

³ Там же..

Чтобы перейти от первого уровня ко второму, необходимо уточнить, что понимается под «цивилизацией».

Здесь возможно несколько подходов. Перечислим основные.

Цивилизация как субстанция (онтологическая концепция цивилизации).

Рассмотрение цивилизации как автономной субстанции предполагает приписывание ей онтологического первенства. В этом случае «цивилизация» соответствует аристотелевской категории «подлежащего» и отвечает на вопрос *to ti einai*.

Такое представление помещает цивилизацию в центр концептуального поля, расширяемого за счет номенклатуры предикатов. Если цивилизация соответствует субстанции, то набор предикатов описывает ее в каждом конкретном случае, предопределяя, соответственно, ее качественное содержание.

Одна цивилизация как субстанция описывается одним набором предикатов, другая - другим и т.д.

Между цивилизациями как субстанциями могут быть прослежены взаимодействия, взаимовлияния. Субстанции как «вещи» (*res*) могут быть рассмотрены статически и кинетически, а также динамически (с точки зрения особого силового потенциала).

Продолжая аристотелевскую модель, можно говорить об энтелехиях цивилизаций и о перспективе их тяготения к «естественным местам».

Цивилизация как процесс (динамическая концепция цивилизации).

Такой подход предполагает рассмотрение цивилизации в рамках того, что Ф. Бродель называл «*gande durée*»¹, то есть «циклами большой длительности». В этом случае цивилизация представляет собой постоянное изменение всех составляющих, которое становится заметным только тогда, когда цивилизация достигает своей кульминационной точки – входит в период революций, потрясений или войн. Но изменения внутри цивилизационного устройства происходят

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-XVIII вв.. В 3-х т. М.: Весь мир, 2007; Он же. Структуры повседневности. М., 1986.

всегда, хотя и остаются чаще всего незаметными для глаза исследователя.

Таким образом, цивилизация есть состояние, в котором на микроуровне происходят постоянные флуктуации, накапливаются изменения, трансформируются отношения между отдельными элементами.

Такой подход сводим к методу «школа анналов» и качественно отличается от субстанциального подхода, основанного на презумпции постоянной идентичности. Динамический подход предполагает, напротив, что цивилизационная идентичность постоянно меняется, а, следовательно, каждый исторический момент должен быть рассмотрен тщательно, и его семантическое поле должно быть детально изучено.

Цивилизация как система (системическая концепция цивилизации).

Системический подход в целом близок к динамическому, но ставит в центр внимания изменение обобщающей доминанты, которая представляет собой выражение совокупного баланса микро- и мезопроцессов. Цивилизация может быть рассмотрена в таком случае как социо-культурная система (П. Сорокин¹) или историко-культурный тип (Н. Данилевский²).

Системный подход к цивилизации характерен также для О. Шпенглера (обосновывающего дуализм цивилизация/культура), А. Тойнби³ (предложившего расширенную номенклатуру цивилизаций) или Л. Гумилева⁴ (сочетавшего рассмотрение цивилизаций с этнологической перспективой и оригинальной теорией пассионарности).

Цивилизация как структура (структурно-функциональная/морфологическая концепция цивилизации).

В отличие от системического подхода, структурный подход рассматривает цивилизацию как константное явление, изменения вну-

¹ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006.

² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-романскому. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, Издательство «Глаголь», 1995.

³ Тойнби А. Постигание истории. М.: Прогресс, 1990.

⁴ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1992.

три которого не влекут за собой существенного морфологического изменения. Форма цивилизации остается на разных этапах ее существования постоянной и выражается в неизменности ее основополагающих структур.

Другое дело, что сами эти структуры и их «материальное» воплощение могут изменяться, а их выражения приобретать различный характер, проявляясь через те или иные идеологические, религиозные или культурные комплексы. Но при этом функциональное значение и соотношение друг с другом основных несущих элементов во всех случаях сохраняется неизменным.

В отличие от субстанциального подхода структурный подход ставит акцент не на онтологической непрерывности, но на эпистемологической и гносеологической непрерывности.

Цивилизация как пайдеума (образовательная концепция цивилизации)

Уточнением эпистемологического подхода к цивилизации может служить теории «пайдеумы», развитая представителями исторической школы «культурных кругов», в частности, Л. Фробениусом¹. Фробениус рассматривает трансляцию культур от одного общества к другому как передачу особого образовательного кода, называемого «пайдеумой». Структура этого кода предопределяет основные цивилизационные практики – как в области экономики и политики, так и в сфере духовной культуры, обрядов, ритуалов, символов и т.д.

Цивилизация, таким образом, есть то, чему можно научить и чему следует учиться.

Совмещение понятия цивилизации как пайдеумы с моделью «культурных кругов» позволяет проследить маршруты распространения древних цивилизаций и продолжение этого процесса в современном мире.

Вопросы образования в такой модели становятся в центре внимания.

Цивилизация как набор ценностей (аксиологическая концепция цивилизаций).

¹ *Frobenius Leo. Paideuma: Umriss einer Kultur- und Seelenlehre. München: Beck, 1921-1928.*

Цивилизация может быть сведена к той совокупности ценностей, которые приобретают в том или ином обществе статус нормативных. Такой аксиологический подход заложен в социологии М. Вебера¹ и хорошо известен. Не вдаваясь в детальный анализ цивилизационных структур и не претендуя на понимание логики системного развития, аксиологический подход позволяет оперативно описать цивилизацию на основании ее наиболее явных признаков (ценностей), построить их систематические иерархии и подвергнуть компаративистскому анализу.

Такой подход удобен для экспресс-анализа и для оперативного составления «паспорта цивилизации» в духе того, что антропологи (К. Гирц²) называют «жидким описанием» (thin description).

Цивилизация как организованное бессознательное (психоаналитическая концепция цивилизации).

Психоаналитическая трактовка цивилизации может быть построена уже на основании поздних работ самого З.Фрейда (в частности, «Тотем и табу»³), где он предлагает применить психоаналитический метод к анализу культурных фактов. В частности, по этой реконструкции «Эдипов комплекс» является социообразующим элементом для всех человеческих обществ. Хотя сам этот тезис был позднее оспорен представителями социальной антропологии (доказавшими, что в некоторых культурах сами предпосылки для «Эдипова комплекса» отсутствуют – в частности, в матриархальных культурах аборигенов Тробриандских островов⁴), идея применить психоанализ к интерпретации культур доказала свою состоятельность.

Еще более продуктивным для понимания цивилизации является метод К.Г.Юнга, развивавшего идею о «коллективном бессознательном»⁵. Сам Юнг по-разному понимал на разных этапах своего творчества «коллективное бессознательное», но различия в его структуре у представителей разных обществ – это эмпирический

¹ Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.

² Geertz Clifford. The Interpretation of Cultures. NY: Basic Books, 2000.

³ Фрейд З. Тотем и табу. М., 1923.

⁴ Малиновский Бронислав. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. М.: РОССПЭН, 2004.

⁵ Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. Спб., 2002.

факт. На этом основании можно построить психоаналитическую карту цивилизаций.

Особым направлением может служить теория Ж.Дюрана, предложившего свою версию «социологии глубин»¹, позволяющую интерпретировать культурные и цивилизационные коды как результаты работы разных режимов воображения.

Цивилизация как (религиозная) культура.

Культурологическая интерпретация цивилизации является одной из наиболее очевидных, тем более, что в некоторых европейских языках цивилизация и культура воспринимаются как синонимические термины. Особенность такого подхода состоит не просто в подчеркивании культурного фактора при определении цивилизации и ее качественного содержания, но в повышенном внимании к религиозным основам каждой конкретной цивилизации – и в том случае, если эта религиозность является эксплицитной и социообразующей, и в том случае, если она действует имплицитно, сквозь иные, секулярные идеологии и ценностные системы.

Цивилизация как язык (филолого-лингвистическая концепция цивилизации).

Определение цивилизации как языка предполагает рассмотрение ее структуры с лингвистической и филологической точек зрения. Строго монолингвистических обществ не бывает, тем более в масштабе цивилизации. Поэтому всегда в цивилизации есть один (реже два и более) койне (*lingua franca*) и целый спектр других языков, переплетенных в общий семантический и концептуальный блок.

Язык и языковое наследие могут выступать как обобщенный эквивалент цивилизации, что позволяет сравнивать цивилизации между собой с помощью средств компаративной лингвистики и семиотики.

На определенном уровне такой подход к цивилизации может быть совмещен со структуралистским подходом.

Цивилизация как первая производная от этноса (этносоциологическая концепция цивилизации).

¹ Durand G. Les Structures anthropologiques de l'imaginaire. Paris: Borda, 1969.

В книге «Этносоциология»¹ разработана модель интерпретации обществ и социальных структур через метод их соотнесения с этносом и его архаическим состоянием. В этой модели цивилизация рассматривается (наряду с государством и религией) как технический термин, обозначающий переход от этноса к лаосу (народу), как к результату его первого качественного усложнения. Народ отличается от этноса тем, что его структура на порядок более дифференцирована, в нем присутствует социальная стратификация (элиты и массы), сильными позициями наделены структуры Логоса, в центре внимания стоит фигура Другого. В отличие от государства и религии, цивилизация воплощает этот высокий дифференциал в культуре, философии и искусстве. Хотя сплошь и рядом государство, религия и цивилизация идут друг с другом рука об руку.

Этносоциология позволяет найти место цивилизации как историко-социальному феномену в цепочке других производных от этноса. В частности, из такой реконструкции видно, что цивилизация относится к парадигме Премодерна и к формам традиционного общества.

Цивилизация как конструкт (конструктивистская концепция цивилизации).

Совершенно отличное понимание цивилизации может быть получено в рамках конструктивистского подхода. Этот подход относится к парадигмам Модерна и Постмодерна. Но если преимущественным объектом конструирования общества в Модерне является государство (национальное государство –Etat-Nation), то цивилизация может быть осознана как конструкт и результат проектирования именно в условиях Постмодерна. Однако либеральный и отчасти гошистский Постмодерн занимается, скорее, деконструкцией любых социальных структур, вплоть до их атомизации и обращения к сингулярным индивидуумам (и далее – вплоть до ризомы, тела без органов, машины желания Делеза/Гваттари²). В ТММ и в Четвертой Политической Теории³, однако, мы сталкиваемся с альтернативной версией Постмодерна, и в этом контексте объектом конструирования

¹ Дугин А. Г. Этносоциология. М.: Академический Проект, 2011.

² Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2007.

³ Дугин А. Г. Четвертая Политическая Теория. СПб.: Амфора, 2009; Четвертая Политическая Теория. Альманах NN 1-2, 2010-2011.

вполне может стать именно цивилизация как новый и, в данном случае, искусственный актер.

Цивилизация как Dasein (экзистенциальная концепция цивилизации).

В Четвертой Политической Теории субъект намечается именно через экзистенциальное измерение и идентифицируется в Dasein. Множественность Dasein'ов соответствует множественности цивилизаций. Эта тема намечена в книге «Мартин Хайдеггер. Возможность Русской Философии»¹. Это как раз позволяет связать между собой 4ПТ и ТММ как два аспекта одного и того же подхода.

В этом случае цивилизация может быть описана через набор экзистенциалов, каждый из которых будет характерен только для какой-то одной цивилизации. Отсюда же можно прочертить и временные горизонты цивилизации, описанные Хайдеггером в Sein und Zeit², применительно, естественно, к Dasein'у. Будущее цивилизации, таким образом, будет заключаться в ее возможности аутентично быть. Следовательно, для каждой цивилизации есть свой конкретный Ereignis.

Цивилизация как нормативное поле человека (антропологическая концепция цивилизации).

Наконец, к цивилизации можно применить тот же метод, который используют антропологи для исследования бесписьменных культур и архаических обществ. Франц Боас³ показал, что между обществами не может существовать общей меры, и постижение каждого из них требует внутреннего соучастия, включенного наблюдения и даже (временной) смены идентичности. Эту же тему развили и ученики Боаса (американская школа культурной антропологии), и английские представители социальной антропологии, и французские социологи школы Э. Дюркгейма⁴-М. Мосса⁵, и структурные антро-

¹ Дугин А. Г. Мартин Хайдеггер. Возможность Русской Философии. М.: Академический Проект, 2011.

² Heidegger M. Sein und Zeit (1927). Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2006.

³ Boas F. The Mind of Primitive Man. New York: Macmillan, 1938.

⁴ Durkheim E. Les formes élémentaires de la vie religieuse. Paris: Librairie générale française, 1991.

⁵ Мосс М. Общества. Обмен. Личность. М.: Восточная литература,

пологи (К. Леви-Стросс¹), и немецкие этносоциологи (Р. Турнвальд², В. Мюльман³).

Антропологический подход с самого начала социологи стали время от времени применять и к иным, неархаическим обществам (например, У. Томас вместе с Ф. Знанецким в их классической работе «Польский крестьянин в Европе и Америке»⁴). Поэтому для системного изучения с помощью антропологического инструментария цивилизаций все предпосылки налицо и все маршруты такого подхода уже приблизительно намечены.

Теоретически видимо можно наметить и иные подходы к изучению цивилизаций, но здесь можно остановиться на их перечислении. 13 различных, хотя и не исключающих, а скорее, дополняющих друг друга подходов уже достаточно, чтобы составить представление о качественном объеме возможных цивилизационных исследований.

Каждый из этих подходов можно сопрячь как с другими, параллельными, так и напрямую с областью «большого пространства». Геополитика в целом и социология пространства позволяют нам осуществлять подобные операции в случае каждого из концептов цивилизации. Пространственное выражение может иметь и субстанция, и процесс, и система, и структура, и язык, и религия, и культура, и бессознательное, и этнос, и Dasein и все остальное. Совокупность подобных карт, соответствующих разным толкованиям цивилизаций, дадут преконцепту «большого пространства» огромный семантический качественный объем. Из предварительной аппроксимации «большое пространство» в каждом конкретном случае превратится в полноценное и многомерное смысловое поле. Все это и подготовит последний этап – переход к тому, что К. Шмитт назвал «порядком

1996.

¹ Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001.

² Thurnwald R. Die menschliche Gesellschaft in ihren ethnosoziologischen Grundlagen, 5 B. Berlin: de Gruyter, 1931-1934.

³ Mühlmann Wilhelm Emil. Methodik der Völkerkunde. Stuttgart: Ferdinand Enke, 1938.

⁴ Thomas W. I., Znaniecki F. W. The Polish Peasant in Europe and America: A Classic Work in Immigration History. Urbana.: University of Illinois Press, 1996.

больших пространств»¹, а в нашем случае, к полноценному правовому оформлению Многополярного Мира.

¹ Schmitt C. Völkerrechtliche Großraumordnung Mit Interventionsverbot Für Raumfremde Mächte. Ein Beitrag zum Reichsbegriff im Völkerrecht. Berlin: Duncker & Humblot, 1988.

Юре Вуич¹

В поисках идеального мира

Предпосылки современного миропорядка и современной международной системы обнаруживают себя уже в конце существования Вестфальской системы (основанной на действовавшем с 1648 года принципе права рода (gens) и нации), базировавшейся на принципе уважения государственного суверенитета и территориальной целостности. В полной мере концепция Нового Мирового Порядка проявляется с началом Французской революции и материализуется в виде основанной

Вудро Вильсоном в 1919 году Лиги Наций и Ялтинского передела мира.

Это отрицание принципа европейского публичного права, «общеевропейского закона» (*Jus publicum europaeum*), так же как и постепенная англосаксонизация международного права и международных отношений – служат цели англо-американской мировой гегемонии. С падением Берлинской стены американский извод «нового мирового порядка» представляет собой кульминацию этой англо-американской концепции международных отношений. Концепции, которая лежит в основе интернационализации региональных конфликтов, введения постоянного и чрезвычайного «специального» международного права: права на вмешательство, гуманитарную интервенцию, на ту волну превентивных военных вторжений, которые мы

¹ Юре Вуич, геополитик, представитель «новых правых», сотрудник Министерства иностранных дел Хорватии

наблюдали на Ближнем Востоке, в Ираке, Афганистане, Ливии, а также на Гаити.

Когда идет речь о справедливости и беспристрастности мирового порядка, необходимо принимать во внимание то, что международная политика мыслится с точки зрения политического могущества и гегемонии – силы, а не справедливости. Конечно, есть еще и теоретические идеалистические модели властвования, пытающиеся представить в более привлекательном виде реалистичный, жестко обусловленный интересами подход к международным отношениям. Я верю в то, что мировая сцена – это единая иерофания, или, лучше сказать кратофания, что означает потенцию и возможность для силы развиваться и распространяться. Это концепция, в которой естественный принцип справедливости может быть различным образом интерпретирован и инструментализирован. Например, в том, что касается операционализации принципа «справедливой войны» как предлога для империалистических кампаний.

Я верю в то, что будущая международная система должна опираться на более справедливый и равный баланс сил и на многополярный базис, который позволит услышать все голоса – даже самых маленьких стран и народов, и гарантировать более равное перераспределение ресурсов планеты.

История американской внешней политики, так, как она интерпретируется в ключевых мифах и доктринах избранной американской нации – от «явного предначертания» (Manifest Destiny) до «Проекта нового американского века», – говорит о мессианском стремлении Америки к господству над миром. В этом контексте однополярность администрации Буша была воплощением все того же столетней давности устремления к мировой гегемонии.

Глобализацию не следует рассматривать лишь в экономическом аспекте, с точки зрения коммуникаций и экономического прогресса. Это также четко определенный неолиберальный план (чьим главным инициатором является англо-американский истеблишмент) по отмене госконтроля, либерализации мировых рынков ради обретения мировой финансовой олигархией контроля над мировыми ресурсами, энергией и топливом, и другими богатствами. Такая программа не оставляет места для народов, стран, этносов, культур – все это воспринимается как препятствие. Препятствия должны быть нивели-

рованы, все должны быть превращены в однотипных потребителей, любое сопротивление должно быть подавлено.

Гегемония – это сочетание экономических, геополитических, военных факторов, а также «мягкой силы» (soft-power) - психологических и медийных факторов. Если мы обратимся к работам Джозефа Ная, станет очевидно, что сегодняшняя супердержава США и установленная ей глобальная военная гегемония не могли бы продолжать существование без массированных мягких средств психологического и культурного доминирования. Это доминирование осуществляется через голливудскую продукцию, общество развлечения, через контроль СМИ и информации, и через манипуляцию системой образования. Самый большой успех англо-американской гегемонии – колонизация воображения на глобальном уровне.

На горизонтальном уровне – различные движения, ассоциации граждан, инициативы, сети, политические и культурные движения, вне зависимости от их политической принадлежности, которые противостоят неолиберальной англосаксонской глобализации – все они могут поспособствовать постепенному устранению этой гегемонии, особенно на уровне автономной активности внутри общества. В «вертикальной» перспективе будущее антигегемонистской борьбы в макрорегиональной перегруппировке, гибкой ассоциации и общих позициях для всех стран и народов Евразии, среди которых Россия, конечно, с ее географическим положением в геополитическом центре, ее размером и историей, играет стратегическую и ключевую федерализующую роль. У России есть наибольший шанс противостоять этой гегемонии.

Необходимо учесть: поскольку мир глобально объединяется и становится гегемонически единообразным, он одновременно с этим по умолчанию фрагментируется по принципу центр-периферия. Эта фрагментация может также быть хорошей возможностью для кристаллизации нового многополярного порядка и геополитической идентичности.

История происхождения идеи глобализма и самой тенденции к универсализму достаточно долгая. Эта тенденция берет начало в иллюминизме эпохи Просвещения, она привела к возникновению светского типа универсализма, основанного на идее рациональности, техницизма и антропоцентризма. Это и стало мозговым центром, ко-

торый породил сегодняшний глобализм как продолжение зловещего прогрессистского мифа о прогрессе человечества. Следовательно, идея глобальности неотделима от идеи современности (modernity) самой по себе, и критика глобализма также является критикой современности.

Принцип глобального управления, продвигаемый на различных глобалистских форумах, от Давоса и «Трехсторонней комиссии» до Бильдербергской группы, является концептуальным рычагом, призванным усилить сторонников монетаризма и финансиалистской неолиберальной экономической политики на глобальном уровне.

Многополярный мир является возможным и желаемым. Провал конструктивистского проекта однополярности, наблюдаемый по всему миру, показал нам пределы однополярного подхода. Примечательно, что войны в Афганистане, Ираке, Ливии, и дальнейший процесс этноконфессиональной фрагментации в мире доказали, что любой однополярный подход к конструктивистскому формированию синтетических региональных общностей или стран (государство-строительство, nation building), смоделированный на основе неолиберальной рыночной демократии, обречен с самого начала. Такой подход обречен, поскольку он не основан на культурных корнях, не учитывает истории и традиций народов.

Многополярный порядок является во всех отношениях более желательным и равноправным, чем однополярный подход, поскольку многополярность основана на более сбалансированном распределении политической власти; многополярная модель предполагает уважение к уникальности бытия каждого национального сообщества, уважение к важности органического духовно-исторического целого, существующего в данном пространстве и времени.

В классическом смысле политической географии «ось» обозначает место, которое структурирует и регулирует определенное протяжение территории, в которой каждая область структурируется осями. Это подразумевает, что территория и ось диалектически связаны. На данном континентальном уровне стратегические оси представляют собой геополитические, географические и геоэкономические движущие силы, чья функция – структурирование других частей континентального пространства. Все геополитическое искусство и мудрость состоят в нахождении и установлении достаточно интегрированного

баланса между различными осями частей территории, дабы быть в состоянии эффективнее и более справедливо управлять целым пространством.

В современном постмодернистском мире государственный суверенитет более не воспринимается в качестве ключевого атрибута власти (как это было в классическом государстве-нации с его делимитированными границами). Есть, например, портовые города или мегалополисы, которые обладают, как стратегические оси на макро-региональном уровне, большей экономической мощностью, чем сами отдельные государства.

В международных отношениях понятие цивилизации часто использовалось в качестве инструмента. Например, так произошло с тезисом Хантингтона относительно особенных геополитических и экономических интересов, так же как с и теорией о детерминированных и неизбежных конфликтах между исламским миром и христианским Западом.

Если мы будем исходить из постулируемой Шпенглером дихотомии между культурой (как органической и дифференцированной категорией) и цивилизацией (как материальной и количественной категорией), в этом случае мы можем прийти к заключению, что современная глобализация представляет собой вершину «эпохи цивилизации-технологии» и главенства материи над культурой как духовной категорией. Возможно, это столетие станет критической точкой в битве между культурой и цивилизацией.

Должен признать, что в моей стране – Хорватии – евразийская теория многополярности либо неизвестна, либо не встречает никакого понимания – до такой степени, что, как это ни парадоксально, я часто ощущаю себя первопроходцем или диссидентом в своей собственной стране. Я не смотрю на свою родину через этнонационалистические очки. Скорее, я воспринимаю ее как интегральную часть европейского континента, как равноправную геополитическую общность, расположенную на перекрестке между Центральной Европой, Юго-Восточной Европой и бассейном Средиземноморья, который является стратегической пограничной частью (что Макиндер называет «римландом», периферией) больших евразийских континентальных масс. Все мои усилия направлены на разработку такого макрорегионального подхода.

Современные войны, растущая бедность, финансовые кризисы, кризис системы ценностей – все это лишь острые симптомы болезни под названием «современность», этого полностью секуляризированного проекта Просвещения. Современный мир отсек себя от всех трансцендентных измерений и от реальности, от сложности и запутанности жизни. Я не испытываю оптимизма по поводу развития современного мира, поскольку такое «хаотическое» и энтропийное развитие базируется на ложных, фальшивых духовных, моральных, физических и философских постулатах.

Война – постоянная характеристика человеческой истории, человеческого существования, и, следовательно, не следует испытывать иллюзий относительно того, что война не может также происходить на глобальном уровне. Война господствует и в мирные времена, иллюстрацией чего служит перманентная экономическая война между различными политическими сообществами. Все социально-экономические симптомы, предшествовавшие Первой и Второй мировым войнам, всё еще актуальны: финансовый кризис, спекуляция золотом, рост цен на нефть, крах реальной экономики и производства, и при этом широкое распространение ростовщичества, биржевые спекуляции, рост бедности, всплеск популистских настроений и т. д.

Асимметричная природа современного конфликта, разнообразие акторов в конфликте, так же как и большой спектр локальных конфликтов и уровень интенсивности конфликта, – все это не исключает цепной реакции в результате лобового столкновения могущественных мировых гегемонов на глобальном уровне. Не нужно забывать и о возможности взаимного ядерного уничтожения, которое, в свою очередь, ставит вопрос о выживании самого человечества и сохранении планеты.

Я не верю в одномерный мир, к которому я не питаю симпатии, и не желал бы, чтобы он стал явью. Я думаю, что мир составлен из множества миров, и каждый из этих миров-культур уникален. В этом смысле я хочу, чтобы мир был более разнообразным, более щедрым и более справедливым в распределении природных и культурных ресурсов. Ницше однажды сказал, что «будущее принадлежит тем, у кого самая долгая память». Я лишь добавил бы, что идеальный мир – тот тот, который строит свое будущее на основе исторического

опыта и дает возможность уникальным, присущим только той или иной культуре явлениям проявляться в мире и в истории.

перевод с английского *Михаила Мошкина*

Леонид Савин

Будущее многополярное мироустройство. К вопросу деконструкции терминологии

Идея трансформации международного порядка в многополярную или полицентричную структуру находит одобрение у политического руководства различных стран. Европа заинтересована в создании противовеса американской власти, Китай утверждает необходимость создания гармоничного мира, в Российской Федерации говорят о важности установления справедливых и равных правил для всех участников международной политики. Официально Россия всячески поддерживает концепцию многополярности и ее продвижение на международной арене, в частности, с Китаем подписано две декларации по многополярности. Действующий министр иностранных дел Сергей Лавров в одной из последних публикаций назвал азиатско-тихоокеанский регион новым центром тяжести мировой политической и экономической активности, где формируется новое полицентричное мироустройство¹. Господин министр также упомянул в статье необходимость развития многоуровневой сетевой дипломатии и системы взаимодополняющих многосторонних партнерств, в том числе заинтересованность России в многостороннем сотрудничестве. Но если использовать принятый в современных международных отношениях терминологический аппарат, мы столкнемся с определенными противоречиями. Многосторонняя политика не является синонимом многополярности. После прихода в Белый дом Барака Обамы многосторонность (мультилатерализм) представляет собой инструмент американской дипломатии в духе «умной силы» для достижения своих целей, в то время как многополярность, согласно установкам американских политологов, является

¹ Лавров С.В. Политика России в Азиатско-Тихоокеанском регионе: к миру, безопасности и устойчивому развитию.//Международная жизнь, 06.04.2012

созданием такого баланса, где в мире будет существовать несколько примерно равнозначных центров силы. Иными словами, многополярность – это способ распределения власти на мировом уровне, а многосторонность – это то, как на эту реальность нужно воздействовать¹. Создается впечатление, что недостаточная проработка терминов приводит не только к недопониманию, но и к искажению теоретических основ, что неминуемо приведет к провалу политических усилий на практике – пока ряд стран будет пытаться создавать многополярность, США с помощью мультилатерализма загонит их в орбиту своего влияния. Следовательно, если Россия видит себя в ближайшем будущем одним из центров формирующегося полицентричного мирового порядка, что отражено в основных внешнеполитических документах, и собирается активно участвовать в конкурентной борьбе на международной арене, одновременно соревнуясь и взаимодействуя со своими партнерами², ей необходимо научиться побеждать в первую очередь, в когнитивном пространстве. Значит, нужно начинать с дефиниций понятий.

Во-первых, многополярность или полицентричность? Слово многополярность (мультиполярность) впервые в контексте международных отношений было употреблено в исследованиях американских политологов, посвященных вопросу распространения ядерного оружия. Наиболее аргументированной была публикация Карла Дойча и Дэвида Сингера «Многополярная система власти и международная стабильность», вышедшая в 1964 г. в журнале *World Politics*, издаваемом Институтом Джона Гопкинса³. Этот период был отмечен кризисом как советского, так и американского подходов в международных отношениях, особенно в регионе Азии, и ряд исследователей предпринимал попытки возможного прогноза международной ситуации. Дойч и Сингер на основе концепции возможной международной политической стабильности, концепции политической ста-

¹ Васконселос А. Многополярность, становящаяся «многосторонней» // Геополитика № XII, 2011. С. 62.

² Дынкин А.А., Иванова Н.И. (под ред.) Россия в полицентричном мире. – М.: Весь мир, 2011. С. 162.

³ Deutsch, Karl W.; Singer, J. David. Multipolar Power System and International Stability. // *World Politics*, Vol. 16, No. 3. (Apr., 1964), pp. 390-406.

бильности Л. Ричардсона, которые анализируют вероятность войны, а также теории социального конфликта Р. Даррендорфа вывели формулу, согласно которой при увеличении количества акторов международных отношений, соответственно растет количество возможных комбинаций их взаимодействия. Авторы сделали вывод, что переход от двуполярной к многополярной системе должен привести к снижению частоты и интенсивности конфликтов, а сама по себе многополярная система характеризуется гораздо большей устойчивостью, чем двуполярная. Это подтвердилось и анализом Кеннета Уолтца в отношении распространения ядерного оружия, который обосновал, что чем больше государств будет его иметь, тем крепче будет региональная и международная безопасность¹.

В целом, согласно мнению теоретиков классического реализма (Г. Моргентау, Э. Карр и др.) многополярная система более стабильна, чем биполярная, так как основные акторы могут накопить свою мощь с помощью альянсов. Однако неореалисты, наоборот, считают, что при мультиполярной системе государства будут обеспокоены наличием других центров силы, неоднозначно воспринимая их намерения. Между тем ряд зарубежных авторов даже предпринял попытку развить идею взаимного наложения биполярной и многополярной систем². В то время СССР следовал логике марксистско-ленинской теории о классовой борьбе, и весь мир был разделен на социалистический и капиталистический лагеря, а также тех, кто старался примкнуть к одному из них или еще не определился, следовательно, ни о какой концепции существования различных и равнозначных полюсов влияния по отношению к мировому политическому пространству в нашей стране не было.

Однако следует учесть, что основные школы теории международных отношений, – реализм, конструктивизм, либерализм и марксизм укоренены в западноцентричной научной парадигме, следовательно,

¹ Лукин А. Ядерное распространение: зло или благо? // Геополитика № 4, 2010. С. 15-31. .

² См. Burns, A.L. From Balance to Deterrence: A theoretical Anaysis. // World Politics, vol. IX, 1957, pp. 494-529; Zoppo, C. E. Nuclear Technology, Multipolarity, and International Stability. // World Politics, vol. XVIII, 1957, pp. 579-606; Rosecrance R. Bipolarity, Multipolarity, and Future. // Journal of Conflict Resolution, vol. X, 1966

если начать их деконструкцию, будет обнаружено много неадекватных мотивов по отношению к международным отношениям. Например, как учитывать формулу «демократического большинства» в международном голосовании. Идентична ли Индия карликовому государству Люксембург?

Можно обнаружить и немало других перекосов, но все же можно сделать один важный вывод – сам термин «многополярность» имеет американское (англосаксонское) происхождение.

Нужно заметить, что в России в политическом истеблишменте предпочитают слово полицентричность, т.к. «полярность предполагает противостояние полюсов и их бинарную оппозицию»¹. Необходимо отметить, что оно само по себе уже несет интересные коннотации. Первая часть (поли-), несмотря на то, что переводится как много-, этимологически отсылает и к полюсу, и к полису (причем, все три слова имеют древнегреческое происхождение), а вторая часть означает центры в контексте международной политики, т.е. государство или группу государств, которые могут оказывать влияние на динамику международных отношений.

Далее необходимо рассмотреть методы взаимодействия между полюсами или центрами мировой власти. Все чаще в отношении перспектив мирного сосуществования говорится о необходимости установления диалога культур и цивилизаций, поиска консенсуса и выработки понимания по важным вопросам. Все же для полицентричной структуры со многими перекрестными процессами будет правильней использовать термин полилог или малтилог. Ричард Дюк применял слово *multilogue* в контексте обучающих коммуникационных и симуляционных игр² (включая социальное и политическое пространства), а советский ученый М. Каган говорил о полилоге для описания способа взаимодействия³. По мнению современных отечественных исследователей, технология малтилога весьма эффективна и адекватна для структур, которые имеют многообразие, так как диалоговое общение чревато разрывами, а малтилог позволяет вырабатывать различные позиции и действовать с них даже при их

¹ Дынкин А.А., Иванова Н.И. (под ред.) Россия в полицентричном мире. – М.: Весь мир, 2011. С. 157.

² Duke R. Gaming: The Future's Language. N.Y.: Sage Publications, 1974.

³ Каган М.С. Мир общения. М., 1988.

динамичности, а также включить в общение каждого участника и этим обеспечить выход на консенсусные технологии¹. Этот термин пока широко не распространен в политическом дискурсе, однако начинает использоваться, в основном критиками либерализма и глобализации. Например, Иммануил Валлерстайн в своей работе «После либерализма» призывает вступить в глобальный всемирный малтилог для того, чтобы разобраться со всеми текущими проблемами и перестать впадать в иллюзии и новые ошибки².

Но более проблемным, на наш взгляд, является термин «цивилизация». Уже достаточно сомнительным является то, что понятие «цивилизация» в широкий научный оборот ввёл шотландский философ Адам Фергюсон в конце XVIII века, предложив под этим термином понимать стадию в развитии человеческого общества, характеризующуюся существованием общественных классов, а также городов, письменности и других подобных явлений. Предшествующими стадиями, согласно этому мыслителю, были дикость и варварство. В своем труде *An Essay on the History of Civil Society* А. Фергюсон отмечал, что «путь от младенчества к зрелости проделывает не только каждый отдельный индивид, но и сам род человеческий, движущийся от дикости к цивилизации»³. В связи с тем, что подобный подход был подхвачен многими учеными (в частности в советское время ему следовали из-за того, что его придерживался Фридрих Энгельс), этот императив оказывает влияние и до настоящего времени (отсюда такие выражения, как «цивилизованный подход», «цивилизованное общество» и пр.).

Позже, в конце XIX – начале XX вв. появилась и циклическая теория, когда стали говорить о различных локальных цивилизациях, существовавших на определенном историческом отрезке (египетская цивилизация, индская цивилизация и т.п.). Здесь уже рождаются концепции Освальда Шпенглера с разделением на культуру и цивили-

¹ Зайцев А. Малтилог. – М.: Академия, 2001. С. 7.

² Валлерстайн И. После либерализма. – М.: УРСС, 2003. С. 140.

³ Бенвенист Э. Цивилизация. К истории слова Civilization. Contribution a l'histoire du mot // Общая лингвистика. — М.: URSS, 2010.

лизацию¹, Николая Данилевского², который критиковал европоцентричный подход, и Арнольда Тойнби³.

Тем не менее, если брать английское слово *civilization*, то согласно его структуре (суффикс – *tion*), оно должно означать процесс или состояние. Именно понимание цивилизации как процесса предложил немецкий социолог, основатель фигуративной социологии Норберт Элиас, посвятив этому феномену свой труд «О процессе цивилизации»⁴. Если мы примем такую модель за правило, то структура мировой политики и международных отношений совершенно изменится. При этом глобализация (а этот термин, обратите внимание, используется исключительно в качестве определения процесса) выступит как особый этап цивилизации-процесса со своими характеристиками и закономерностями. Так же можно поступить и с нацией (если брать английский термин *Nation*), перейдя от привязки ее к этносу и государственным границам к динамике народов и культур. Неслучайно многие мыслители вели споры по определению нации (а некоторые ведут и поныне). В заключение данного абзаца можно отметить, что изначально используемое латинское слово *civilis* — гражданский, государственный, по своим этимологическим особенностям близко к понятию движения (вторая форма глагола *cieo* – *civi* означает приводить в движение, возбуждать, волновать, потрясать, колебать)⁵.

Если же задаться вопросом проведения сравнительного анализа термина «цивилизация», то согласно классификации Международного общества сравнительного исследования цивилизаций (ISCSC), существует около тридцати определений этого феномена, некоторые из которых противоречат друг другу. Следовательно – это открытый вопрос.

В нашем случае определение цивилизации у Сэмуила Хантингтона, хотя и носит явно этносоциологический оттенок, но наиболее

¹ Шпенглер О. Закат Европы. Минск: Поппури, 1997.

² Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2011.

³ Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М.: АСТ, 2011.

⁴ . Norbert Elias. *Über den Prozess der Zivilisation*. Basel, 1939.

⁵ Дворецкий И.Х. Латино-русский словарь. – М.: Русский язык, 2000. С. 139.

близко передает идею тех общественно-политических формаций, которые могут быть приняты за определенные центры силы, отстаивающие совместные интересы и ценности в процессе международных отношений. В своей работе «Столкновение цивилизаций» он пишет, что цивилизация – это широчайшая культурная общность. Она представляет собой самую широкую культурную группировку людей и самый широкий круг их культурной идентификации – за исключением того, что вообще отличает людей от других живых существ. Цивилизацию определяют и такие общие объективные элементы, как язык, история, религия, традиции, институты и субъективная самоидентификация людей... Цивилизации – это самое большое «мы», где человек чувствует себя в культурном отношении дома, и одновременно то, что отделяет нас от всех «них» – тех, что вовне.

Неслучайно профессор А.Г. Дугин в своем исследовании «Теория многополярного мира»¹ указывает на Хантингтона как на автора, который ближе всех (хотя и недостаточно) приблизился к концепции того, что можно будет считать полюсом в системе новых международных отношений. Цивилизация может быть названа коллективной общностью, объединенной причастностью к одинаковой духовной, исторической, культурной, ментальной и символической традиции, члены которой осознают близость друг к другу, независимо от национальной, классовой, политической и идеологической принадлежности².

Однако для выполнения условий, необходимых для осуществления центром силы своих функций, необходимо еще наличие общих геополитических условий, что отмечали отечественные ученые³. Отсюда мы переходим к месторазвитию народов. Термин «месторазвитие» был предложен основателем евразийства, географом Петром Савицким для объяснения совокупности географических, этнических, хозяйственных, исторических и пр. особенностей, представля-

¹ Дугин А.Г. Теория многополярного мира. – М.: Евразийское движение, 2012.

² Там же. С. 103.

³ Фролов Э. Д Проблема цивилизаций в историческом процессе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. — 2006. № 2.С. 96 -100.

ющих собой единое целое¹. Этот неологизм очень органично передает взаимосвязь ландшафта и культуры народов в самом широком смысле. Не случайно позднее он был развит и проинтерпретирован Львом Гумилевым в его труде «Этногенез и биосфера Земли»². А обрисовывая юридические и политические рамки, мы неизбежно подойдем и к концепции больших пространств (Grossraum) немецкого юриста и геополитика Карла Шмитта.

Тем не менее, все эти идеи и концепты, несмотря на их адекватность как истории, так и современным политическим процессам, остаются разрозненными, и в широкий международный дискурс не вводятся, во многом из-за нежелания ряда государств терять статус обладателей терминологического и научного аппарата. Таким образом, весь мир остается во власти исключительно западной точки зрения на миропорядок, а существующая система международных отношений для большинства стран и народов продолжает оставаться неудовлетворительной, а во многом и неприемлемой.

Это положение дел необходимо менять. Пока мы не можем дать однозначного ответа, как будут называться новые будущие международные взаимоотношения. Многоуровневый полилог сообществ или процесс соуправления культур-цивилизаций, или как-то еще. Для начала нужно начинать когнитивную революцию, ведь все победы и поражения рождаются в сознании. Важно то, что у большинства народов и государств есть целеполагание – необходимость адекватного мироустройства, которое отрицает глобальное доминирование США.

¹ Савицкий Петр. Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997.

² Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. М.: Айрис-Пресс, 2012.

Андре Роберто Мартин

Регионализация Мирового Пространства. Каков наш Блок?

Бразилия в поисках своего места в мире

В контексте карнавала слово «блок» означает формирование не меньшее, чем школа самбы. Здесь речь идет об организации, которая культивирует свои традиции и спонтанность, имея в своей основе более важную идею, нежели стремление производить яркое впечатление на публику посредством пышных и сложных аллегорий.

Для экономистов и политологов термин «блок» означает, наоборот, свободное формирование, в котором в ущерб собственной идентичности ищут союза, с помощью которого легче достигнуть определенных целей, пусть и ценой потери некоторых традиционных ценностей. Это те случаи, когда парламентские межпартийные блоки отказываются от определенных идеологических принципов ради политической эффективности, а также уже сформировавшиеся к нашему времени блоки государств, в которых национальные государства пренебрегают прерогативами суверенности в пользу увеличения инвестиционных возможностей и создания более широкого рынка.

Таким образом, в глазах общества сформировался смысл термина «блок», противоположный его изначальному этимологическому содержанию: учитывая, что слово «блокада» имеет тот же корень, создание блока означает закрытие, а не открытие границ, как кажется на первый взгляд.

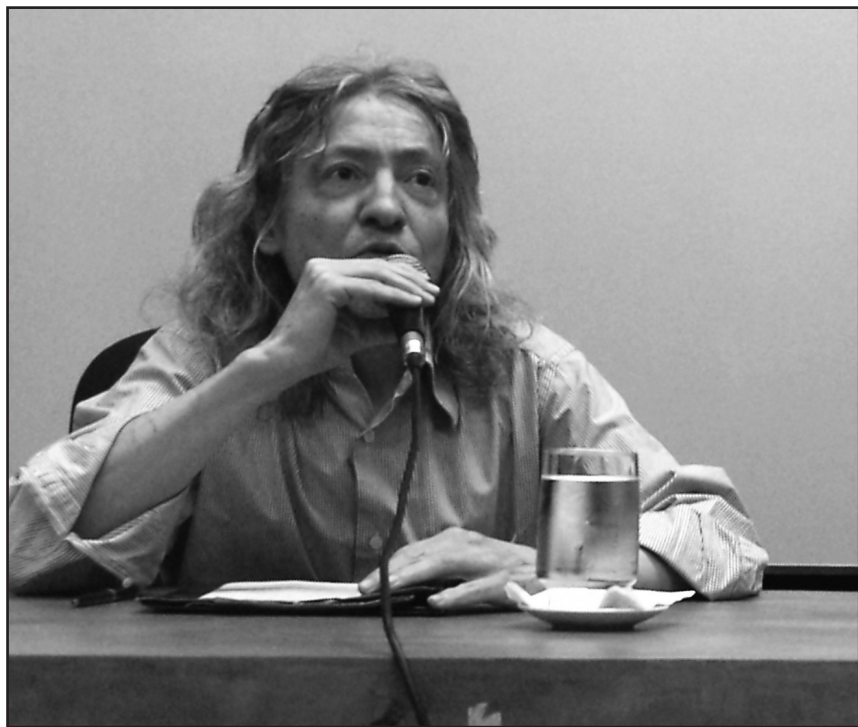
В такой ситуации, с одной стороны, очевидно, что необходимо создавать блоки государств в целях преодоления экономического кризиса, с другой – нет четких представлений, каким образом это сделать; необходимо более методично осмыслить перспективы, которые открываются для нашей страны в такой сложной сфере, как стратегический выбор во внешней политике.

Итак, мы выделили пять пунктов, которые связывают Бразилию с остальным миром, и которые мы далее подробно рассмотрим.

Международная обстановка

С момента падения Берлинской стены в конце 1989 года и войны в Персидском заливе в начале 1991, не только в узких кругах специалистов, но и за их пределами, в первую очередь благодаря средствам массовой информации, распространилось помпезное название «Новый мировой порядок». Это новое время должно было заменить предыдущий период, то есть эпоху холодной войны, и провозглашало человечеству наступление золотого будущего, в котором международное сотрудничество заменит место вооруженных конфликтов и раздоров.

Поэтому сперва подробно рассмотрим, что именно подразумевается под холодной войной, потому что только понимая произо-

шедшее мы можем правильно оценить то, что может произойти в будущем. Не претендуя на исчерпывающее исследование, а лишь наметив область исследований, рассмотрим не менее восьми определений этого термина.

Первое из них вытекает из высказывания Гарри Трумэна в 1948 году о противостоянии Сталина и Западного Берлина, когда весь мир следил за непримиримой борьбой между демократией и тоталитаризмом. Как известно, с тех пор Соединенные Штаты поддерживали в военном и экономическом отношении диктатуры в странах третьего мира, которые были необходимы для сдерживания коммунистической экспансии. Но даже если допустим, что эти филигранные диктатуры были «авторитарными, но временными», в отличие от такого «постоянного тоталитаризма», как коммунизм, тот факт, что сегодня США имеют хорошие отношения с Пекинским режимом, делает первоначальное определение холодной войны неверным.

Еще одно определение, близкое к предыдущему, но более изысканное в интеллектуальном отношении, раскрывает холодную войну как идеологическую борьбу между капитализмом и социализмом или, с философской точки зрения, между либерализмом и марксизмом. Первые исторические прецеденты имеют место в середине XIX век. Но строго говоря, мы никогда не наблюдали этих систем в чистом виде. Даже внутри капитализма мы видим разделение, например, на во многом противоречащие друг другу либерализм и неолиберализм. Кроме того, и социалистический лагерь никогда не был монолитным, как это часто предполагается, поскольку централизованная советская модель была отвергнута в Югославии и в Китае.

Поэтому предполагается разумным не мыслить холодную войну исключительно как борьбу двух идеологий, так как она выходит далеко за рамки этого противостояния. Но как же прийти к более точному определению?

Если вспомнить собственно историю этого термина, то отметим, что впервые он прозвучал в 1947 году во время англо-американских дебатов по поводу оказания помощи Греции и Турции с целью нейтрализовать советское влияние в этом регионе. Это было в самый разгар разработки доктрины Трумэна: американский дипломат Бернард Барух использовал метафорическое выражение «холодная война», чтобы обозначить ситуацию, в которой оказались три госу-

дарства-победителя Второй мировой войны, расходясь во мнениях о будущем послевоенном мире. Вскоре это выражение стало употребляться в дипломатическом языке, выражая своего рода антагонизм между силами, которые не могли открыто поддерживать мир, но нельзя было назвать эти отношения войной в классическом смысле.

В связи с этим возродился термин «вооруженный мир», который употребляют по отношению к периодам, предшествующим двум крупнейшим войнам XX столетия.

Важно добавить, что период с конца Второй мировой войны до взрыва первой советской атомной бомбы и победы Мао Цзе Дуна в Китае (оба события произошли в 1949 году), стратегическое преимущество Запада было очевидным. Великобритания, США и Канада владели монополией на ядерное оружие, на их территорию не вторгались войска Оси и Северная Америка превратилась в международных кредиторов. Таким образом, мы должны связать создание «железного занавеса», объявленного Черчиллем в знаменитой Фултонской речи 1946 года, с этим выгодным положением.

Слишком часто можно услышать мнение, что СССР сам с помощью мобилизации своих войск воздвиг стену от внешнего мира. Однако нужно учесть, что Советский Союз потерял в войне более 20 млн населения и был истощен; на самом деле это было осадой со стороны англо-американского мира. Сам же СССР никогда не называл официально эту ситуацию железным занавесом, обвиняя в этом деятелей империалистической пропаганды.

Довольно проблематичной выглядит версия концепции холодной войны, которая отождествляет ее исключительно с русско-американским противостоянием. Она не учитывает историю, упуская эпоху абсолютизма, когда шла борьба за влияние на Тихом океане, которая закончилась покупкой Аляски Соединенными Штатами. Это соперничество имело более геополитическую, нежели идеологическую природу, так как здесь мы видим противостояние морской и сухопутной силы, которое сохранилось и в будущем, невзирая на политические обстоятельства, смягчавшие русско-американские отношения. Кстати, не стоит забывать, что эти две силы были на одной стороне во время Второй мировой войны, не переставая скрывать свои расхождения. Так что будет недостаточно определить холодную войну как русско-американское соперничество.

Если мы связываем холодную войну с ядерной биполярностью, начавшейся в 1949 году, то мы не можем считать ее завершившейся – с тех пор ситуация только усугубилась, и на горизонте нет никаких возможностей изменения статуса-кво. Даже если мы примем во внимание рост ядерного арсенала Китая, Франции и Великобритании, а также сокращение арсенала советской России, то все равно, лишь Москва и Вашингтон обладают свойствами сверхдержавы и способны уничтожить всех остальных. Это не подлежит сомнению, даже если возникнут новые ядерные державы, такие как Германия, Япония или даже Европейское сообщество – все они не в силах отказать от американского ядерного зонтика.

Таким образом, можно сделать вывод, что идеологически нейтральным определением биполярности является ядерное равновесие, которое наиболее полно раскрывает структуру русско-американских отношений, в отличие от их отдельно взятой враждебности, время от времени выходящей на поверхность.

Еще одно определение, связанное с «равновесием террора», трактует холодную войну как Третью мировую, которая началась сразу же по окончании Второй мировой. Все войны, имевшие место после 1945 года, в которых погибли более 15 млн человек, в таком контексте выступают лишь как «бои местного значения», и нас ждет неизбежный эпилог в виде ядерной катастрофы.

Интересно, что хотя такое определение является слишком милитаристским и несколько упрощает схему холодной войны, оно имеет множество приверженцев как среди левых, так и среди правых, то есть как среди неолибералов, так и среди троцкистов – обе эти стороны считали советское общество замороженным, управляемым неискоренимой бюрократией. Поэтому сюрпризом была политика гласности и перестройка под предводительством Михаила Горбачева, и в связи с этим в обществе родилась мысль, что холодная война закончилась с развалом СССР. То ли из-за того, что капитализм доказал свое превосходство над социализмом (по неолиберальной версии), то ли из-за того что в СССР никогда не было настоящего социализма (по версии троцкистов), в мире после холодной войны утвердилась одна сила военная, экономическая и идеологическая: Соединенные Штаты Америки.

Хотя остается фактом, что только США на сегодняшний момент обладают возможностью соединить в своих руках все три составляющие власти, вызывает вопрос, кто же взял на себя инициативу отделить идеологическую борьбу от геополитики и – это отнюдь не второстепенный вопрос – объявить, что холодная война окончена. Вспомните, что инициатором встречи с Рейганом в Рейкьявике в 1988 году и с Джорджем Бушем на Мальте в 1989 был именно лидер СССР Михаил Горбачев. Результатом этих встреч стало прерывание гонки вооружений и уменьшение количества боеголовок с обеих сторон. Таким образом, мы можем предполагать, что в общественное мнение некомпетентно в области понятий «гонка вооружений», «холодная война», «биполярность».

Вопреки тому, что утверждают западные СМИ, советская внешняя политика не нарушила преемственность с приходом к власти Горбачева. Мы видим в ней не радикальное изменение целей, а лишь пересмотр дипломатических методов и стиля. Если рассматривать ось внешней политики СССР начиная от Ленина, мы убедимся, что для нее всегда приоритетным оставалось сохранение мира с целью защитить собственный социализм. Брест-Литовским договором 1917 года, пактом Молотова-Риббентропа 1939 года, соглашениями на Мальте в 1989 русские продемонстрировали достаточный прагматизм, защищая свою страну и идеологию вдали от своих границ.

В этом смысле гласность является продолжением большевистской традиции, где предполагается победа ортодоксальной теории и избежание ядерной войны с наращиванием военной мощи. Стоит отметить, что термин «гонка вооружений» в сегодняшнем понимании культивирован США и означает их стремление быть на пике современных технологий и военной промышленности, с тех пор как они получили психологический удар запуском советского спутника в 1957 году.

Поэтому кажется справедливым вопрос: почему они могут достигнуть этой цели только сейчас?

Важно, что коммунисты и социал-демократы учли политический и экономический кризис, выпавший на долю России в начале 90-х годов, и сошлись в видении ближайшего будущего мира многополярным, а не моно- или биполярным. Подъем Китая, Японии и Германии сделал эти страны самостоятельными акторами на междуна-

родной арене; и хотя ядерное равновесие между сверхдержавами в настоящий момент довольно устойчиво и является определяющим критерием распределения власти, давление на новых акторов в международной политике растет. Это обеспечивает небезопасное будущее, хотя риск ядерной катастрофы и снизился.

То там, то здесь еще можно встретить пережитки холодной войны, например, в деятельности НАТО, в давлении США на Кубу и Северную Корею, в демонизации сербов во время гражданской войны в Югославии и в антисоциалистической пропаганде, но представляется более разумным, что холодная война пошла на спад и перешла из военного противостояния в сугубо политическое. К этому нужно добавить исторически сложившееся русско-американское противостояние и идеологический спор между социализмом и капитализмом, замешанный на субстрате ядерного паритета.

В заключение можно сказать, что мы живем в беспокойный и сложный период, в состоянии хаоса, когда старый мировой порядок еще не до конца исчез, а новый еще не утвердился. И начался он отнюдь не с Горбачева.

Меридиональность

Если биполярность настаивает больше на военном, чем нежели на экономическом и политическом диалоге, то многополярность предполагает мирный период стабилизации, в который ядерный баланс не может быть нарушен. И в ее рамках существует перелом не только формальный, но и содержательный, имеющий природу разделения по полушариям: идеологическо-военная полярность Запад/Восток и экономико-политическая Север/Юг.

Однако, нужно заметить, что дуальность Восток/Запад изначально сложилась внутри Европы в форме противостояния богатых промышленных стран и аграрных. Собственно, Пруссия перестала относиться к миру востока только после разгрома Франции в 1870 году.

Смысл деления Восток/Запад изменился после Русской Революции, и противостояние демократии и автократии впервые отметил А.Грамши, а позже, на заре холодной войны, отсюда выкристаллизовалось идеологическое соперничество между капитализмом и социализмом. Что касается дуальности Север/Юг, то изначально она

сложилась из экономического противостояния, которое позже приобрело политическую окраску.

Чтобы оценить достоверность последнего предложения, обратим наше внимание на пример Китая и Австралии. Если подходить к вопросу, используя уже избитые показатели дохода на душу населения, то несомненно, Китай окажется на одной линии с аграрными странами, а Австралия – в первом эшелоне среди стран северного полушария. Но если вместо этого мы будем использовать более сложный критерий «национальная власть», включающий в себя целый ряд элементов, таких как площадь, население, военный потенциал и технологические ресурсы, то Китай окажется среди держав северного полушария, а Австралия расположится среди бедных южных стран, которые вряд ли смогут стать акторами в международной политике. Вспомните политику Китая во время конфликта в Персидском заливе, когда он, будучи в Совете Безопасности ООН, выступил в один голос с другими мощными государствами, отказавшись от традиционной для себя защиты стран третьего мира.

Кроме того, следует добавить, что помимо доктринальных вопросов, у каждой северной державы есть проекты союзных блоков на ближайшее будущее. В Европе происходит строительство Европейского Экономического Сообщества, подразумевающего валютное, военное и политическое единство; в Северной Америке существует НАФТА, куда входят США, Канада и Мексика; Япония экспериментирует с партнерством азиатских тигров; более-менее успешна Россия на своем пространстве; быстро растет Китай, вдохновленный амбициозной программой «четырёх модернизаций». Остальная часть планеты, вынесенная за рамки этого мегарынка, просто не знает, что делать: на ее долю выпадают лишь колебания, опасения и отсутствие собственных стратегических перспектив.

Итак, на Севере сияют пять звезд различной интенсивности, но каждая своим собственным светом, на Юге же скопилась серая масса спутников или планет, которые способны лишь отражать чужой свет, исходящий от Севера; это делает Юг зоной для маневров и установления зоны влияния держателей власти на планете. Именно эта уязвимость, не только экономическая или военная, но также политическая и дипломатическая, и характеризует нашу концепцию меридиональности.

Франция, к примеру, проводит учения своих атомных подводных лодок у берегов атолла Муруроа, а Австралия и Новая Зеландия не торопятся с жалобами. Хотя это государства с высоким уровнем жизни, они не обладают ни политической, ни дипломатической мощью, достаточной для того, чтобы Франция прекратила свои учения. И мы, вдохновленные Грамши, пытаясь перенести анализ из внутренней политики в международную сферу, можем констатировать, что сегодня не только Италия переживает «южный вопрос».

Он воплощается в том, что сегодня планета поделена ровно пополам: одна половина населения активно участвует в строительстве нового мирового порядка, другая, беспомощная и сбита с толку, пытается двигаться в сторону нового этапа развития, ведомая пятью северными державами.

Дает повод для беспокойства тот факт, что экономика Севера растет большими темпами, чем его население; на Юге ситуация прямо противоположная (хотя есть, разумеется, исключения). Поскольку страны Север сконцентрированы на борьбе за власть между собой, у Юга есть возможность с помощью своей инициативы попытаться преодолеть отчужденность между полушариями. Давайте рассмотрим, каково положение Бразилии и как ей использовать его потенциал для данной задачи.

Положение Бразилии

Понятие меридиальности ставит акцент на геополитический смысл распределения мировой власти, добавляя в анализ международных отношений территориальное измерение, или, точнее, непосредственно географию. Поэтому оно отличается от обычной точки зрения – экономической, политической, идеологической – которая использует географию лишь в метафорическом смысле, превращая в абстракцию расстояния, территорию, экологические и демографические особенности, которые должны нам давать полную картину тех элементов, на которые подразделяется наша планета.

В классической геополитической теории, основанной Ратцелем, понятия пространства и положения являются базовыми, на них строится анализ возникновения Соединенных Штатов или точнее, отношения между ними. Главный тезис заключается в том, что каж-

дое государство занимает уникальное положение и пространство на поверхности Земли, что определяет его индивидуальность, а также влияет на судьбу. В то время как пространство определяется физическими свойствами, положение, в свою очередь, размещает каждое «пространство» на территории планеты, обуславливая отношения между ними. В этом смысле положение может являться фактором истории всей планеты, что делает его значение переменным со стратегической точки зрения, в условиях технологических и политических преобразований, которые связаны с распределением власти в мире.

Три основных характеристики положения Бразилии это западное, тропическое и южное. Хотя это основывается на геометрической концепции распределения континентальных плит относительно географических координат, каждая из этих характеристик создает предпосылки для исторической, культурной и политической жизни.

Западное положение является доминирующей характеристикой не только потому, что вся Южная Америка лежит к западу от Гринвича, но в первую очередь потому, что бразильское общество стремится к ценностям и образу жизни так называемых западных стран, промышленно развитых и демократических. Это предполагает не только географическую, но и культурно-идеологическую неразрывную связь с Европой и США. Самым ярким примером этой связи и влияния США стало подписание Межамериканского договора о взаимной помощи (договор о взаимной обороне) после Второй мировой войны в 1947 году в Рио-де-Жанейро.

Этот договор, довольно выгодный в рамках военного положения с 1964 года, был подорван действиями США во время Фолклендской войны, когда они поддержали агрессию Великобритании против страны на американском континенте – Аргентины.

Кроме того, западничество не учитывает наши демографические особенности; значительная часть бразильского населения – в частности, индейского и африканского происхождения – не разделяет духовные европейские ценности. И, наконец, идеология Запада стремится закрепить за Бразилией подчиненное положение на международной арене.

Вторая характеристика – тропическое положение – работает на противоположную точку зрения, антизападническую, подчеркивая

роль «колониального народа» в противостоянии «колониальному государству».

Отказываясь от разбавления национальной идентичности в вихре капиталистической современности, тропикализм предлагает своего рода изоляционизм третьего мира (в этом случае термин «тропикализм» выходит за рамки своего географического значения, если учесть, что южная значительная часть Бразилии лежит за пределами тропиков), но он не принимает во внимание тот факт, что не только элита, но и большая часть населения придерживается ценностей потребительского индивидуализма. Кроме того, необходимо добавить, что огромная доля иностранного капитала в бразильской экономике и значение внешнего рынка не позволят вести экономику самостоятельно, как это было в 50-60-е годы, но это не значит, что в этой сфере полностью отсутствуют перспективы.

Меридиональность, представляя собой синтез двух предыдущих характеристик, является фактором, наиболее полно отражающим реалии настоящего времени, а также обеспечивает перспективы развития на международном уровне.

С одной стороны, тенденция к многополярности призывает нас быть осторожными в плане выравнивания роли регионов – вспомните, как положительно на нашей стране сказался относительный изоляционизм во время двух мировых войн – а с другой, с приходом третьей промышленной революции, мы должны расширить нашу деятельность в коммерческом и дипломатическом плане настолько, насколько это возможно.

Бразилия занимает выдающееся положение в южном полушарии не только благодаря своим размерам, но и благодаря высокому уровню технического оснащения своего производства. Хотя оно и отстает от сильнейших держав, но в отдельных секторах, таких как самолетостроение или производство стали, оно развивается самостоятельно, не получая новинок из мировых технологических центров. Это дает нам по праву выступать основным «электронно-механическим комплексом» южного полушария. А если «глобализация в сфере финансовых рынков и проникновение бизнес-структур разорвали все национальные границы в странах первого мира, исключая такие страны, как Бразилия, которые требуют слишком много инвестиций», то меридиональная альтернатива выглядит не только

возможной, но и необходимой. Это справедливо и для других южных государств, таких как Индия, но в первую очередь относится к Бразилии – нас всегда будут держать за «импортеров традиционной промышленной продукции и импортеров продукции высоких технологий», не взирая на наш передовой промышленный парк среди так называемого третьего мира.

Бразильская экономика переживает дилемму: с одной стороны, она не может повысить скорость накопления за счет жесткости внутреннего рынка, а с другой, не может расширить этот рынок в связи с необходимостью повысить скорость накопления, чтобы быть в состоянии оплатить импорт технологий. Эта проблема не может быть решена в условиях изоляции. Даже если предположим, что государство способно своими силами подготовить технический персонал и расширить научные исследования, то для внешнего рынка принципиальное значение имеет то, какие новые технологии и какая продукция здесь изготовлена.

Для других стран Юга должно выглядеть привлекательным сотрудничество с Бразилией как с поставщиком дешевых технологий, необходимых для их развития. Между странами Юга есть неизбежная связь, которая требует разработки новой парадигмы в области отношения этого блока с Севером. Давайте посмотрим, какой может быть эта новая парадигма.

Меридионализм

Меридионализм с идеологической точки зрения означает использование потенциала меридиональности в глобальном международном контексте. Естественно, что слабые объединяются, а сильные соперничают – поэтому, несмотря на отставание от стран Севера, у Юга есть одно важное стратегическое преимущество: среди южных стран отсутствует напряженность, препятствующая международной солидарности и сотрудничеству в их отношениях с каждым из северных блоков.

Основной принцип, на котором базируется меридионализм, – равенство между государствами, которое было закреплено на международной конференции в Гааге в 1907 году, в чем есть заслуга бразильской делегации во главе с Руи Барбозой. Актуализация этого

принципа на сегодняшний день заключается в устранении юридических препятствий с целью добиться выравнивания экономических, политических и социальных возможностей государств.

Конечно, идеальное равновесие всегда останется утопией. Но не забудем, что в начале XX века международный арбитраж при урегулировании конфликтов казался маловероятным, и, несмотря на огромные препятствия, мы постепенно улучшаем систему международного права, стремясь добиться более справедливого распределения власти и богатств, что остается желаемым для большинства людей на планете.

Как только государство-нация обрело свою идеальную форму и стало основой политической организации общества, было объявлено о том, что оно исчерпало себя. Если количество людей не соответствует европейской формуле национального государства, то возникает риск экономической и политической сегрегации, и не только на периферии, где люди еще только борются за свои государства, но и в странах первого эшелона, где растет население.

В этом отношении меридионализм приобретает универсальное, а не локальное значение: он выступает против экономической дискриминации, расовых и социальных предрассудков и противопоставления стран первого и третьего миров.

Странно, что глобализация, во имя растущей взаимозависимости, на самом деле способствует большему экономическому разрыву и делению мира по признаку богатства. Сегодня все чаще можно услышать разговоры о том, что голод в Сомали является эндемическим заболеванием, а не эпидемией, как в четвертом мире. С этой точки зрения, обратите внимание, мировая пирамида имеет тенденцию расти вниз.

Поэтому, меридионализм исходит из реалистичной точки зрения на международные отношения, считая сомнительной «существенную иностранную помощь» от стран Севера. Поэтому именно Юг должен взять на себя инициативу и сместить вектор внешней политики с экономико-военного на политико-дипломатический (что более перспективно для стран Юга) с целью уменьшить разрыв между полушариями.

Кажется, что исчерпала себя не только теория экономической природы разделения мира, но и конкретные политические иници-

ативы, основанные на этой теории. «Неприсоединившиеся» испытывают кризис, их аудитория и влияние все меньше, что говорит о несостоятельности их политики с упором на военно-экономический сектор, что подходит странам Севера, но не Юга. То есть, это не просто случайное совпадение проблем, которые пережили «неприсоединившиеся» на последней встрече на высшем уровне в Джакарте в 1992 году, где было отвергнуто предложение Египта слиться с Группой -77 и исключить Аргентину, которая не чувствовала себя представителем этого объединения.

Опыт Европейского сообщества вдохновил робкие попытки в области интеграции нашего региона, примером тому служат Меркосур и Тихоокеанский рынок. Изолированные, они не представляют собой вариант, способный противостоять пяти северным мегаблокам, но тем не менее, любые инициативы, направленные на укрепление отношений Юг – Юг, имеют позитивные последствия. Они способствуют не только реализации теории меридионализма, но и способствуют строительству новых международных отношений, более справедливых и сбалансированных.

Для Бразилии меридионализм является возможностью преодоления традиционной дихотомии, о которой так долго спорили наши лидеры. Преодолевая экономизм, он гарантирует альтернативу между оборонительным западничеством, которое навсегда бы закрепило за нами роль вedomой страны на международной арене, и агрессивной политикой третьего мира, которая загнала бы нашу страну в рамки изоляционизма. Мир не может быть полон без Бразилии, и Бразилия не может мыслиться в отрыве от остального мира. Таким образом, лишь меридионализм способен устранить данную дихотомию.

Задачи меридионализма

Чтобы сформулировать задачи, стоящие сегодня перед меридионализмом, сперва нужно обобщить повестку дня международных отношений, касающихся непосредственно южного полушария, и максимально приблизиться к блоку, который может создать вокруг себя Бразилия.

В отличие от обычных предложений по созданию блоков, меридионализм не предлагает интеграции государств, которая предпола-

гает вращение вокруг одного центра, а выступает за их сочленение с целью решения конкретных задач и лучшего распределения власти. Следовательно, он не требует принятия уставов или конституционных хартий, как в случае с Движением неприсоединения, а лишь предлагает совместно более скоординированно работать, в том числе с международными организациями, в частности ООН, в целях улучшения сотрудничества между полушариями и внутри них.

Перед нами стоит множество разнообразных задач, но чрезмерная перегруженность повестки дня отрицательно скажется на сотрудничестве, поэтому необходимо урегулировать количество вопросов, принимая во внимание, что нужно действовать не только в интересах Юга, хотя из-за неоднородности взглядов разных полушарий на проблемы это будет непросто.

Следуя методическим указаниям Грамши, невозможно решить конкретные задачи, стоящие перед южным полушарием. Ведь в данном случае речь идет не о двух автономных системах, как в случае с делением на Запад и Восток, но с двумя частями целого.

В этом смысле выбор тем, предложенных здесь, пытается решить внутренние проблемы южного полушария и дать наиболее реалистичный и менее субъективный ответ на три основных вопроса, касающихся всей планеты, но по какой-то причине Север счел справедливым наложить ответственность за их решение на нас. Эти важнейшие проблемы следующие: наркотики, внешний долг и стремительное ухудшение состояния окружающей среды.

Однако, их решение невозможно без «духовного разоружения», и меридионализм призывает совершить революцию в менталитетах. Необходимо научиться смотреть на проблемы глазами другой стороны. Возьмем, например, ситуацию с внешним долгом. Страны Севера накладывают драконовские условия оплаты, действуя посредством МВФ и не учитывая снижающийся уровень экономики стран-должников; с противоположной стороны раздаются все чаще предложения порвать отношения с МВФ в лице Группы-77.

Более реалистичная и взвешенная позиция выглядит следующим образом: вместо того, чтобы нагнетать обстановку и усугублять конфликт, нужно найти иные пути разрешения ситуации, используя политическую и дипломатическую силу, а не только экономическую и идеологическую. Было бы разумно провести пленарное заседание

ООН, на котором смягчились бы условия МВФ и были бы учтены требования Группы-77, чтобы спасти и усовершенствовать международную финансовую систему, а не толкать ее в пропасть.

Также согласованно необходимо действовать и при решении других проблем, чтобы избежать экстремистских действий со стороны отдельных стран. Ведь и две другие проблемы из перечисленных представляют международный интерес, но из-за лицемерной политики, например, тема наркотиков на совещании Есо-92 в Рио-де-Жанейро была запретной.

Прийти к общему пониманию стоящих перед всем миром проблем и выработать согласованную позицию – это, пожалуй, стоит во главе задач, имеющих на повестке дня меридионализма.

Использованная литература:

- Кабраль А. «Третья мировая война» Сан-Пауло, 1987
Дельмас С. «Ядерное вооружение и холодная война» Сан-Пауло, 1979
Дюпа Г и Сузиган В. «Новое сочленение мировой экономики и условия для Бразилии: промышленная стратегия и технологическая модернизация» Рио-де-Жанейро, 1991
Грамши А. «Южный вопрос» Рио-де-Жанейро, 1987
Гимараш, Клаудия «Неприсоединение: кризис идентичности» Рио-де-Жанейро, 1991
Хобсбаум Э. «Великий Грамши и борьба в заточении» Рио-де-Жанейро, 1974
Хэсберт Р. «Международные блоки», Сан-Пауло 1990
Жагуарибе Х. «Новый мировой порядок», Сан-Пауло, 1992
Лафер С. «Размышления о новом мировом порядке в условиях трансформации международной системы», Бразилиа 1982
Маньоли Д. «О холодной войне и разрядке» 1988
Мело Ж. «Новый мировой порядок и Бразилиа: между фашизмом рынка и демократизацией государства» Сан-Пауло 1992
Пелегрино С.Р. «История международного порядка», Сан-Пауло, 1988
Тоста О. «Геополитические теории» Рио-де-Жанейро, 1984

Перевод с португальского *Вероники Канищевой*

Натэлла Сперанская

«Мир без Запада» или завершение эры однополярности

Новый мировой порядок не устанавливается как чрезвычайная мера. Но для появления нового мирового порядка нужны чрезвычайные обстоятельства

Генри Киссинджер

Для описания времени, в которое мы сейчас живём, крупнейший социолог Зигмунт Бауман использует понятие *Interregnum* («междущаствие», «межвластие»¹), - так в Древнем Риме назывался период между смертью одного цезаря и появлением другого. Это состояние нестабильности, неуверенности, непредвиденности, когда слом старого порядка столь же очевиден, сколь очевидно возникновение нового. Но каким будет этот новый порядок – не известно. *Interregnum* – это перерыв, метафизическая задержка, мучительное

«всё ещё не». В контексте изменения нового мирового порядка мы можем говорить о парадигмальном переходе от «однополярного момента» (Чарльз Краутхаммер²) к формированию многополярного

¹ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. Москва: Весь Мир, 2004.

² Krauthammer Charles. The Unipolar Moment. Foreign Affairs, Winter 1990/1991.

мироустройства. Иными словами, речь должна идти о завершении эры однополярности, поскольку существуют все предпосылки для реализации альтернативного проекта. Согласно Хантингтону, однополярное государство способно «эффективно решать все важнейшие международные проблемы в одиночку, причем, ни один союз государств не сможет даже гипотетически обладать такой силой, чтобы помешать ему»¹. Сложно отрицать, что гегемон в лице Соединённых Штатов Америки сейчас не имеет серьёзного противника, будь то коалиция государств (это образование – проект будущего, так как в настоящее время мы имеем не более чем попытки преодолеть раздробленность, не смотря на существование альянсов, союзов, коалиций) или, что совсем невероятно, одно государство, чей потенциал настолько силён, что неминуемо предполагает скорейшую реставрацию биполярного порядка. Однако можем ли мы согласиться с тезисом Хантингтона и признать, что даже союз государств не сумеет изменить расстановку сил и, следовательно, исторический облик эпохи? Следует ли возлагать надежды на страны БРИК, принимая к сведению, что усиление их общего потенциала напрямую зависит от экономического роста Китая? Неизбежен вопрос: каковы гарантии, что экономика Китая сравняется (ведущий экономист Альберт Кейдель убеждён, что Китай придёт к этому лишь к 2050 году), а потом и перегонит экономику США? В то же время не следует пассивно ждать, когда «имперское перенапряжение», «imperial overstretch»² (Пол Кеннеди) приведёт Америку к серьёзному кризису, вслед за которым наступит конец *Interregnum* и переход к многополярности свершится.

По мнению Зигмунта Баумана, около 60-70 лет назад произошло событие, фундаментально изменившее политическую ситуацию в мире: разрыв между *Macht* и *Staat*, иначе говоря, между Мощью и Политикой, Мощью и Государством (являющимися неотъемлемыми аспектами Власти) привёл к тому, что *Macht* (Мощь) перешла в надгосударственное пространство³. Таким образом, национальное государство больше не могло её контролировать. В однополярной

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2007.

² Kennedy, Paul, *The Rise and Fall of Great Powers*, New York: Vintage Books, 1987.

³ Бауман З. Глобализация. Указ. соч.

парадигме именно национальные государства представляют акторов международных отношений. Упомянутый разрыв означает не что иное, как постепенное соскальзывание в бесполярность (non-polarity). Именно она, по словам Ричарда Хааса, директора отдела внешнеполитических исследований института Брукингса и главы CFR, определит международные отношения в XXI веке¹. Национальные государства практически лишены возможности действенности, «делания вещей» (как Бауман понимает Macht), входя в состояние политического паралича. Антонио Грамши трактовал *Interregnum* как период, когда старое больше не работает, а новое ещё не появилось. Мы «зависли» между однополярностью и многополярностью, и не представляем, каким должно быть решение в этой ситуации. Безусловно, встаёт вопрос, что делать? И, прежде всего, им задаются национальные государства, сохранившие за собой возможность принимать решения (хотя в действительности в однополярном мире принимает решения исключительно один центр, а именно США), однако Зигмунт Бауман совершенно справедливо утверждает, что в нынешних условиях вопрос нужно формулировать по-другому: не что делать, а кто будет делать то, что сделать необходимо?² Какой актер возьмёт на себя ответственность за осуществление действий, решающих фундаментальные проблемы? Несомненно, мы уже не рассматриваем в этой роли национальные государства. Вместо этого, мы обратимся к разработанной Александром Дугиным Теории Многополярного Мира³, предлагающей ввести новых акторов международных отношений, которыми являются цивилизации, и каждая из них по определению обладает стратегическим центром, выступающим как субъект диалога в международных отношениях, а значит, являющимся носителем власти (Мощи). Переход от национальных государств к цивилизациям является неизбежным следствием того разрыва, о котором говорит Зигмунт Бауман. Он подмечает ослабление государства и «инструментальный кризис», возникший в виду отсутствия «стабильных структур, которые могли бы попытаться

¹ Haass Richard N. The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance//Foreign Affairs. May/June 2008.

² Бауман З. Глобализация. Указ. соч.

³ Дугин А. Г. Теория Многополярного Мира. М.: Евразийское Движение, 2012.

определить направление событий, исторического развития»¹. С переходом к многополярной модели решается главная задача XXI века – восстановление союза *Macht* и *Staat*.

Специалист по Международным Отношениям, профессор Адам Робертс констатирует утрату ведущей роли США в нынешней системе мирового порядка. На вопрос, кто выступит их приемником, он даёт вполне очевидный ответ: никто. Если быть более точными, мы ещё не вошли в период междоцарствия, а только приблизились к нему, и всё, что сейчас происходит в глобальной политике – это агония умирающего цезаря (США). Подлинное вступление в *Interregnum* произойдёт с окончательной потерей США роли мирового гегемона и отменой «однополярного момента». Именно здесь возникает опасность, что в период междувластия и последовательной реализации этапов формирования многополярного миропорядка придёт «вариативная геометрия» бесполярности и всё окажется в плавильном котле глобализации; мы погружены в *liquid modernity*² (З.Бауман), чьей главной чертой является «ненаправленность перемен», т.е. отсутствие строгого направления, ориентира, что в конечном итоге делает нас неготовыми ответить на внезапные вызовы, ускользающие от каких-либо расчётов и прогнозов. Крах СССР произошёл внезапно как удар молнии, полностью изменив картину истории. Бесполярность, которая, судя по всему, наступит, может стать необходимой передышкой, периодом возможности полноценного оформления новой модели мирового устройства, - ведь невозможно отрицать, что парадигмальный скачок, за которым последует слом бесчисленных структур, не сможет в кратчайшие сроки создать в области Политического все необходимые условия для воцарения многополярного порядка. Бесполярность, *Interregnum* в XXI веке – это похороны ушедшего на покой цезаря и подготовка к воцарению новых властителей (во множественном числе), т.е. к возникновению полюсов, центров силы. Бесполярность – это «обезглавливание» США, ацефалическое убийство гегемона, но одновременно: его ухищрение, попытка сохранить своё влияние посредством саморассеивания, растворения; использование возможности стать вездесу-

¹ Бауман З. Глобализация. Указ. со

² «Текущая современность» - концепт Зигмунта Баумана. См. Бауман З. Текущая современность. Санкт-Петербург: Питер, 2008.

щим. В этих условиях строго необходимо не допустить задержки, застревания в постлиберальной среде и смирения с «согласованной бесполярностью». Новые акторы должны бросить вызов постмодернистской «ненаправленности перемен» уже сейчас и заведомо взять на себя абсолютную ответственность за принятие стратегических решений и действий в области политической практики.

Мы возвращаемся к утверждению Хантингтона о том, «ни один союз государств не сможет даже гипотетически обладать такой силой, чтобы помешать однополярному государству». Эли Ратнер и Наазин Барма, научные сотрудники Центра внешней политики новой эпохи, сотрудники кафедры политологии Калифорнийского университета в Беркли, смело утверждают, что впервые за 100 лет Индия, Россия и Китай находятся на пороге обретения статуса великих держав. И делают более радикальное заявление: обозначились контуры «мира без Запада»¹. «Восходящие державы начали выстраивать альтернативную архитектуру институтов и особые модели государственного управления, которые составляют каркас их собственного – и очень реального – устойчивого и легитимного (в глазах большей части остального мира) политико-экономического порядка»². Эксперты задаются вопросом, какими будут отношения между США и этими странами? По их мнению, в действие могут вступить три варианта:

1) тотальная блокировка Соединёнными Штатами развития «мира без Запада» (как пример: лишение восходящих держав всех материальных ресурсов, способствующих их развитию); запуск сценариев военных конфликтов, имеющих цель – перенаправить энергию возникающей (альтернативной) мировой системы на жёсткие конкурентные отношения с Западом в области обеспечения безопасности;

2) снижение привлекательности «мира без Запада». «Покончить с сельскохозяйственными субсидиями – сегодня! Выдать лицензии на строго засекреченные молекулы производителям непатентованных лекарств – в краткосрочной перспективе! Достичь справедливых договоренностей, делающих доступной торговлю услугами и создающих равные условия для развивающихся стран в таких областях, как

¹ http://www.globalaffairs.ru/number/n_11160

² Там же.

телекоммуникации и финансы! Реализация подобной стратегии потребует принятия беспрецедентных компромиссных решений и даже жертв в американской внутренней политике»¹;

3) компромиссное принятие «мира без Запада», вынужденный отказ от ряда либерально-демократических принципов.

Всё более очевидная независимость возникающих акторов придаёт третьему варианту острую актуальность. Ведущий научный сотрудник фонда «Новая Америка» Параг Ханна, анализируя современную ситуацию и шаткое положение США, говорит о чрезвычайно важной роли дипломатии, на которую должен быть перенесён весь центр тяжести. На совершенствование глобальной дипломатической структуры возлагается ответственность за укрепление американской гегемонии. Однако при этом не берётся в расчёт, что дипломатический язык переживает существенное реформатирование в контексте парадигмального перехода к многополярной модели, и этот процесс уже необратим. Сейчас мы должны говорить о диалоге цивилизаций. Диалоге, который выстраивается на совершенно ином уровне, находясь по ту сторону правил диалога между национальными государствами (т.е. за пределами навязанного западного дискурса), где право принимать решения фактически принадлежит США. Пока мы не поймём, что битва за мировое господство ведётся не между цивилизациями (пока цивилизации являются лишь желаемым проектом), а одной единственной (западной) цивилизацией со всеми «остальными», которым предлагается: быть на стороне этой цивилизации или быть против, отстаивая право на собственную независимость и уникальность, – мы не сумеем сформировать новый дипломатический язык, предназначенный для цивилизационного диалога. И понять это следует, прежде всего, элите цивилизации, ответственной, как утверждает Александр Дугин, за ведение этого диалога. Если «все остальные» соглашаются с однополярным проектом, наша битва проиграна, если их выбор будет радикально иным, мы ждём «подъёма остальных» (Фарид Закария). Стоит заметить, что всемирно известный британский политолог Пол Кеннеди выражает свои опасения по поводу появления идеологических различий между США и Европой, обусловленных противостоянием одному из

¹ Там же.

проектов мирового устройства – однополярного либо многополярного. Причину вероятного трансатлантического раскола (а это один из трёх сценариев развития отношений между США и Европой) Кеннеди видит в постановке ряда важных вопросов: «...действовать через международные организации или решать все вопросы самостоятельно? Прибегать к военной силе или всячески избегать войны, предпочитая дипломатические уступки и поиск мирных решений и компромиссов? Споры идут, прежде всего, вокруг роли ООН как предпочтительного инструмента урегулирования разногласий, но единства нет и по таким международным вопросам, как судьба Киотского протокола, деятельность Международного уголовного суда, гарантии прав женщин и детей. Хотя администрация Буша подробно аргументирует причины выхода США из того или иного международного договора, отвергнутых документов накопилось слишком много, и Европа не скрывала своего возмущения позицией Вашингтона еще до начала войны в Ираке. Небывалые по размаху демонстрации протеста на улицах европейских городов в феврале прошлого года были спровоцированы не только военными приготовлениями Пентагона»¹. В нынешних условиях нужно не просто рассчитывать на усиление противоречий между Европой и Америкой, но и подготавливать ситуацию раскола и освобождения первой от гегемонистского влияния второй. И здесь России отводится особая роль.

Тем не менее, мы должны признать, что за последние десятилетия Россия всё более удалилась от своего прямого предназначения – быть мостом между Западом и Востоком. *Interregnum* может оказаться нашим шансом на восстановление, шансом для России стать и сбыться. На Западе распространено клише об «отставшей стране», об утрате былой мощи и неизбежном слиянии с Западом как единственном варианте развития. Зигмунт Бауман, на которого мы часто ссылаемся, склонен к противоположному мнению: «Я осмелюсь предположить, что прошлое России – это будущее Европы. У вас долгое время проходил процесс национального строительства. Осуществлялся принцип триединства, соединивший суверенитет, нацию и государство. Иными словами, Россия исторически решила проблему, которую основной части Европы еще только предстоит решить: наладить мир-

¹ http://www.globalaffairs.ru/number/n_2453

ное сосуществование разных народов, религий, культур, традиций и языков. Россия сегодня живет так, как Европа будет вынуждена жить лет через тридцать. У россиян существует комплекс, будто вы существенно отстали от остальной Европы и норовите что есть силы ее догнать. Но вы перегнали европейцев в таком важном компоненте, как умение жить вместе. Мне думается, что у России имеется возможность выступить в роли учителя Европы»¹.

В связи с этим фундаментально важным становится выход труда Александра Дугина «Теория Многополярного Мира»; его можно считать точкой отсчёта конца однополярной эпохи и вступления в «постамериканский» период, характерной чертой которого станет наличие нескольких полюсов (субъектов межкультурного диалога) и непереносимое устранение кризиса идентичности, поскольку в многополярном мире идентичность приобретает цивилизационный характер. Мы должны начинать с самих цивилизаций, а именно с их построения. Согласно Дугину, «цивилизации есть то, что требуется создать», и в роли создателей выступает политическая и интеллектуальная идеологическая элита «всех остальных», т.е. незападного мира. Евразийская элита (ярким представителем которой является Александр Дугин, основатель Теории Многополярного Мира), чей

рост влияния мы сейчас наблюдаем, становится субъектом международных отношений, который первым вступает в межкультурный диалог, – ибо выполняет функцию «конструктора», креатора многополярного мира – через преодоление бесполярного хаоса, ацентричности, как характерной черты эпохи постмодерна, и призывает к этому остальных. Таким образом, Россия восстанавливает свою цивилизационную роль моста между Западом и Востоком. Несомненно, что мы вступаем в битву за кардинальные перемены правил политического дискурса, осуществляя задачу подрыва основных принципов западной гегемонии.

Библиография

- Дугин А.Г. Теория Многополярного Мира. М., 2012.
Бауман З. Текучая современность. Санкт-Петербург: Питер, 2008.
Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. Москва: Весь Мир, 2004.
Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2007.
Haass R. The Age of Nonpolarity? Foreign Affairs, vol. 87, No. 3, 2008.
Krauthammer Charles. The Unipolar Moment. Foreign Affairs, Winter 1990/1991.
Kennedy, Paul, The Rise and Fall of Great Powers, New York: Vintage Books, 1987.

Натэлла Сперанская

«Антигегемонистская» доктрина или ответ на вызов американского проекта

Прежде чем перейти к антигегемонистской доктрине, следует дать определение самой гегемонии. Первым, кто стал использовать концепт гегемонии (80-е годы XIX века), был российский теоретик и пропагандист марксизма Георгий Плеханов. Он вкладывал в это понятие смысл, согласно которому, рабочий класс подойдёт к необходимости спровоцировать буржуазно-демократическую революцию в России. Причину этого Плеханов видел в непоследовательности возникающей буржуазии. После Плеханова этот термин стал использовать Ленин, писавший, что «пролетариат революционен постольку, поскольку он воплощает собой и вводит в действие эту идею гегемонии пролетариата». Далее Троцкий утверждал, что пролетарская гегемония установит абсолютную диктатуру пролетариата. Итальянский философ Антонио Грамши обратился к политическому концепту гегемонии в начале 20-х годов прошлого столетия. Не смотря на то, что в своих «Тюремных тетрадах» он ссылается на Ленина, его определение гегемонии значительно отличается.

Ленин, прежде всего, определял гегемонию в терминах класса, тогда как Грамши выходит за границы классовой системы, и хотя класс продолжал оставаться для него фундаментальным политическим актором, он понимал, что существуют и другие акторы политического конфликта. Если Ленин сводил гегемонию как таковую к стратегии, то Грамши считал её целостной системой теории политического противостояния.

Он полагал, что политическая схватка за гегемонию начинается в тот момент, когда все ранние идеологии «вступают в конфронтацию и конфликт, продолжающийся до тех пор, пока не появится тенденция к преобладанию одной из них или, по крайней мере, единствен-

ной комбинации из них». Именно этот процесс мы можем пронаблюдать в истории политических течений XX века.

Исторические формы трёх главенствующих идеологий показали свои пределы. Либерализм родился в 18 веке, коммунизм в 19-м, фашизм – в 20-м. Первым поражение потерпел фашизм, но и советская модель не выдержала испытания временем, а потому не может стать нашей отправной точкой. После победы либерализма все политические идеологии утратили свою актуальность. Нет смысла поворачивать назад и возвращаться к одной из известных политических идеологий (коммунизму или фашизму), чтобы оказать сопротивление либеральному режиму и американской гегемонии. Необходимо выйти за пределы этих учений и открыть другой путь, новую политическую идею. Уже не пройдёт ни коммунизм, ни фашизм, ни, тем более, либерализм. Логично, если 21 век станет временем рождения новой теории. Четвёртой политической теории, которая будет началом подрыва либеральной матрицы.

Политолог Николай фон Крейтор справедливо считал, что в современном мире идеология гегемонизма является идеологией Соединённых Штатов Америки, из чего следует, что критика политической гегемонии неизбежно подразумевает и критику США.

Безусловно, американская гегемония привела к тому, что Америка взяла на себя право определять концепции и навязывать структуру нового международного права и порядка, отрицая возможность международного плюрализма. Это означает установление глобальной диктатуры Запада. Сербский геополитик Драгош Калаич делал вывод о гибели всех государственных суверенитетов, наступающей после утверждения Нового Мирового Порядка. Американского порядка. Он писал: «Все народы...должны капитулировать перед натиском Нового Мирового Порядка, отказаться от стремлений управлять своей экономикой и ликвидировать свои природные богатства и хозяйственные ресурсы».

Речь идёт об американском проекте глобализации и однополярной модели мироустройства.

Немецкий политический философ Карл Шмитт видел три возможных сценария будущего:

1. Установление тотальной мировой гегемонии одной сверхдержавы, «новый Номос земли» или Новый Мировой Порядок, тождественный с глобальным универсализмом.

2. Альтернатива пространственного хаоса.

3. Альтернатива баланса интересов геополитических пространств - сосуществование «больших пространств».

Мы заинтересованы в том, чтобы был реализован третий сценарий. Однозначно, мы подошли к точке бифуркации, и решительно отвергаем однополярный проект, призывая к этому и другие страны, точно так же противостоящие волне глобализации и не желающие выступать в роли «марионеток» США. В фундаментальном труде «Теория Многополярного Мира» Александр Дугин даёт ясную картину происходящего в сфере международных отношений сегодня: когда двухполярная модель мироустройства изменилась на однополярную, это стало означать триумф либерально-демократической идеологии. Запад смоделировал систему ценностей и ориентиров, которые были навязаны всему миру как универсальные. Таким образом, Запад пришёл к последовательному осуществлению контроля (диктатуры) над когнитивной, а также стратегической сферами. Область международных отношений превратилась в «американскую науку», содержание всех дискуссий свелось к полемическому противостоянию реалистов и либералов. Сам дипломатический корпус был сформирован в рамках однополярного мира и западного дискурса, западной ментальности, где политическими акторами выступают национальные государства. Другая модель мироустройства, а именно многополярная модель, подразумевает форму организации пространств с учётом нескольких акторов – «цивилизаций», как совершенно верно указал Сэмюэл Хантингтон, что полностью отвергает основы западной гегемонии. Это приводит нас к проекту формирования нового дипломатического корпуса и нового дипломатического языка с учётом многополярного мироустройства. И наиболее прогрессивные политические мыслители уже пришли к заключению о необходимости смены парадигмы международных отношений. Одни лишь поставили вопрос о том, какой будет следующая, другие – нашли ответ и свободно оперируют базовыми концептами новой системы. Невозможно не признавать тот факт, что подавляющее большинство политически ангажированных фигур продолжают на-

ходиться в рамках старой парадигмы, даже не подозревая о происходящем сдвиге, с которого начнётся новый исторический период, полностью меняющий картину в сфере мировой политики. Однополярный мир – это вчерашний день. Здесь и сейчас мы говорим о смене однополярной парадигмы на многополярную, полицивилизационную. Это и есть наше завтра.

Этот доклад носит название «Антигегемонистская доктрина» и ответ на вызов американского проекта». После того, как мы дали определение гегемонии и кратко описали глобальный проект Соединённых Штатов Америки, мы переходим непосредственно к ответу, к альтернативе. Этой альтернативой является Четвёртая Политическая Теория, которая находится за пределами либерализма, коммунизма и фашизма (национал-социализма). Это фундамент антиглобалистского, антиамериканского Альянса, созданного для решительного уничтожения однополярного атлантистского проекта, глобальной американской империи и её олигархических структур. Мы понимаем, что ответ на глобальный вызов должен быть только глобальным. Четвёртая Политическая Теория, безусловно, может быть названа «антигегемонистской» доктриной.

Появление Глобального Революционного Альянса – это прямое доказательство того, что триумф либерализма был кратковременным. Четвёртая политическая теория бросает вызов Первой (т.е. либерализму), тем самым превращая политическую область в зону стратегического противостояния, где встречаются не политические шуты, а политические враги, компромисс между которыми невозможен.

После поражения Германии остались только два мировых политических актора, ведущих битву за планетарное господство – Соединённые Штаты и Советский Союз. Морская держава против Сухопутной. Экономический упадок СССР ввёл его в стадию стагнации. Америка в то время, как пишет Бжезинский, «была гораздо богаче, гораздо дальше ушла в области развития технологий, была более гибкой и передовой в военной области и более созидательной и привлекательной в социальном отношении». Американское общество постепенно стало образцом для подражания. Главным геополитическим призом для Соединённых Штатов всегда была Евразия. «Все потенциальные политические и/или экономические вызовы амери-

канскому преобладанию исходят из Евразии. В совокупности евразийское могущество значительно перекрывает американское», - резюмирует Бжезинский. Также наш политический оппонент считает, что всё зависит от выбора России: стать европейской демократией или снова евразийской империей. Таким образом, мы находимся перед историческим моментом. И сегодня у нас нет времени на то, чтобы переписывать историю - мы пришли затем, чтобы не допустить глобалистского завтра, и только от нас зависит, какой из предложенных Карлом Шмиттом сценариев будет реализован.

Глобальный Революционный Альянс – это новый актер в развёртывающейся битве, но от прежних его отличает то, что он исключает возможность проигрыша. Моноцефальному либеральному обществу, атлантистскому проекту, глобальной американской империи мы противопоставляем полицефальное сообщество и многополярный мир.

Библиография:

- Femia J. Gramsci's Political Thought: Hegemony, Consciousness and the Revolutionary Process. Oxford. Clarendon Press, 1981.
- Gramsci A. Lettere dal carcere. Turin. Einaudi. 1975.
- Carl Schmitt et. al. Die Tyrannei der Werte. Lutherisches Verlagshaus, Namburh, 1979.
- Драгош Калаич. Третья мировая война. М.: Антифашистский центр российского общенародного союза, 1995.
- Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста / С. В. Тютюкин. — М.: РОССПЭН, 1997.
- Дугин А.Г. Четвёртая политическая теория. М.: Амфора, 2009.
- Дугин А.Г. Геополитика Постмодерна. М., 2007.
- Дугин А.Г. Теория Многополярного Мира. М., 2012.
- Фон Крейтор Н. Россия против нового мирового порядка. Нью-Йорк, США, 1994 г.
- Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. — 1992. — № 1.
- Шмитт К. Государство и политическая форма. М.: Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2010.
- Бжезинский, З. Великая шахматная доска. М. : Международные отношения, 1998.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2007.

Натэлла Сперанская

Многополярный мир. Новые акторы, новые вызовы

Американское правительство было готово к тому, что теория многополярного мира однажды появится. В своём фундаментальном труде «ТММ» Александр Дугин, создатель этой теории, пишет, что опасения американцев были отмечены в докладе «Глобальные тенденции 2025» Национального Совета по разведке США ещё в ноябре 2008.

В рамках многополярного мироустройства, где в роли политических акторов выступают уже не национальные государства, как это было в Ялтинской системе, а цивилизации, потестарная проблематика разрешается в признании тезиса о необходимости наличия стратегических полюсов в каждой из цивилизаций. Функция этих полюсов заключается в принятии решений, связанных с отношениями между цивилизациями. Иными словами, каждый отдельный полюс признаётся субъектом межкультурного диалога. Критерий определения локализации полюсов или центров власти Александр Дугин предлагает выработать на основании шмиттианской концепции суверенитета: «Суверенен тот, кто принимает решение в условиях чрезвычайного положения». Следовательно, центры власти каждой цивилизации будут вынуждены реагировать на стохастические вызовы истории, всякий раз принимая решение и, тем самым, утверждая свою суверенность и право на власть. С.Хантингтон был уверен, что глобальная политика является политикой цивилизаций, и соперничество сверхдержав, прежних акторов международных отношений, должно уступить место столкновению новых акторов, то есть цивилизаций. Хантингтон говорит лишь о таком сценарии, и не уделяет внимания критическому анализу межкультурного диалога. Но должны ли мы говорить только о конфликте?

Теория многополярного мира допускает реализацию двух сценариев: столкновения (войны) цивилизаций и диалога между ними. Александр Дугин, уточняя суть концепции диалога, среди прочего останавливается на том, что диалог может быть как мирным, так и агрессивным («война как форма диалога»). Кроме того, межкультурный диалог не обязательно означает равенство сторон. В диалоге может быть явлена доминация той или другой цивилизации. Профессор М.Легенгаузен ставит вопрос о том, каким будет этот диалог, и кто возьмёт на себя ответственность представлять целую цивилизацию, и совершенно справедливо замечает, что «не всякий диалог между представителями различных цивилизаций будет считаться диалогом между цивилизациями. Если хирург из Китая обсуждает хирургические технологии с коллегой из Туниса, диалог может целиком проходить в рамках западной медицины». Подобным же образом будет проходить диалог в рамках наций, религий и т.д. Легенгаузен уверен, что один человек никоим образом не может представлять целую цивилизацию, поскольку это потребовало бы от него широких познаний во всех областях, будь то антропология, культурология, философия, социология, литература, политология, лингвистика и т.д. По мнению Александра Дугина, носителем межкультурного диалога следует считать интеллектуальную элиту. Таким образом, в каждой цивилизации наличествуют: центр

принятия решений и смысловой центр, коим являются представители интеллектуальной элиты. Они формируют так называемую голограмму цивилизации. В рамках многополярной модели сам взгляд на дипломатию претерпевает существенные изменения. Теперь необходимо опираться на коммуникации иного рода: не одно национальное государство говорит с другим (или другими), - в диалоге участвуют цивилизации, а значит, сама идентичность становится цивилизационной, что означает переформирование всего дипломатического корпуса, который становится в новой парадигме интегральной частью интеллектуальной элиты. Если этой элиты пока нет, она должна быть подготовлена и воспитана.

Таким образом, в многополярной модели именно ведение диалога цивилизаций представляет собой политическую практику. Для конечной реализации многополярного проекта представители евразийской интеллектуальной элиты должны решить ряд задач, таких как: создание «евразийского интертрадиционала» (объединение всех евразийских сил в общий политико-социальный мировоззренческий фронт), установление и дальнейшее развитие политических связей со стратегическими союзниками, обмен информацией (в том числе, конфиденциальной), что в конечном итоге имеет цель – создание Евразийского Союза; при этом не следует допускать ошибку и уходить от контакта с политическими антагонистами, полемика с которыми может быть крайне конструктивной. Первое действие, которое нужно совершить евразийской интеллектуальной элите, заключается в переводе информации в сферу политического действия; имея в настоящий момент полноценную теорию создания многополярного мира, запуск идей должен привести к ожидаемому результату: с одной стороны, евразийская элита привлечёт на свою сторону значительное количество союзников, отрицающих «однополярный момент», восстающих против американской гегемонии, а с другой – бросит вызов США и всем олигархическим структурам, заинтересованным в тотальной реализации атлантистского проекта и одновременном уничтожении по-настоящему опасных соперников.

Либерально-демократическая химера привела к массовой потере политического зрения: сфера Политического, лишившись своей сущности (шмиттианского деления на друзей и врагов), стала жёстко игнорироваться. Политика стала «безопасным шоу», но мы мо-

жем быть уверенными в том, что ему приходит конец: после Второй Мировой войны в мире сложилась двухполярная модель, в которой наличествовали ровно два гегемона, а именно СССР и США. После распада первого, эта модель изменилась на однополярную, что означало триумф либерально-демократической идеологии. Вслед за этим Запад приступил к формированию системы ценностей и ориентиров, которые были навязаны всему миру как универсальные, таким образом, добившись безусловного контроля (диктатуры) над когнитивной, а также стратегической сферами. Политическое стало утрачивать свой смысл, поскольку понятие «враг» в системе нового мирового порядка было заменено понятием «конкурента»; политика уступила место экономике. Первичная дефиниция («друг-враг»), лежащая в основании определения «политического» была снята. Однако используемый нами по отношению к торжеству либерализма эпитет «преждевременное» объясняется тем, что начальная дефиниция неуничтожима. Современная политическая ситуация ясно показывает, что многие политические акторы – как небольшие политические общности внутри государства, так и сами государства – восстают против американской гегемонии и бросают вызов Западу, отстаивая принципы иного миропорядка, а именно многополярного мира. Долгое время США не могли предположить появление равного по силе и потенциалу политического актора, способного вступить в открытую конфронтацию с Соединёнными Штатами. Появление теории многополярного мира, равно как и обретение действенных инструментов для реализации новой модели мироустройства, вскоре будет осознано нашими политическими оппонентами как реальный исторический вызов. А значит, у гегемона появится враг. Ещё точнее, враги, - в лице цивилизаций, не желающих отправиться в пламенный котёл, приготовленный глобалистами. В целом, Западу удалось добиться размытия какой бы то ни было идентичности вообще (религиозной, культурной, национальной и т.д.). Как комментирует Александр Дугин: «Вместо иерархии идентичностей, где большую роль традиционно играли наборы коллективных идентичностей, «однополярный момент» утвердил плоскую одномерную идентичность, с абсолютизацией номерной индивидуальной сингулярности. Один индивидуум = одна идентичность, а любые формы коллективной идентичности (например, индивидуум как часть религиозной

общности, нации, этноса, расы, даже пола, то есть индивидуум как мужчина или как женщина) подверглись демонтажу и ниспровержению». Именно сейчас как никогда важна цивилизационная идентичность. И для того, чтобы она имела место быть, необходимо не только представлять себе, что такое цивилизация как концепт, но и иметь понимание других цивилизационных кодов. Поэтому, если мы вернёмся к вопросу о подготовке дипломатического корпуса, мы отметим, что среди дисциплин, изучение которых является обязательным, Александр Дугин особенно выделяет культурную и социальную антропологию и традиционалистскую философию, которые позволяют выстроить диалог цивилизаций на новом уровне и, что наиболее важное – за пределами западного дискурса. Реализация многополярного проекта, вопреки скептически настроенным западным политологам, зависит от того политического курса, которого будет придерживаться Россия. Выбор в пользу евразийства свидетельствует о приближающейся готовности сделать следующий шаг к построению нового мироустройства.

Сейед Гасем Закери¹

Духовно-нравственные, культурные и гуманитарные аспекты в создании модели многополярного строя

Сегодня мир является свидетелем существования двух полностью противоположных тенденций: крайнего универсализма и релятивизма в нравственной и правовой областях. С одной стороны, некоторые, прикрываясь лозунгом крайнего универсализма, занимаются навязыванием другим своих специфических ценностей

в рамках культурного единообразия, не отказываясь при этом от применения военной силы для распространения своих взглядов. С другой стороны, сторонники культурного релятивизма, под предлогом наличия специфических культурных потребностей для каждого специфического места, считают, что общечеловеческие принципы и ценности изжили себя в мировом масштабе. В сегодняшнем мире, наряду с возрастающими усилиями, направленными на достижения единообразия, а также экономической, политической и культурной гегемонии, имеют место и иные важные тенденции, а именно стремление к культурному разнообразию и плюрализму. Всемирная Декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии, которая была принята в 2001 году, и содержащийся в ней план действий из 20 пунктов, который обсуждался и рассматривался в 2003 году на Первом Всемирном саммите по информационному обществу в Женеве, стали

¹ Первый секретарь Исламской Республики Иран.

новым словом в правовом аспекте вопроса о культурном разнообразии по сравнению с положениями, которые были сформулированы ранее во Всеобщей Декларации прав человека. В этой Декларации культурное разнообразие провозглашено частью общего гуманитарного наследия человечества, которое является необходимым для человечества источником обменов, новаторства и творчества и потому должно быть признано и закреплено в числе основных прав человека в интересах нынешнего и будущего поколений. Четыре основных элемента этой Декларации заключаются в констатации единства культурного разнообразия и плюрализма, культурного разнообразия и прав человека, культурного разнообразия и творчества и культурного разнообразия и международной солидарности. В данной Декларации культурное разнообразие названо этическим императивом и ярким подтверждением уважения гуманитарных ценностей. Защита культурного разнообразия также подразумевает необходимость обязательств, связанных с уважением прав человека и соблюдением основных свобод, особенно прав меньшинств и коренных народов. В Декларации заявлено, что культурное разнообразие необходимо человечеству в той же мере, в которой для природы является необходимым видовое разнообразие. Культурный плюрализм неотделим от демократии, и никто не должен под предлогом культурного разнообразия попираять гарантированные международными законами права человека, или ограничивать сферу их применения.

Здесь я бы хотел бы, опираясь на веру и твердую убежденность в правильности принципа культурного разнообразия для всего мира, привести основные доводы, свидетельствующие о заинтересованности моей страны в сохранении евразийских интеллектуальных и культурных основ. Как и все остальные евразийцы, мы выступаем за сохранение и развитие разнообразных расовых, национальных, религиозных и культурных традиций во всем мире. Мы выступаем против нарушения неотъемлемого права народов на самостоятельный выбор исторического пути развития под предлогом установления нового миропорядка и глобализации. Поэтому, как все евразийцы, приветствуя культурное общение и наличие разнообразных ценностей, мы являемся сторонниками свободного диалога между народами и цивилизациями и, разумеется, одновременно опираемся как на традиции, так и на необходимость творческого и новатор-

ского подхода в вопросах культуры. Исламская Республика Иран, являясь решительным противником однополярного режима и нерасчетливого навязывания всему миру чужих ценностей, выступает за необходимость интеграции и совместных усилий различных цивилизационных структур по всему земному шару, направленных на формирование многополярного строя в системе международных отношений на основе диалога между крупнейшими культурными и цивилизационными общностями человечества. Исламская Республика Иран в этом вопросе однозначно защищает идею “коалиции цивилизаций” в противовес идее “войны цивилизаций”. Исламская Республика Иран в качестве весьма важной части величественной исламской цивилизации, будучи глубоко убежденной в возможности сотрудничества и культурной интеграции с другими важнейшими цивилизациями, в том числе с соседними культурами, исторически существующими в рамках православия, идее культурного вторжения и агрессии предпочитает идею цивилизационного и культурного сотрудничества и интеграции.

Мы, как и все евразийцы, считаем, что каждая из существующих в мире религий и верований является частью общего наследия человечества, и, несмотря на то, что наиболее важными среди них мы

считаем авраамические религии, мы подчеркиваем необходимость защиты всех религий. Исламская Республика Иран, основываясь на религиозном учении Ислама, отрицает грубые материалистические подходы и внедрение культуры потребительства и считает, что большинство проблем и трудностей западной материалистической культуры коренится в отсутствии внимания к природе человека и взглядах на мир, основанных на личной выгоде и поиске удовольствий. К сожалению, для сегодняшних материалистов не имеет ценности ни прошлое, ни будущее, тогда как мы, напротив, придаем огромное значение развитию духовных и нравственных ценностей. Мы очень рады видеть, что евразийская интеллектуальная элита солидарна с мусульманскими учеными в критической оценке основных корней экономических кризисов, которые охватили западный мир, поскольку все мы уверены в том, что потребительская культура Запада и главенство западных стран в вопросах духовно-нравственных ценностей является основной причиной их проблем. Исходя из этого, до тех пор, пока не преодолен духовный кризис западного мира, нельзя надеяться на окончательное освобождение Запада от экономических и нравственных кризисов. До тех пор, пока не будет решен этот вопрос, Запад по-прежнему будет делать ошибки и сталкиваться с разнообразными кризисами в политической, культурной и других областях.

Так же, как все евразийцы, мы признаем ценность всех народов, населяющих нашу планету (начиная с тех, кто создавал великие цивилизации, и, заканчивая малочисленными народами, которым нелегко защищать собственные традиции) и считаем диалог и взаимопонимание важнейшим и основным инструментом укрепления интеграции цивилизаций и культур. Мы также считаем, что уничтожение любого народа и любого значимого строя является невосполнимой потерей для всего человечества, и убеждены в том, что однополярное мироустройство способствует навязыванию всему миру одинаковых культурных, экономических и политических ценностей, и главным результатом культурной экспансии однополярного мира станет уничтожение разнообразных ценных политических устройств.

Понятно, что многообразие наций, культур и традиций является “величественным явлением”, символизирующим развитие и боже-

ственную соразмерность человеческой цивилизации. Не являясь сторонниками изоляционализма, мы не разделяем и стремление к присоединению к другим любой ценой. Мы убеждены в том, что каждая из наций, населяющих земной шар, имеет право на самостоятельный выбор своего исторического пути, и никто не в праве принуждать народы к отказу от своей уникальной самобытности. Исламская Республика Иран, уважая международные принципы прав человека, ставшие плодом длительного опыта человечества, и отрицая низведение универсальных принципов прав человека до уровня материалистических запросов западного человека, также убеждена в том, что права народов не могут быть меньше, чем права человека. Исламская Республика Иран, приветствуя процесс региональной экономической интеграции, также осуждает и считает неприемлемым любое использование международных валютных инструментов в качестве рычага давления на независимые страны.

В заключение я хотел бы от имени Исламской Республики Иран подчеркнуть важность той роли, которую великие авраамические религии могли бы сыграть в ликвидации большинства проблем, стоящих сегодня перед человечеством, поскольку общие основы этих религий и наличие сходных целей, заключающихся в придании смысла человеческой жизни, могут открыть дорогу к миру, в котором любовь займет место ненависти, взаимопонимание придет на смену подозрительности, и вместо тревоги и нестабильности наступит эра безопасности и надежды на лучшее будущее для всего человечества.

Егор Чурилов

Многополярность как эволюционный этап

Монополярность и гегемония, как императивы, следуют из самой человеческой природы, но должны быть вынесены за рамки организационного доминирования или военно-экономического подавления, в область высшего целеполагания. Должен быть определён мета-полюс, но уже не как воля отдельной крупной геополитической силы, которая подавляет остальные и заинтересована в их дегенеративном состоянии, но как система целей, стоящая над человеческим обществом и вне его разногласий.

1

Под геополитическим «полюсом» понимается центр силы, который способен значимо активно участвовать или направлять ход политической истории во всей протяжённости известного мира. В различные эпохи на роль таких центров силы претендовали социально-политические формации разного рода, начиная от городов-государств древности, с их скромной по нынешним меркам ойкумены, до трансконтинентальных империй современности, опоясавших планету. Несмотря на значительные различия в природе таких формаций, которые можно отнести к их этнокультурной, географической разнѳсѳнности или разнице в масштабах, их объединяет тот факт, что каждый полюс стремился не только выжить среди соперников, но победить их и превзойти сам уровень противостояния. Именно поэтому мы и можем наблюдать эволюцию политических образований, приведшую отдельные племена к построению огромных империй.

Рано или поздно процесс конкурентной борьбы приводит к выявлению победителя, и ойкумена обретает гегемона, одного над всеми. Побеждает наиболее пассионарный, адаптивный, способный

использовать преимущества своего исторического положения и контекста. Но с завершением исторического цикла успешная в прошедшей эпохе экспансионистская модель утрачивает эффективность, и гегемония рушится как из-за внутренних противоречий, так и под действием нарождающихся новых центров силы.

2

Субъектность можно определить как совокупность трёх способностей: способность иметь цели, способность организовать их достижение, а также наличие средств для их достижения. Главной задачей всякого противостояния можно считать уничтожение субъектности противника. В наиболее желаемом пределе эта задача сводится к устранению способности противника иметь собственные цели, что полностью исключает возникновение противоработы. Установление гегемонии предполагает либо военную победу над конкурентами, с уничтожением средств; организационную победу, с блокированием возможности использовать имеющиеся средства; либо, наиболее эффективную идеологическую победу, с уничтожением способности к самостоятельному целеполаганию.

Гегемон настоящего – трансатлантический и талассократический Запад с центрами в Британии и США – в прошлом веке победил Союз в холодной войне своего последнего глобального соперника – Советский Союз, но не смог полностью устранить субъектность ни России, ни остальных крупных геополитических игроков. США, находящиеся под грузом внутренних проблем, прежде всего не смогли удержать идеологическое лидерство, которое могло бы легитимизировать их исключительную позицию на мировой арене. Либеральные и индивидуалистические идеи протестантизма, исправно служившие несколько веков в качестве идейной базы экспансии, теряют привлекательность и эффективность в XXI столетии.

3

Геополитические центры, которые не подверглись полной идеологической и организационной деструкции, существуют в рамках, которые предписаны и контролируются гегемоном. Но сама их уце-

левшая субъектность предполагает нахождение в явной или неявной оппозиции к доминирующей силе. Неспособность в одиночку бросить вызов гегемонии делает актуальным создание союзов «все против одного», как симметричную реакцию на традиционную для Запада политику «разделяй и властвуй». Таким образом, концепция многополярного мира может являться для России, Европы или Китая средством обосновать необходимость денонсации «общечеловеческого» кодекса ценностей, который навязывается Западом в его стремлении распахнуть мир исключительно под себя. А также геополитического устройства, которое проистекает из этого кодекса, с соответствующей позицией в нём Соединённых Штатов Америки.

Субординаты глобального масштаба могут в среднесрочной перспективе использовать идею многополярного мира в качестве концептуализации коалиционной атаки на гегемонию. Но даже целевое состояние «баланса сил» всё ещё подразумевает наличие силы у каждого из геополитических полюсов, а значит – присутствие внутренней энергоизбыточности, пассионарности и, главное – целеустремлённости, которая входит в противоречие с конкурентами. Поэтому не может быть иллюзий, что в долгосрочной перспективе, это многополярное равенство будет использовано каждой стороной для продвижения собственного приоритета, до тех пор, пока субъектность в определённом выше смысле будет иметь место. Такие циклы неизбежны, и являются формой существования социополитических общностей любого масштаба, коль скоро все они движимы единым и универсальным экспансионистским императивом.

4

Именно исходя из наблюдений за цикличностью концентрации власти, и следующей за пиком процесса её деконцентрацией, за взлётами и падениями древних и недавних империй, за их размерами, растущими в ногу с технологическим прогрессом, можно сделать следующий вывод. Кризис мирового гегемона, его неспособность сохранять авторитет в качестве планетарного лидера, нельзя отождествлять с принципиальной невозможностью установления централизованного глобального управления. Пессимизм по данному вопросу ещё можно кое-где наблюдать, он не представляется состоятельным.

Присутствует проблема нахождения эффективных методов организации планетарного общества, с учётом всего цивилизационного разнообразия, этнокультурных вариаций, различий в экономических моделях. Но на фоне роста количества и качества глобализационных механизмов вряд ли есть существенные причины сомневаться в том, что эта проблема может быть рано или поздно решена.

5

Можно полагать многополярность, как представление о некоем компромиссе *inter pares*. Такой компромисс может быть основан на идеалистических стремлениях к миру и благоденствию, либо проистекать из реалистичных опасений на счёт выживания планеты в горячем противостоянии. Но состояние такового баланса сил нельзя рассматривать, как фундамент для долговременного и устойчивого мироустройства. По крайней мере, до тех пор, пока у человека не ампутируют его действующую волю, его стремление к развитию и познанию.

Обоюдное сдерживание, которое можно было наблюдать в bipolarной позиции СССР-США второй половины XX-го века, сопровождалось холодной и скрытой, но всё же войной на поражение. Представляется наиболее вероятным, что в многополярном мире с любым количеством полюсов, пока хотя бы один из полюсов развивается и в целом внутренне энергоизбыточен, избыток этой энергии будет потрачен на повышение давления на контрпозиции. Что, в сущности, означает всё то же холодное или горячее противостояние, в котором менее способные субъекты обречены на потерю своей позиции равномогущего конкурента или вовсе, своей субъектности.

Как период неопределённости в роли лидера, который следует за утратой гегемоном своих позиций, многополярный мир есть неизбежный и важный эволюционный этап. Для отдельного геополитического центра войти в него с полным осознанием ситуации и видением перспективы её развёртывания – значит обеспечить себе, по меньшей мере, внутреннюю способность поддерживать этот внешний баланс. Первенство в концептуализации многополярности предоставляет гандикап в освоении преимуществ многополярного мира, возможность продвигать свои правила. Теоретики и практики

«равновесной» многополярности могут не осознавать того, что их вклад в установление геополитического равновесия будет использован, чтобы склонить это равновесие, в конце концов, но такой исход неизбежен.

6

Роль глобального управляющего может оказаться свободой и будет оспорена геополитическими формациями, которые останутся или возникнут в наступающей эпохе. Возможно даже, оспорена ещё несколько раз. Однако такая реприза видится лишь повторением прошлых сценариев на новый мотив, что рано или поздно потеряет смысл. А значит, в сфере взаимодействия геополитических центров должен появиться смысл более высокого порядка; миропонимание, в котором глобальная гегемония будет не предельной ценностью, а уже только средством для достижения новых, более высоких и объёмлющих целей.

Отрицать или отменить организационное и идеологическое противостояние невозможно. Превосхождение противостояния локального масштаба решается установлением надстоящего этажа власти, как это случилось с княжествами, растворившимися в империях, когда удельные распри потеряли смысл перед вызовами имперских проектов. Но на предельном, глобальном географическом и социальном масштабе, такое геополитическое приращение более невозможно. Превосхождение противостояния здесь может произойти только посредством вывода целеустремлённой человеческой деятельности на следующий, более высокий уровень, стоящий над стремлением к доминированию на планете.

Не случайно, что в число базисных факторов геополитики, помимо военно-политической мощи и экономического веса, события XX века внесли идеологическое доминирование, что в перспективе глобального противостояния оформилось в понятии концентриальной войны. Это стало результатом поиска наиболее эффективных и экономических средств глобального управления.

Представляется, что в следующей за многополярностью эпохе единый Полус не будет переходящим знаменем, которое хранится у завоевателя ойкумены или «справедливо» разрывается конкурента-

ми на лоскуты. Монополярность и гегемония, как императивы, следуют из самой человеческой природы, но должны быть вынесены за рамки организационного доминирования или военно-экономического подавления, в область высшего целеполагания.

Должен быть определён мета-полюс, но уже не как воля отдельной крупной геополитической силы, которая подавляет остальные и заинтересована в их дегенеративном состоянии, но как система целей, стоящая над человеческим обществом и вне его разногласий. Только на сверхмасштабе находится тотальность, которая не может быть присвоена или оспорена отдельным геополитическим актором.

Полюс разделяемых всеми сторонами, не декларативных, но действительных сверхцелей должен быть приложен к практике многополярности в качестве меры, определяющей её структуру и легитимизирующей её ценности. Многополярность, из средства сохранения «баланса», из средства взаимного сдерживания, из гомеостатического принципа, наделённая вынесенным за её пределы ориентирующим мета-полюсом, позволит сохранить планетарный эволюционный реактор, с выводом естественной энергоизбыточности цивилизаций за пределы их противостояния; и неизбежно – за пределы планеты.

Если мы полагаем кооперацию цивилизаций более желанным состоянием перед состоянием глобального конфликта, пусть и сдерживаемого, то только на основе решения проектов, в определённом смысле сверхглобальных по своей природе, важных и судьбоносных для всего человечества, и проистекающей из данного целеполагания системы ценностей, возможно построение сбалансированного сотрудничества всего того разнообразия цивилизаций, культур, этносов, которыми богата Земля.

Антон Заньковский

Онтологические основания многополярного мира. Опыт генеалогии западного Ничто

В работе «Политическая теология» Карл Шмитт демонстрирует зависимость структуры социума от господствующей картины мира, основанной на тех или иных онтологических положениях¹. Во всех сферах общественной жизни: от внешней политики до искусства – проявляется коренная идея, придающая легитимный статус существующей форме государственного устройства. Философия, как метанаука, как то, что обосновывает значение ведущих социальных практик и даёт импульс их дальнейшему развитию, несёт ответственность за формирование жизненного мира. Таким образом, философская ошибка, опасная или незавершённая концепция может привести к трагедии мирового масштаба. По моему мнению, эта трагедия уже состоялась. В данной работе я постараюсь объяснить, в чём она заключается. Речь

пойдёт главным образом о природе государства, его онтологических основаниях. Помимо этого, мы рассмотрим принципиальные изменения ментальности западного человека и, как следствие этого, изменения, произошедшие в сфере искусства. Прежде всего, следует определить тот взгляд на природу вещей, который господствовал во времена Премодерна, т.е.

¹ Шмитт К. Политическая теология. – СПб., 2000. – С. 57-79

в традиционном европейском обществе. Такой взгляд называется холистическим. Холизм – это учение, которое господствовало как всеобщая картина мира вплоть до 17-го века. Сам термин «холизм» придумал Ян Сметс уже в 20-м веке. Целое больше совокупности своих частей – в этом заключается принцип холизма.

Определим истоки политического холизма – традиционного взгляда на природу отдельно взятого государства. Учение о государстве как о природной, а не рукотворной вещи впервые мы находим у Аристотеля.

В статье «Политический платонизм и его онтологические основания»¹ Александр Дугин выделяет в пластах Платонополиса слои, соответствующие первым четырём гипотезам диалога Платона «Парменид», что демонстрирует особую методику анализа платоновского наследия: многогранное учение Платона рассматривается как целостная система, а не набор разрозненных философских положений. В соответствии с этим подходом мы рассмотрим политическое учение Аристотеля, сущность которого невозможно понять, руководствуясь только «Политикой» и «Этиками», без учёта аристотелевской «Физики» – именно в этом трактате сформулированы основные онтологические законы мира вещей, к коим Аристотель относит и Государство. Стагирит разделяет все вещи на рукотворные и природные, причём такую вещь, как государство, относит к последним.

Итак, очевидно, государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку; поскольку последний, оказавшись в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим, то его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому².

Традиционное сознание, как античное, так и средневековое, не относил к понятию вещи только лишь физические объекты, как они воспринимаются современными людьми. Латинское слово «res» означает также «дело» – это демонстрирует нам понимание вещи как

¹ См.: Дугин А.Г. Политический платонизм и его онтологические основания // Деконструкция: Материалы семинаров и конференций по проблеме современной философии и социологии (вып.2). М., 2011. С.201-206

² Пол. 1253a25

того, в чём имплицитно присутствует некое развитие к завершённости – энтелехия. Энтелехия государства, согласно Аристотелю, – это монархия или аристократия. Именно в этих формах государственного правления осуществляется такая вещь, как государство. Есть и другие формы, но они уже являют собой некую лишённость (*steresis*) – это специальный аристотелевский термин, он обозначает обратный потенциал, находящийся в природе всех вещей: то, благодаря чему вещь разрушается, регрессирует к изначальной, неоформленной материи. Онтология вещей зиждется на следующих принципах: материя, форма, энтелехия и лишённость¹. Лишённость представляет собой отсутствие энергии – способности к реализации энтелехии.

Лишаясь своей формы, государство постепенно скатывается к окончательному разрушению, проходя следующие этапы: монархию и аристократию сменяет полития – это некий приемлемый общественный строй, находящийся между аристократией и демократией. Существует ещё олигархия, и Аристотель долго выясняет преимущества политии над олигархией. Олигархия – это извращение аристократии. Власть при олигархии не принадлежит лучшим, но определяется исключительно финансовым цензом. Демократия, с точки зрения Аристотеля, наихудший государственный строй, уступающий в степени деградации только тирании. Полития не подразумевает власти выдающихся личностей, как при аристократии и монархии, но и не допускает власти худших, как обстоит дело при демократии и тирании. Деградация от политии к демократии означает захват власти толпой, которая до этого была лишена политических прав. Затем толпа порождает из собственных недр тирана. С точки зрения Аристотеля, при тирании и демократии государство уже почти не существует. Вот таким образом государство проходит этапы деградации.

Исходя из этой системы, можно определить, что такое либерализм. основополагающая идея либерализма – это контролируемая конкуренция. Государство, с точки зрения либеральной модели, является механизмом, который защищает граждан друг от друга. Эта система сдержек, при которой власть специально ограничивается с целью избежать окончательного скатывания в тиранию. В связи с

¹ См.: Физ. 199а 10-15

этим можно вспомнить, что Гитлер и Муссолини пришли к власти вследствие установления всеобщего избирательного права. Либеральная психология более всего опасается особого доминирования отдельного лица или группы лиц над большинством, т.к. именно эти симптомы характеризуют тиранический режим. Но также они характеризуют и противоположный вектор – вектор развития. Аристократия и монархия являются обычным, нормальным состоянием государства, как оно есть по природе. Но эти режимы, как и тирания, подразумевают особое доминирование отдельных составляющих целого. Таким образом, либерализм, как идеология демократического строя – это костыли неполноценного общества, общества, которое не допускает реализации энтелехии государства. Более того, политический строй, при котором отношения между гражданами основаны лишь на утилитарных принципах и не имеют общих этических оснований, Аристотель именует Торговым союзом. Торговый союз – это не государство, но случайное образование.

Государство, мыслимое как нерушимая целостность, т.е. суверенное государство, имеет особую экономическую систему, особую культуру и религиозность – всё это есть условия, формирующие гештальт данного государства. Унификация этих факторов свидетельствует об онтологическом регрессе такой вещи, как государство, о разрушении формообразующих начал. Гештальт суверенного государства – это гносеологический термин, обозначающий образ государства, данный в отдельном сознании. Государство как целостность отражается в отдельном сознании как гештальт государства: данный способ государственной самоидентификации свойственен тем культурам, где не утвердился либеральный проект. Племенной союз, стремящийся к овеществлению за счёт отграничения от других союзов, и многомиллионное государство имперского типа объединяет то, что члены этих образований распространяют на них категорию целостности.

Перейдём к онтологии либерального проекта. Ален де Бенуа в статье «Критика либеральной идеологии»¹ противопоставляет общество целостного типа индивидуалистическому обществу, которое

¹ De Benoist A. Critique de l'idéologie libérale / Site Web de l'Association des Amis d'Alain de Benoist. 2004-2012. URL: http://www.alaindebenoist.com/pdf/critique_de_1_ideologie_liberale.pdf (дата обращения: 04.04.2012)

представляет собой совокупность отдельных индивидов, связанных чисто экономическими отношениями. Экономические интересы подобного общества подразумевают унификацию государственных границ с целью беспрепятственного товарообмена.

Сформированная на почве утилитарного мышления, либеральная идеология не признает особого экзистенциального статуса за общинами, народами, культурами или нациями. В силу своих оснований либерализм не видит в государстве ничего, кроме суммы индивидуальных атомов. Отыскивая корни этой социальной онтологии, мы с неизбежностью приходим к сенсуализму Дэвида Юма. Согласно его гносеологическому учению, истинно существуют только дискретные впечатления, которые даны в опыте как непрерывный поток, но эта целостная непрерывность является фактором только лишь внутреннего опыта. Юм критикует как материалистов, так и идеалистов за то, что и те и другие вводят понятие субстанции, будь то субстанция божественная или материальная. Юм анализирует сам принцип построения подобного суждения и обнаруживает, что понятие субстанции формируется в результате повторяющихся, похожих впечатлений, привычки. С позиций де-субстанциализма Юм рассматривает идею души. Человеческая душа, по Юму, – это совокупность дискретных состояний и впечатлений, которые, сменяясь поочередно, создают иллюзию непрерывности и самотождественности, что и называют впоследствии субстанцией. На самом деле нет ни внешних субстанций, ни внутренней субстанции, т.к. фактически даны лишь дискретные сенсорные впечатления. Этические суждения, представления о добре и зле, о праведном и недолжном – это всего лишь иная группа субъективных впечатлений, подобных зрительным впечатлениям или обонянию. Отличие между ними лишь в степени интенсивности и порядке возникновения. Причём простые впечатления интенсивней сложных идей и предшествуют им. Юм приходит к следующему выводу: нет никакого познающего субъекта как субстанции и нет ничего субстанциального, что познавалось бы, но есть сам факт восприятия и психической активности, в которой наблюдается множество отдельных актов. В гносеологической модели Юма сознание как нечто целое отсутствует, подобным образом либерализм рассматривает природу государства: есть только отдель-

ные индивиды, которые связаны экономическими отношениями, а государство – не более чем механизм, сдерживающий насилие.

Впоследствии Кант, развивая идеи английского сенсуалиста, формулирует третью антиномию чистого разума: предметы можно мыслить как целостности, не сводимые к совокупности частей, по той причине, что разум прежде мыслит вещь как целое и лишь позже делит её на составные части¹. Но антиномия и состоит в том, что можно доказать обратное: любой простой предмет занимает пространство – это необходимое условие существования вещей; следовательно, простой предмет можно разделить – подобную возможность обеспечивает сам факт его протяженности. Таким образом, Кант показывает, что размышление о дискретности или субстанциальности вещей находится в границах человеческого познания, а вещь в себе принципиально непознаваема. Несмотря на уравнивание Кантом этих двух позиций, вся последующая наука отвергла холизм как ложную метафизическую установку и вернулась к примитивному сенсуализму Локка, постоянно пытаясь избежать юмовской солипсической ловушки, которая не позволяет полноценно оперировать с предметами так называемого «внешнего мира». – Ведь нет ни познающего субъекта, ни объекта познания, но только лишь дискретные перцепции. В работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» Эдмунд Гуссерль замечает, что Юм стал «...отцом бессильного позитивизма, сторонящегося философских бездн или поверхностно их прикрывающего и довольствующегося успехами позитивных наук...»². Мы оставим в стороне вопрос о том, справился ли сам Гуссерль с той бездной, которую открыл Дэвид Юм. Но учитель Хайдеггера верно замечает, что сам Юм всячески старался сокрыть представшую перед ним бездну нигилизма, апеллировал к здравому смыслу и соглашался с догматическими религиозными положениями. Ведь гносеологическое учение Юма обращает в фикцию весь универсум тождественных тел, мир тождественных личностей, всю объективную науку; само человеческое Я превращается в чередование дискретных данных, явленная целостность которых – только лишь психологическая фикция.

¹ Кант И. Критика чистого разума. – М., 1994. – С.272-278

² Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. – М., 2004. – С.126

Против юмовской аргументации часто приводили один довод: неестественность разложения опыта на отдельные единицы. В пример приводят восприятие музыкального произведения: сознание соединяет отдельные ноты в целостную музыкальную тему. Но с таким же успехом можно встать на позицию юмовского сенсуализма и заявить, что в непосредственном опыте нет ничего, кроме атомарных звуков, а сознание, уже вследствие вложенного закона, выстраивает мелодию. Кант достаточно убедительно показывает, что обе позиции правомерны, но ни одна из них не имеет отношения к существу вещей, как они есть сами по себе, а только демонстрирует ту или иную гносеологическую позицию: можно сказать, что мелодия существует, т.к. определённую последовательность звуков множество людей воспринимает примерно одинаково и даже с похожими чувствами. Но можно встать на противоположную позицию и заявить, что речь идёт только лишь о законах человеческого восприятия, а не об онтологическом статусе такой вещи как музыка. Едва ли можно опровергнуть гносеологический релятивизм Канта. Можно лишь проследить последствия той или иной гносеологической установки. В «Критике чистого разума» Кант признаёт, что наиболее последовательное и научное мышление склоняется в антиномиях к антитезисам: то есть, у мира нет начала и причины, пространство бесконечно, и каждая вещь делима до бесконечности и не является чем-то большим, чем совокупность частей. С другой стороны, Кант показывает, что все эти положения легко опровергнуть с догматической точки зрения. Религиозная мораль неизбежно должна основываться на противоположных принципах: мир имеет начало – он сотворён Богом, космос ограничен, а вещи, особенно человеческая душа, представляют собой неделимые целостности – эти положения господствовали на протяжении столетий, на них основывалась христианская теология, опиравшаяся на аристотелевскую онтологию. Кант заявляет, что расширяет место для веры, утверждая познавательный релятивизм. Вещь в себе не будет познана никогда – человеческое сознание на это не способно, а наука и религия выбирают тот или иной принцип познания в соответствии со своими утилитарными или догматическими требованиями. На деле всё сложилось иначе.

Уместно вернуться к первому тезису: философские идеи предшествуют всем социальным практикам: созданию предметов искусства,

научным открытиям, политическим преобразованиям. К несчастью, в современном обществе данное утверждение требует специальных доказательств. Современному человеку философия представляется развлечением аутистов гуманитарного склада ума. Тем не менее, только благодаря тому, что несколько энтузиастов вновь открыли греческие тексты Платона, возникла культура эпохи Возрождения. Идеи таких сугубо кабинетных учёных, как Маркс и Энгельс дали воплощение целым социалистическим мирам, принципиально новым формам культуры. Даже город Санкт-Петербург является воплощенным монстром картезианской философии.

Речь идёт о том, что философские интуиции Дэвида Юма оказались пророческими. Как бы ни старались разного рода субстанциалисты сохранить целостную вещь, она всё равно разваливалась на глазах, о чём свидетельствуют европейские искусства и науки. История развития живописи 19-20 веков – это история постепенной деструкции целостного образа. Импрессионисты запечатлевают отдельные единицы чувственного опыта, случайно выхваченные из потока сенсорных данных. До этого живопись не придавала такого значения зрительным эффектам. Принято противопоставлять модернизм и авангард импрессионизму, т.к. в этих направлениях делается ставка на внутренние образы художника, а т.н. внешний мир не слишком заботит фовистов, кубистов, и тем более супрематистов. Но все направления живописи 19-20 веков объединяет деструктивное отношение к предметам.

В живописи манифестацией онтологического нигилизма станет «Чёрный квадрат» Малевича. В этом философском шедевре деструкция доходит до логического финала.

Если говорить о музыке, то здесь нельзя не обратить внимания на своеобразную иронию судьбы теории познания. Вспомним, что оппоненты Юма приводили в пример мелодию, которая имеет в себе нечто большее, нежели набор разрозненных звуков. И вот композиторы 20-го века выделяют в качестве эстетического объекта отдельные звуки или набор звуков, несвязанных между собой никаким законом – этот метод композиции даже получил специальное название – алеаторика. Затем Джон Кейдж доводит до логического финала вектор деструкции, сочиняя в 1952 году композицию под названи-

ем 4'33, в которой нет ни единого звука. «Чёрный квадрат» находит свой эквивалент в музыкальном мире.

В эту воронку препарирования любых целостностей постепенно затянулась вся последующая европейская наука. Триумфом интенции, заданной Юмом, стало расщепление атома... Вместо того, чтобы осмыслить дискретность человеческого Я, учёные активно занялись расщеплением внешнего мира. То, что мы наблюдаем в феномене постмодернистской клиповой культуры, где эстетический объект создаётся путём чередования разрозненных элементов, есть ещё одно следствие юмовской интенции. В сфере политики это вылилось в либеральный индивидуализм, онтологические положения которого мы уже рассмотрели, обнаружив в данной доктрине принципиальное неприятие идей холизма.

В конце нашего доклада уделим немного времени одному интересному сравнению. В XIX веке, знакомясь с буддийской философией, европейские учёные удивлялись её чрезвычайному сходству с положениями Д. Юма¹. Буддийская абхидхарма опровергает существование субстанций с помощью того же метода, к которому прибегал Юм: отдельных вещей не существует, как не существует и индивидуальной души, — есть только поток психофизических элементов — дхарм, которые, вследствие человеческой помрачённости, складываются в иллюзорные целостности. Возьмём два наиболее удачных определения понятия «дхарма».

Определение Рудого:

Дхарма — это единица описания функционирования психики в неразрывном единстве, как с её субстратом, так и с внешним миром, и как бытие качественно-определённых элементарных психосоматических состояний.

Определение Торчинова:

Дхарма есть неделимый элемент нашего психофизического опыта, или элементарное психофизическое состояние.

Дхарма — религиозный эквивалент того, что Юм называл *impression* — впечатление.

¹ См.: Торчинов Е. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. — СПб., 2007. С.38-39

Наше ментальное состояние – это та или иная конфигурация дхарм. Каждая конфигурация зависит от своего прежнего состояния, а данное состояние обуславливает её будущее состояние. Говоря проще, дхармы – это и чувства (Ведана-скандха), и понятия (Санджня-скандха), и формы (Рупа-скандха), и волевые акты (Санскара-скандха), и сознание без какого-либо содержания (Виджняна-скандха). Скандхи – это группы дхарм. Одни причинно обусловлены, сами являются причинами и формируют наш эмпирический опыт (вспомним, что выход из потока причин и следствий – главная цель в буддизме). Дхармы, вовлекающие в круговорот сансары, внешне проявляются как некий аффект, несущий привязанность и страдания. Точнее, они являются и субъектом, переживающим этот аффект, и совокупностью всех форм ощущений, волений. Есть и благие дхармы, ведущие к освобождению.

Постоянно исчезая и появляясь, причиняя друг друга, дхармы в совокупности образуют поток, он называется сантана; эмпирически этот поток обнаруживается как «живое существо». На основании вышесказанного (и мнения профессиональных буддологов) можно утверждать, что в буддизме нет учения о перевоплощении душ, ведь душа не перестает перевоплощаться ни на мгновение. Это можно сравнить с роем пчёл: новое рождение – это просто иной состав насекомых в иной местности. Только направление полёта задано предыдущим составом роя – это направление называется кармой.

Отдельные школы буддизма отрицали даже сами эти элементы опыта, утверждая, что существует одна лишь пустота, которая должна заменить собой иллюзорное Я в результате медитативных практик. Интересно, что уже на ранних этапах буддисты осознали опасность нигилизма как следствия подобной теории. Тогда и возникла школа срединного пути, мадхьямика, созданная Нагарджуной. Этот выдающийся индийский мыслитель разработал теорию двух истин: на уровне абсолютной истины ничто не существует, все феномены теряют свою субстанциальность вследствие взаимообусловленности, в этом состоянии уже не действуют законы кармы, все этические предписания оказываются фиктивными. На уровне относительной истины феномены существуют, этические законы действуют, а их нарушение влечёт за собой кармическое возмездие. Таким образом, открытие Юма, напугавшее его самого не меньше, чем консерватора

Жозефа де Местра, было известно ещё в начале нашей эры в Индии. Можно справедливо утверждать, что гносеологическая система Д. Юма, европейского философа 18-го века, уступает в сложности буддийской системе, сформировавшейся в начале нашей эры.

Таким образом, своеобразная гносеологическая установка европейского сенсуализма, имела свой аналог на Востоке, где применялась для достижения религиозного экстаза, для выхода за пределы любой человеческой обусловленности, окончательной деструкции когнитивного аппарата с целью вхождения в беспредельное.

Мартин Хайдеггер в эссе «Вещь» пишет следующее:

Принудительное в своей области - области предметов - научное знание уничтожило вещи как таковые задолго до того, как взорвалась атомная бомба. Ее взрыв - лишь грубейшая из всех грубых констатаций давно уже происшедшего уничтожения вещи: того, что вещь в качестве вещи оказывается ничем .

Сегодня мы рассмотрели гносеологические основания разрушительных тенденций западной науки эпохи модерна. Дэвид Юм заложил когнитивный фундамент онтологического нигилизма, от которого Восток был своевременно защищён. Запад не был защищён учением об относительной истине, которое допускает фиктивное наличие субстанций. Метод достижения тотального психического взрыва, направленный вовне, стал причиной весьма печальных последствий для всего человечества.

Томас Ренард, Свен Бишоп

Необходимость стратегии в многополярном мире: рекомендации для ЕС после Лиссабона

Наконец-то вошел в силу Лиссабонский договор. Пришло время ЕС вернуться к работе и специально проанализировать свою внешнюю политику. В стремительно усложняющемся и многополярном мире ЕС должен действовать стратегически. Чтобы избежать превращения в никому не нужного международного актора, Брюсселю необходимо: 1) разработать Большую стратегию для определения истинных целей своей внешней политики; 2) выковать крепкое стратегическое партнерство с ключевыми глобальными игроками; и 3) способствовать строительству новой эффективной многосторонней системы, которая принимает в расчет новую глобальную расстановку сил.

Сейчас, после того как Кэтрин Эштон была назначена Высоким представителем Европейского Союза по международным отношениям и политике безопасности, а первым президентом Европейского Совета стал Херман ван Ромпей, перед нами встает более основательный вопрос: какую внешнеполитическую стратегию они намерены осуществлять?

В своей Европейской стратегии безопасности (ЕСБ) ЕС разработал свою главную стратегическую линию, охватывающую все инструменты и ресурсы внешней политики, имеющиеся в распоряжении ЕС и государств-членов. ЕСБ рассказывает нам, как действовать превентивно, целостно и многосторонне, но она не дает ответа на вопрос, что именно делать: каковы внешнеполитические приоритеты ЕС? В ходе недавних дебатов по поводу ЕСБ, суммированных в 2008 г. в Отчете об осуществлении европейской стратегии безопасности, не удалось найти ответа на этот вопрос. Мало предлагая относительно планов на будущее, сам Отчет создает впечатление неза-

конченного документа, в рамках которого трудно себе представить, что Лиссабонский договор улучшил институциональную структуру ЕС, НАТО запустила стратегические переговоры по поводу взносов ЕС и предполагаемых рисков для ЕС перейти в тень набирающих силу держав.

Полноценный стратегический обзор предназначен для того, чтобы дополнить ЕСБ. Первое правило разработки стратегии – изучить

самого себя. Хотя это и кажется на первый взгляд очевидным, на самом деле не вполне понятно, какие именно ценности и интересы ЕС пытается защищать, и какого рода международным актором он хочет быть. Более того, ЕС должен начать стратегический обзор с рассмотрения себя самого и попытки установить точные цели своей внешней политики. Но в таком пристальном всматривании в зеркало может быть также много опасностей, и к тому же ЕС не может претендовать на роль стратегического актора, если продолжит игнорировать других стратегических игроков. Такие рассуждения нужны не к вопросу поиска врагов (вероятно, у ЕС нет прямых врагов, однако стратегические неожиданности никогда не должны полностью

вычеркиваться¹), а для того, чтобы распознать «другого». И, в конце концов, последним принципом воспроизводства стратегий может быть следующее: оценка окружающей обстановки или, иными словами, изучение всеобщих правил игры. Если ЕС надеется стать глобальной силой, ему необходимо понять – а лучше создать самому – правила, определяющие международные отношения.

Необходимость Большой стратегии

Какие ценности и интересы должна защищать наша Большая стратегия? Европа обладает очень характерной социальной моделью, совмещающей демократию, рыночную экономику и решительное государственное вмешательство. Охрана и усиление этого внутреннего социального контракта между ЕС и его гражданами, гарантия их защищенности, экономического процветания, политической свободы и социального благополучия суть фундаментальные цели ЕС как внутренне и вовне ориентированного глобального актора. Вот те условия, необходимые для отстаивания наших жизненных интересов: защита от любой внешней военной опасности; открытые линии коммуникаций и торговли (непосредственно в физическом и кибер пространствах); охрана поставок энергии и других жизненно важных природных ресурсов; экологически устойчивая окружающая среда; контролируемые миграционные потоки; поддержка международного права и других повсеместно распространенных прав; а также автономия ЕС в принятии решений.

Чтобы отстаивать эти интересы, ЕС должен быть влиятельной силой, т.е. стать стратегическим актором, который сознательно и целенаправленно определяет долгосрочные цели, активно следует намеченному курсу и овладевает необходимыми средствами для достижения этих целей. То, какую именно силу ЕС использует, частично зависит от международного окружения. Отмеченное межполярностью, определяемой как «многополярность в век взаимозависимости»², это окружение таит в себе множество вы-

¹ Colin S. Gray, "The 21st Century Security Environment and the Future of War". *Parameters*, vol. 38:4 (2008), pp. 14-26.

² Giovanni Grevi, *The Interpolar World: A New Scenario*. Occasional Paper 79, Paris: EUISS, 2009, p. 9.

зовов, но в то же время предоставляет возможность ЕС отстаивать характерную Большую стратегию. Эта стратегия отличается в том смысле, что делает акцент на целостном подходе, применяя полный спектр инструментов, начиная от партнерства и многосторонних институтов, заканчивая осуществлением политики предотвращения и стабилизации. Несмотря на Большую стратегию, проводимую, например, США, ЕС склоняется скорее к управляемой на основе принятых правил многосторонности; он глобально продвигает свои ценности, однако не пытается навязывать их силой.

Тот подход, который продвигал ЕС, вполне соответствует этой Большой стратегии, но практика внесла в него множество ограничений и поправок. В особенности это касается других глобальных акторов, к которым ЕС применяет стратегию «позитивной условности», т.е. предложения определенных выгод в обмен на взаимодействие в сфере безопасности и экономики, социальные и политические реформы, что в результате оказалось скорее безуспешным. Цена независимости оказывается слишком велика, а масштаб – слишком обширным для ЕС, чтобы иметь какой-то эквивалент на другой чаше весов. С другой стороны, слишком напыщенное поведение без каких бы то ни было действий, лишь подрывает *soft power* Европейского Союза.

Необходимость по-настоящему стратегического партнерства

В мире, который с каждым днем становится все более многополярным и взаимозависимым, – а лучше сказать межполярным, – ЕС не может продолжать апеллировать к влиянию в глобальном мире без наличия внятной стратегии. Более того, ЕС создал новые инструменты для сотрудничества с другими глобальными акторами: стратегическое партнерство. Однако актуальная стратегия в этой сфере по-прежнему не ясна.

Первая и главная проблема – это недостаточное понимание концепции стратегического партнерства. Никто не пытался дать ей внятного определения, и поэтому она рассматривалась и интерпретировалась совершенно разным образом различными акторами в самом ЕС, и почти не рассматривалась вне ЕС.

Другая существенная проблема связана со странами, которые относятся к стратегическим партнерам. Здесь есть лишь несколько установленных критериев за исключением того, что сотрудничество может быть заключено с «третьими странами, международными или глобальными организациями, которые разделяют принципы [демократии, верховенства закона, универсальности и неделимости прав человека и основных свобод, уважение человеческого достоинства, принципов равенства и солидарности, а также уважение принципов Устава ООН и международного права]» (Лиссабонский договор, Статья 22) и что «статус стратегического партнера специально предназначен, чтобы страны могли совместно оказывать существенное влияние на глобальные процессы»¹.

В этом смысле, не считая контактов с США, Канадой и НАТО, ЕС заключил договоры или еще ведет переговоры с семью стратегическими государствами-партнерами (Бразилия, Китай, Индия, Япония, Мексика, Россия и Южная Африка), и одной международной организацией (Африканский Союз). Кажется достаточно очевидным, что не каждое из этих партнерств в равной степени стратегично. Большинство из этих стран являются безусловными региональными лидерами или, по крайней мере, значимыми игроками в одной из мировых глобальных проблем. Это делает из стратегическими в рамках одного региона или одной проблемы. Но достаточное ли это условие, чтобы рассматривать их в качестве стратегического партнера? Может ли Мексика или Южная Африка быть поставлена на один уровень с Китаем, Россией и Соединенными Штатами?

Опасность заключается в возможности чрезмерного растягивания понятия, что может привести к слиянию представлений о важных отношениях и стратегических отношениях. Такое растягивание терминологии создает неловкое положение в самом ЕС, а также для его партнеров и в их попытках распознать реальные амбиции Европы. В этом смысле нам прекрасно удастся запутать наших партнеров и стать для них еще менее стратегическим союзником. Итак, как мы можем сделать отношения ЕС стратегическими? По-настоящему стратегическое обращение к партнерству

¹ "Towards an EU-Mexico Strategic Partnership", COM (2008) 447, Brussels, 15 July 2008.

должно начинаться с всесторонней оценки интересов ЕС во всех регионах земного шара и ясного обоснования преследуемых там целей. Столь же уместно назначение приоритетных действий для преодоления глобальных вызовов, жизненно важных для Союза. По многим из этих пунктов – климат, миграция, энергия – ЕС уже разработал определенную политику, но и она должна быть встроена в более широкую структуру внешней политики.

Не столько сами цели, сколько стратегическое партнерство являются инструментом осуществления «эффективной многосторонней политики». ЕС мог бы найти общие интересы с каждым из своих стратегических партнеров с тем, чтобы создать в приоритетных зонах осуществления своей политики эффективное практическое сотрудничество с теми стратегическими партнерами, которые разделяют интересы ЕС в конкретной области с целью установления новых форм сотрудничества и связывания их с постоянно действующими многосторонними институтами. Столь прагматический подход к выстраиванию коалиции и практическому взаимодействию может со временем распространиться на более обширные пространства, уже включая распространение ценностей. Если, например, маловероятно, что мы увидим Китай на передовой продвижения демократии, то куда более реалистично, что эта страна увидит свои интересы в продвижении верховенства закона. Чем постоянно задаваться вопросом, с каким государством или организацией заключать договор о стратегическом партнерстве, ЕС следует пристальнее рассмотреть уже существующие связи и вовлекать акторов в конструктивное сотрудничество в тех сферах, где их государственные интересы уже совпадают с интересами ЕС. В результате, вполне вероятно, что могут появиться два типа партнерств: те, с которыми ЕС устанавливает всестороннее сотрудничество во множестве областей – к таким относятся Россия, Китай и Индия, если они сами дадут добро на такое сотрудничество – и, конечно же, США; и те, с которыми сотрудничество может происходить лишь в определенных сферах или конкретных регионах.

Чтобы указанное стратегическое партнерство заработало, ЕС должен говорить одним голосом – другие глобальные акторы уже слишком опытные в натравливании одних государств ЕС на других. «Разделяй и властвуй» – это вовсе не та стратегия, которая может по-

служить европейским интересам... Как минимум государствам-членам следует подписаться под правилами прозрачности и в автоматическом режиме информировать ЕС о всех важных двусторонних договоренностях со стратегическими партнерами для того, чтобы хотя бы открыть возможность дебатов в рамках институтов ЕС и снизить риск столкновения потенциально конфликтных интересов. В идеале стратегические партнерства могли бы обращаться к ЕС как к уникальному посреднику в ряде ключевых вопросов, ограничивая, поэтому, поле для маневра отдельных государств-членов. С реализацией Лиссабонского договора больше функций может быть передано Европейской службе внешнеполитической деятельности в централизации и координации множества стратегических партнерств, связывании их в целостную и непротиворечивую внешнюю политику. Однако без самой стратегии стратегические партнерства вскоре станут неуместными. Но вкупе с целостной стратегией они потенциально могут стать очень эффективными инструментами общей европейской внешней политики.

Необходимость реформирования многостороннего подхода

Двусторонних стратегических партнерств будет явно недостаточно для формирования будущего глобального порядка, однако и многосторонняя архитектура как таковая должна быть реформирована. Если мир необратимо становится многополярным – или даже межполярным, – то все еще не ясно, приведет ли многополярность к большему сотрудничеству или соперничеству. История учит нас, что появление новых сил на мировой арене бросает вызов, брошенный новыми мировыми силами старому порядку, может привести к реализации различных сценариев, зависящих от способности игроков приспособиться друг к другу и своему окружению. Из истории нам также нужно усвоить, что межполярность по своей природе не ведет к сотрудничеству, что наглядно иллюстрирует соперничество между великими державами XIX века в мире, который к тому моменту уже был многополярным и взаимозависимым (даже более взаимозависимым, чем сейчас, если мы обратим внимание лишь на

некоторые показатели, такие как отношение торговли к ВВП или потоки капитала)¹.

Приверженность ЕС кооперативной форме многополярности широко известна из-за того, что он продвигает международный порядок, основанный на систематической и правовой многосторонности, которая на брюссельском жаргоне звучит как «эффективная многосторонность». Подобное предпочтение вполне вписывается в долгосрочную стратегию содействию миру и многосторонней кооперации, основанной на твердом историческом убеждении, что многосторонность – лучший путь к миру. Очевидно также, что глобальная реформа многосторонности – в интересах ЕС, который «ничего не приобретет и все потеряет, если и дальше будет идти на поводу у более решительных держав, пытаясь лавировать в сопернической игре других значительных сил»². Но реформы многосторонности представляют собой общий интерес, поскольку от мира, управляемого нестабильными политическими играми, каждый из нас понесет много потерь, более того, в конечном итоге пострадает вся система, если решения ключевых глобальных проблем, таких как изменение климата и ядерного распространения, зайдут в тупик.

Как отмечается в Европейском социальном опросе за 2003 г., «в мире глобальных угроз, глобальных рынков и глобальных медиа наша безопасность и процветание все больше зависит от эффективной многосторонней системы». Более того, «развитие сильного международного сообщества, исправное функционирование международных институтов и правового международного порядка – это наша цель. ... Нам нужны международные организации, режимы и договоры, которые могут быть эффективными в противостоянии угрозам международного мира и безопасности, и быть тем более готовыми к действию, когда эти правила рухнут»³.

¹ See Richard E. Baldwin, Philippe Martin, Two Waves of Globalisation: Superficial Similarities, Fundamental Differences. NBER Working Paper 6904, Cambridge: National Bureau of Economic Research, January 1999.

² Alvaro de Vasconcelos, "Multilateralising Multipolarity", in Giovanni Grevi and Alvaro de Vasconcelos (ed.), Partnerships for Effective Multilateralism: EU Relations with Brazil, China, India and Russia. Chaillot Paper 109, Paris: EU Institute for Security Studies, May 2008, p. 24.

³ A Secure Europe in a Better World – European Security Strategy, Brus-

Тем не менее, несмотря на то, что ЕС благоприятствует многостороннему подходу к международным отношениям, важно отметить, что не все формы многосторонности подходят для ЕС. Например, образование специального двустороннего или многостороннего альянса – особенно не включающего ЕС – может потенциально навредить Европе; например, G-2 между Китаем и Америкой будет медленно, но неизбежно клонить США в сторону Азии и все стремительнее делать Европу ненужной.

Более того, даже там, где мир наиболее пронизан нитями сотрудничества, он остается поразительно беспорядочным. О нашей современной эпохе можно сказать, что это век мульти-мультисторонности, определяемой как усиление асимметричного и динамического кооперационного процесса, в котором: 1) страны становятся членами множества взаимопересекающихся институтов, создающих новую мозаику многосторонних взаимодействий; 2) государства постоянно пересекаются на множестве форумов, и от этого увеличивается концентрация международных отношений; 3) формальные институты (например, ООН) с неформальными форумами (например G20) в движущихся и постоянно пересекающихся пропорциях¹. И все же в век мульти-мультисторонности сотрудничество между глобальными акторами остается условным и, конечно же, не автоматическим.

Таким образом, встает очевидный вопрос: как нам достичь столь эффективного многостороннего порядка? На такой вопрос, конечно, не может быть однозначного ответа, но наша интуиция подсказывает нам, что следовало бы начать с того, что у нас уже есть, с обращения к самым последним событиям, включая недавний переход G20 с министерского на уровень глав государств, что было воспринято развивающимися странами скорее как позитивный сигнал, дающий им повод рассматривать себя в качестве ключевых игроков в преодолении глобальных вызовов. Такое официальное признание было наиболее позитивно воспринято в Нью-Дели, Пекине и Бразилиа. Так или иначе, смещение G8 новой группой G20 также позитивно отразилось на ЕС, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых,

sels, 12 December 2003, p. 9.

¹ Thomas Renard, *A BRIC in the World: Emerging Powers, Europe, and the Coming Order*. Egmont Paper 31, Brussels: Egmont – The Royal Institute for International Relations, October 2009, p. 15.

Брюссель – официально 20-й член G20, в то время как был лишь 9-м в G8. Возможно, это лишь символический нюанс, но в обоих случаях ЕС имеет те же «права» и «обязанности», что и другие члены, за исключением права на отдельное место проведения домашних саммитов, что сказывалось на невозможности формирования повестки дня. Но в международной политике, риторике и выборе слов ЕС не столь невинен; поэтому, в некотором роде, G20 признает «восходящий» и «глобальный» статус ЕС в международных отношениях в той же мере, в какой признает статус Китая, Индии и Бразилии.

Во-вторых, ЕС может показать себя более целостно в G20, чем в G8, потому что опыт последних лет показал, что предсоевещательное сотрудничество было более плодотворным в рамках G20¹. После того, как уровень встреч был поднят до уровня глав государств и расширилась повестка дня, появился столь же видимый тренд на большее внутреннее сотрудничество на том основании, что более сильный европейский голос нуждается в форуме, где Европа представляет лишь одну пятую всех членов (в отличие от половины в G8). Действительно, в преддверии саммита в Питсбурге ЕС подал позитивный сигнал, когда выпустил коммюнике, в котором говорилось о «согласованных формулировках» для предстоящего Саммита, в котором содержатся заявления о развитии, изменении климата и энергетической безопасности, то есть набор тем, отражающий широкую повестку дня G20. Более сильный и сплоченный европейский фронт будет посылать позитивный сигнал нашим новым стратегическим партнерам.

Однако, пристально рассматривая роль ЕС в G20, по-прежнему открытыми остаются следующие вопросы:

1) Кто будет представлять ЕС на следующем Саммите в Торонто в июне? На самом деле, в Лиссабонском договоре не вполне ясно прописано, кто будет заменять президента Комиссии и осуществлять ротацию президентства. Может быть, то, что Ван Ромпей или Эштон сопровождали Жозе Мануэля Баррозо в Торонто – это своего рода сигнал.

¹ Skander Nasra, Dries Lesage, Jan Orbie, Thijs Van de Graaf, Mattias Vermeiren, The EU in the G8 System: Assessing EU Member States' Involvement. EUI Working Paper RSCAS 2009/45, San Domenico: European University Institute, September 2009.

2) Как нам связать новую группу G20 с эффективной многосторонностью? На самом деле, полномочие G20 было хорошей опцией, чтобы заставить развивающиеся державы почувствовать свою вовлеченность в борьбу с сегодняшними глобальными вызовами, но это лишь переходная фаза незаконченной и более широкой реформы всей глобальной многосторонней архитектуры. Если мы хотим, чтобы Россия, Китай, Индия или Бразилия следовали правилам ВТО, МВФ или ООН, нам нужно усилить (и, в конечном счете, их изменить) эти институты.

Как бы то ни было, такая реформа займет время, и придется принять множество трудных решений. Тем временем G20 может оставаться доверенным лицом для использующих ее формальных организаций при том условии, что они признают временный характер таких отношений и что G20 не заменяет, а дополняет Совет безопасности ООН.

Развитие G20 в качестве временного посредника для глобальных институтов – это необходимое исключение из «эффективной многосторонности», потому что в сегодняшнем межполярном мире большинство вопросов взаимопересекаются, отсюда и необходимость в увеличении кооперационных связей и координации между странами по всему миру. Благодаря своей композиции (все значительные страны представлены здесь) G20 представляет собой лучший из доступных форумов для обсуждения глобальных вызовов и путей их преодоления. Однако ЕС должен быть уверен, что решения, принятые в рамках G20, соответствуют мировым правилам, и будут претворяться в жизнь постоянно действующими международными организациями, например структурами ООН.

Заключение

«Ад – это другие люди» (“l’enfer c’est les autres”) писал Жан-Поль Сартр, подразумевая под этим, что мы отсчитываем свою собственную идентичность от восприятия и отношений с другими. Если бы Сартру пришлось столкнуться с современным ЕС, становящимся все менее и менее значимым в глазах значимых других, он мог бы прийти к заключению, что он невольно описал положение ЕС в международной системе...

Но будущее полно надежд, а не отчаяния. Чтобы найти свое место в мире, отличающимся подвижной асимметричностью многополярности и мульти-мультисторонности, ЕС должен начать действовать стратегически уже сейчас. И в самом деле, если ЕС и правда хочет прекратить существование в качестве глобального актора, чтобы стать глобальной державой, ему необходима глобальная стратегия. Ему нужна Большая стратегия.

Эта стратегия неизбежно будет обусловлена глобальным окружением (межполярностью), ей не следует быть всецело зависимой от этого окружения, то есть наша стратегия должна преследовать формирование глобального окружения в той мере, в которой это окружение влияет на нас, и в то же время не попасть в ловушку реактивной по своему характеру политики, которая до сих пор определяет внешнюю политику ЕС. По словам бригадного генерала Джо Колмонт, «пока ЕС играет в пинг-понг, другие играют в шахматы». В качестве Ван Ромпея и Эштон Европа предложила нового Короля и нового Ферзя. Так давайте же сыграем эту партию!

Перевод с английского *Дмитрия Сосновского*

Желтов В.В., Желтов М.В.

К вопросу о методе геополитики в условиях многополярного мира

Применительно к геополитике, вслед за французским геополитиком Франсуа Тюалем, перефразируем формулу: «Нет фактов без теории, нет и теории без фактов» следующим образом: «Нет геополитики без метода, нети метода без геополитических фактов»¹.

С этой точки зрения первый принцип методологии геополитики заключается в том, что международные элементы рассматриваются как феномены. Это позволяет обратиться к феноменологии Э. Гуссерля².

Феноменология означает дескриптивный философский метод, открывающий возможность постигать именно сущность вещей, а не факты. Феноменология исследует и приводит в систему априорное в сознании, задавая тем самым основные понятия наукам.

Гуссерль исходит из того, что фундаментальным свойством сознания является интенционность, т.е. нацеленностью на что-либо. На основе феноменологии открывается возможность оценить возникновение феноменов для того, чтобы лучше их понимать. Правда, интенционность, как одно из основных мест философии Гуссерля, хорошо применима для анализа психических феноменов. И она характеризуется своей нацеленностью на что-либо.

Концепция интенционности - один из краеугольных камней феноменологии. При этом данная концепция оказывается плодотворной не только в психологии, она может использоваться и другими науками, в частности, геополитикой. И первоочередной момент геополитического метода заключается в том, чтобы рассматривать международные феномены как выражение намерений (интенций).

¹ Thual F. Méthodes de la géopolitique. Apprendre à déchiffrer l'actualité. P., 1996. P. 20.

² Гуссерль Эдмунд (1859 – 1938) – немецкий философ, основоположник феноменологической философии.

Геополитик призван отыскивать реальные намерения правителей, например. Обратим внимание на то, что указанные намерения существуют поверх очевидностей и международных факторов.

Такая постановка вопроса является правомерной: геополитика изучает поведение государств или организованных групп. И это поведение проявляется в действиях, как мы сказали, – государств или организованных групп. Изучение конечных целей поведения, т.е. намерений является той красной нитью, опираясь на которую можно осмысливать кризисы и конфликты, что дает возможность лучше понимать причины их возникновения и их побудителей.

Нужно сказать, что геополитика, будучи синтетической наукой, использует при проведении анализов возможности различных наук, опираясь на свои методы осмысления всех политических феноменов, всегда связанных с определенным соотношением сил, действующих в данное время и в данном пространстве.

Это позволяет геополитике не только оценивать, но и понимать поведение государств и народов, осмысливать, например, современный мир, сложившийся в итоге крушения СССР и мировой системы социализма, а также изменяющийся под нарастающим влиянием процессов глобализации. Геополитика позволяет также срывать покровы таинственности и мистики с событий, связанных с разного рода конфликтами, какими бы комплексными они ни были.

Не менее эффективными являются и возможности геополитики при осмыслении тех позиций, которые занимают в отношении важных геополитических проблем разные государственные и политические деятели¹.

Это так потому, что осмысление любого поведения, будь-то индивидуального или коллективного, связано с анализом намерений, которые, в свою очередь, соответствуют определенным пожеланиям, например, руководителей государств. В этом смысле геополитическое поведение может быть представлено двумя категориями.

Не вызывает сомнения тот факт, что геополитический подход можно свести к двум его выражениям:

- либо к воле по реализации амбиций;
- либо к воле по противостоянию определенной угрозе.

¹ Cf. Nazet M. La géopolitique pour tous. Préface de Hubert Védrine. P., 2010. P. 36.

Сопоставляя намерения государств и их поведение по линии амбиции-угрозы, геополитик получает возможность выявить намерения того или иного государства. Это в полной мере применимо для классификации дипломатических, военных или иных действий по линии амбиции-угрозы. Плодотворность такого подхода хорошо видна на примере анализа межвоенной ситуации 1930-х гг.

В 1939 г. геополитическая поляризация Европы была достаточно простой: существовал фашистский блок, имевший экспансионистские претензии. Германия стремилась ревизовать мирный договор 1919 г. и создать империю, основанную на идеологии нацизма и пан-германизма. Эта империя стремилась к гегемонии в Центральной и Западной Европе, а также распространении ее на весь славянский мир. Италия, геополитические амбиции которой были более скромными, чем у Германии, стремилась обеспечить свой контроль над Средиземноморьем, частью Центральной Европы и Балканами, а также укрепить свои позиции в Африке, не забывая об отторжении части территории Франции (Ницца, Корсика, Савойя).

Для того, чтобы реализовать свои амбиции фашистский блок и его союзники руководствовались, как уже отмечалось, стремлением в большинстве случаев пересмотреть границы, определенные Версальским договором. Немецкое руководство понимало, что Германии предстоит противостоять дипломатически, с одной стороны, либеральным демократиям (Франция, Великобритания), а с другой – СССР.

Во многом особой в этот период была позиция Франции: в 1939 г. впервые в своей истории, начиная с XVI в., Франция могла оказаться в окружении нацистской Германии, фашистской Италии и франкистской Испании. Каждая из этих стран представляла серьезную угрозу для Франции. Попад в окружение указанных стран, Франция оказалась бы в изоляции от своих союзников в Центральной Европе. В это же время Великобритания, как известно, предпринимала активные усилия для того, чтобы не участвовать в войне.

В концентрированном выражении указанная нами проблематика дала о себе знать в Мюнхене¹. Для того, чтобы понять смысл того,

¹ Речь идет о Мюнхенском соглашении 1938 г., заключенном 29 – 30 сентября 1938 г. премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом, премьер-министром Франции Э. Даладье, а также фашистскими диктаторами Германии – Гитлером и Италии – Муссолини. Соглашение

что произошло в Мюнхене, необходимо выявить и осмыслить геополитическое позиционирование акторов данного действия.

В Мюнхене Франция оказалась в одиночестве перед лицом фашистских государств. Действительно, ее союзник в лице Лондона не желал вступать в войну. СССР, который не был приглашен в Мюнхен, исходил из убеждения в том, что грядущая война будет войной между капиталистическими странами. А это в итоге может потом открыть путь для мировой революции.

Ключевой для понимания сути того, что произошло в Мюнхене, являлась, значит, позиция Великобритании. Политика этой страны в преддверии Второй мировой войны определялась тем, что страна стремилась прямо не вмешиваться в ситуацию, предпочитая идти на уступки экспансионизму Германии. Такая позиция определялась тем, что угроз для островной Великобритании было куда как меньше, чем для Франции, например. Для Великобритании принципиально более важным было стремление сохранить свою империю и, в частности Индию, как источник своих доходов и основу своего могущества. Правящие круги этой страны опасались, что новая война, если она состоится, приведет к крушению империи и утрате владения Индией. Именно поэтому правящие круги вели политику умиротворения Гитлера. Для них было важно сохранить главное, а это главное находилось не в Европе, а в Азии.

Краткое упоминание нами о событиях, предшествовавших Второй мировой войне, показывает, что дипломатические позиции, а также их военное продолжение, вписываются в то, что называется намерениями и что геополитика заинтересована, как и феноменология, выявить эти намерения.

Нужно сказать, что именно в этом заключена центральная диспозиция для проведения геополитического анализа. Речь в данном случае идет об осмыслении триединого феномена: поведение, намерения, желания.

предусматривало отторжение от Чехословакии и передачу Германии Судетской области, а также удовлетворение территориальных претензий к Чехословакии со стороны правительств Венгрии и Польши. Данное соглашение открыло путь для захвата Германией всей Чехословакии (1939) и способствовало развязыванию Второй мировой войны.

К такой схеме анализа могут, видимо, быть предъявлены претензии, связанные с тем, что происходит излишняя психологизация области геополитики. Но с подобной критикой, как справедливо отмечает Ф. Тюаль, нельзя согласиться.

Не вызывает никакого сомнения тот факт, что именно поведение государств, а, значит, поведение социальных групп как субъектов политики, является объектом геополитики. И она (геополитика) призвана выяснить «почему и как» образуются позиции данного государства. И учет влияния психологической составляющей позиций социальных акторов, значит, является не уступкой психологизму, а является реальной составляющей анализа движущих сил истории.

Перед лицом любого политического кризиса, возникающего в тот или иной момент на международной арене, геополитик задается вопросом: кто что хочет, почему и как? Что хочет страна, развязавшая войну? Кого она опасается? Каких выгод она стремится добиться?

Через посредство анализа дипломатического поведения и военного положения данной страны открывается возможность выявить реальную иерархизацию ее геополитических приоритетов.

Обычно любая страна имеет исторически сложившиеся, подчас, вполне определенные, в том числе и территориальные, амбиции. Это неизбежно приводит к появлению открытых или скрытых угроз в отношении других стран.

Какой же позицией следует руководствоваться геополитику, как, впрочем, и государственным деятелям, опираясь на возможности методов геополитики? Прежде всего, необходимо учитывать, что кризисы и геополитические конфигурации, связанные с ними, являются оригинальными. Каждому кризису присуща особая иерархизация детерминирующих факторов и причин.

Это означает, что не существует универсальной модели геополитического поведения. В каждом конкретном кризисе или конфликте политические, экономические, военные, идеологические или религиозные факторы являются вполне определенным. А потому изучение поведения государства, выяснение его подлинных намерений в каждом конкретном случае есть непростая интеллектуальная задача.

Особый, индивидуальный, скажем так, характер указанной интеллектуальной задачи определяется тем, что в любом кризисе иерархизация факторов всегда является специфически особенной.

Иначе говоря, геополитический метод, если он строится на основе учета реальных фактов, должен оценивать и осмысливать эти факты в рамках специфической проблематики именно данного кризиса или конфликта.

Данная констатация нам необходима для того, чтобы сделать вывод о том, что в геополитике не существует общего закона, действующего подобно тому, как это полагали, например, основатели рассматриваемой нами науки. Для ответственного ученого-геополитика существуют только факторы, определяющие ту или иную геополитическую ситуацию, тот или иной геополитический кризис. При этом данные факторы комбинируются каждый раз весьма специфическим образом, даже если в разных геополитических кризисах сами эти факторы являются неизменными.

Поясним. Любой геополитический кризис чаще всего характеризуется существованием вполне определенных амбиций и угроз, которые накладывают отпечаток на политику данного государства. И потому в основе геополитического подхода не может не учитываться существование двуединства угрозы-амбиции.

Излишне, видимо, говорить о том, что эти угрозы и амбиции проявляются различным образом в каждом из кризисов или конфликтов, возникающих в определенное время и в определенном месте.

Однако геополитика не является только интеллектуальным инструментом, который призван выявлять причины и характер возникшего в данный момент кризиса, конфликта или войны. Как мы уже отмечали, геополитический метод основывается на идентификации и анализе намерений, а также поведения, например, государств на международной арене. Именно в этом геополитический метод проявляет себя особенно плодотворно. Это так потому, что выявление намерений государств и соответствующих им человеческих групп, в том числе и политических руководителей, в исторической ретроспективе осуществляется в рамках значительных временных промежутков, в том числе и охватывающих несколько столетий.

Именно рассмотрение намерений и поведения в длительной ретроспективе, а вместе с ними и рассмотрение амбиций и угроз для данного государства, например, лежат в основе геополитических рассуждений.

В отличие, например, от истории дипломатии, которая основывается на исследовании конъюнктуры, концентрируя свое внимание на текущем моменте, геополитика, вписывая результаты своих исследований в длительную ретроспективу, открывает новое пространство осмысления феноменов. Эта вписанность в длительные временные интервалы образует костяк, или, говоря иначе, – несущую конструкцию геополитического метода. Данный метод позволяет изменить поле знания и перейти, опираясь на историю, но не сводя проблему к ее (истории) предметной области, к геополитическому методу.

Третий аспект геополитического размышления, вслед за идентификацией поведения, его вписанности в длительную историческую ретроспективу, заключается в неразрывной связи с пространством.

Геополитика, как известно, состоит из двух слов – гео (земля) и политика. Это означает, что геополитика не является социологией государств или психоанализом международных отношений. Она осмысливает амбиции и угрозы в контексте пространства. Вписанность во времени, что придает геополитике интеллектуальную эффективность, добавляется ко всему тому, что связано с пространственной укорененностью геополитики. Выявить амбиции государства в длительной исторической ретроспективе означает, что на протяжении X или Y лет данное государство стремилось обладать тем или иным регионом, установить контроль над той или иной рекой, захватить тот или иной остров. На вопросы: «Кто что хочет?», «Как?» и «С кем?», которые предопределяют проблему союзов, необходимо добавить еще и место. Пространственная или территориальная вписанность устремлений государств образует третью отрасль методологического треугольника геополитики.

Характеризуя метод геополитики, необходимо учитывать ряд этапов, которые он проходит в своей практической реализации.

Рассмотрение событий, которые ежедневно изменяют панораму международной ситуации, в качестве симптомов или индексов данной международной ситуации, представляет собой первый этап геополитического метода. То, что исследуется геополитикой, представляет собой вовсе не изучение патологии заболевания, в отличие, например, от врачебного метода, не анализ преступления, в отличие от метода, используемого полицией, а выявление намерения, т.е. ие-

пархизированной сети позиций, которые подчиняются логике реализации амбиций, а также смягчения или преодоления существующих угроз.

После выявления поля поведения и его мотиваций второй этап геополитического метода заключается в выяснении исторической продолжительности (или нет) этого поведения.

Для геополитики важно, с какого времени существует та или иная политическая амбиция, а также и связанные с ней угрозы. Речь в данном случае не идет только об учете всего того, что связано с дипломатией. Важнее другое. Необходимо осуществить селекцию сопадающих элементов поведения в историческом развитии.

Историческое развитие неизбежно формирует геополитические представления данной нации, а вместе с ними и объяснения ее проблем и препятствий для их разрешения. Эти представления неразрывно связаны с географическими данными этой конкретной страны, в которых находят свое отражение различные этапы исторического развития страны.

Понятно, что история одних стран насчитывает тысячелетия (например, Китай или Египет), тогда как есть немало стран, историческое существование которых было весьма кратким. Есть и такие страны, которые стали фактом истории.

Геополитический смысл несут в себе те события, которые связаны с созданием страны. Пример тому – 4 июля 1776 г., знаменующее собой факт возникновения США, или 15 августа 1947 г. – дата провозглашения независимости Индии. Думается, войдут надолго в историю нашей страны августовские события 1991 г., открывшие новый период существования России.

Геополитический анализ предполагает оценку последствий тех или иных событий в истории страны. Так, события 1990-х гг. на пространствах бывшей Югославии, отмеченные, в том числе и военным противостоянием бывших республик данной страны, несомненно, были вызваны к жизни определенными причинами (среди которых назовем лишь факт искусственного создания данной страны). Но, что особенно важно, указанные события наложили неизгладимый отпечаток на современную историю народов бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославия и настроения людей.

Немалое число конфликтов в странах Азии и Африки, как известно, имеют в своей основе проблемы территориальной конфигурации, в частности, границ, которые, в одних случаях, искусственно объединяют разные народы, а в других, наоборот, их разделяют столь же искусственно. Если к этому еще добавить различия в вероисповедании, то не вызывает сомнения факт геополитического характера конфликтов, о которых идет речь.

Нужно, видимо, сказать и о том, что острой геополитической проблемой некоторых народов является проблемой обретения территории и государственности, как это имеет место быть в случае курдов и палестинцев. Впрочем, не менее остра, например, проблема сохранения Израилем своей государственности, что оспаривается некоторыми арабскими лидерами¹.

Наконец, геополитический итог кризиса, союза или войны должен выводиться на основе учета территориальной реальности поведения в длительной ретроспективе. Речь идет о том, чтобы выяснить, какой выигрыш стремится получить данная страна, проводя ту или иную политику, осознанно обостряя, к примеру, отношения с той или иной страной. В таком подходе выясняются, как правило, такие вопросы: какой регион или какой город стремится подчинить себе данная страна? На какую реку или иной водный бассейн претендует данная страна? Каким стратегическим ресурсом (нефть, лес или иные полезные ископаемые) стремится завладеть данная страна или коалиция стран? Какие стратегические выигрыши с позиции безопасности стремится получить данное государство?

Приведенные нами основные элементы анализа не охватывают, конечно, всего многообразия факторов и обстоятельств, которые необходимо учитывать при проведении геополитического анализа. Однако, как считают ученые-геополитики, названные нами три ключевых элемента, открывают возможность для геополитического осмысления реальностей современного мира. Ответив на эти три группы проблем, геополитика может делать определенные выводы. При этом нужно иметь ввиду, что сами эти выводы геополитического анализа, в свою очередь, становятся создателями и носителями значений и смыслов.

¹ Cf. Nazet M. Op. cit. P. 40 – 42.

Как отмечал Жорж Гурвич¹, «наука коренится в скрытом»². Применительно к геополитике это означает, что поверх очевидности, политических и дипломатических рассуждений, необходимо уметь анализировать реальность амбиций и намерений государств. Кризисы и конфликты являются полем сил, где происходит столкновение намерений, которые могут получать свое выражение в военных действиях или в иных формах противостояний. И эти намерения, а тем более военное противоборство, чаще всего, связаны с определенным пространством, территорией.

Нужно сказать, что за любыми конкретными событиями геополитика призвана выявлять причины этих событий, а также цели, которые преследуют инициаторы конфликта. Это должно получать выражение в некоем синтаксисе событий. И в этом синтаксисе как бы соединяются воедино историческое наследие и географическая фатальность.

Стремясь выйти за пределы вуали событий, геополитический разум как бы создает заново скелет ставок, который определяет эти события. Целью геополитического метода является изучение того, как избежать событий, которые, как правило, широко освещаются в СМИ с тем, чтобы найти им объяснение. Обретение геополитического разума является ничем иным, как стремлением научиться понимать кризисы иначе, чем их трактовка через разного рода сенсации или ужасы, чем нередко грешит пресса.

¹ Гурвич Жорж (Георгий Давидович) (1894 – 1965) – российский и французский социолог и философ. В 1917 – 1918 гг. преподавал в Петроградском университете. В 1918 г. был назначен профессором Томского университета. В 1920 г. эмигрировал. В 1921 – 1925 гг. читал лекции в Пражском университете. Одно время работал в Германии, потом переехал во Францию. Во время Второй мировой войны преподавал в Гарвардском и Колумбийском университетах США. С 1949 г. и до конца жизни возглавлял кафедру социологии в Сорбонне, основанную Эмилем Дюркгеймом.

² Cf. Thual F. Op. cit. P. 24.

Иммануил Валлерстайн

Наступление многополярности

Ранее, в 2003 г. разговоры об упадке США могли показаться абсурдными. Но сейчас, похоже, подобное мнение стало общей тенденцией среди теоретиков, политиков и СМИ. Что существенно повлияло на рост осознания этой концепции, это, конечно же, фиаско превентивного вторжения США в Ирак. Что еще не достаточно оценено, так это точная природа этого упадка и когда именно он начался.

Большинство аналитиков утверждает, что США были на вершине своей гегемонии после 1991 г., когда мир стал однополярным, что противопоставлялось биполярной структуре времен Холодной войны. Но это понятие в действительности имеет совершенно другой смысл. США были единственной сверхдержавой с 1945 г. примерно до 1970 г. С тех пор их гегемония стала клониться к упадку. Распад СССР был наиболее сильным ударом по могуществу США в мире. А вторжение в Ирак в 2003 г. изменило ситуацию с тенденции постепенного упадка к резкому коллапсу. К 2007 г. США потеряли свою убедительность не только в качестве экономического и политического лидера мир-системы, но также и в лице основной военной силы.

Я отдаю себе отчет, что это не является стандартной точкой зрения в масс-медиа и научной литературе, однако я хотел бы объяснить это подробнее. Я разделяю это на три периода: 1945-1970 гг., 1970-2001 гг. и с 2001 г. по настоящее время. Они связаны с периодом американской гегемонии, далее постепенным упадком США, давшим возможность появлению блуждающей многополярности, и затем резкому упадку и эффективной многополярности в период инаугурации Дж. Буша на пост президента США.

Неоспоримая гегемония

США были увеличивающей влияние силой с 1870 г, когда они включились в соперничество с Германией, претендуя на преемственность власти-гегемона ослабевающей Британской Империи.

Мировые войны нужно рассматривать как непрерывную 30-летнюю войну, в которой принципиальными протагонистами были США и Германия. С этой точки зрения безоговорочная капитуляция Германии в 1945 г. являлась очевидной победой США. Необходимая военная помощь СССР более не имела значения, также как и в случае 1815 г., когда Великобритания просила о военной помощи у России для достижения своей недвусмысленной победы над Францией и своего гегемонистского положения.

Эта 30-летняя война была слишком разрушительной для инфраструктуры ее участников. В 1945 г. США были единственной основной промышленной силой, которая не пострадала от прямых атак на свое техническое оборудование. В 1945 г. США были наиболее продуктивным и эффективным производителем в мировой экономике, учитывая, что были еще и вне конкуренции со всеми остальными странами даже на своем внутреннем рынке.

В экономике США установили неоспоримую гегемонию. Она создала определенные типы международных структур, которые самым лучшим образом работали на ее нужды, включая политическую зависимость от США Западной Европы и Японии. В то время как вооруженные силы были частично сокращены, США имели ядерную монополию и ВВС, с помощью которых они могли доставить эти ядерные бомбы в любую точку мира. В то же время Нью-Йорк стал культурной столицей мира в сфере практически всей артистической деятельности и литературы, сместив Париж.

Конечно, Советский Союз бросал вызов США, он имел очень мощную военную структуру и хотел быть таким же равноценным США, распространяя свое влияние на другие страны. С другой стороны, имея столь разрушительные последствия Второй мировой войны, СССР не хотел идти на военную конфронтацию с США. Так что эти страны заключили соглашение, которые символически названы ялтинскими. Соглашение имело три пункта. Во-первых, мир разделялся на два лагеря, границы которого были определены местоположением армий в 1945 г.: СССР контролировал одну треть мира, а США две трети. Договоренность также заключалась в том, что обе силы сохраняют военное статус-кво, а границы останутся неизменными.

Второй пункт относился к экономике. США было необходимо помочь перестроить значительные зоны мир-экономики, чтобы обеспечить политическую лояльность государств и создать рынки для экспорта. Но США не видели выгоды в реконструкции СССР или его новых союзников в Восточной и Центральной Европе. Так что страны согласились, что два блока в экономическом плане будут содержать себя сами. СССР создал Совет экономической взаимопомощи для обеспечения своей зоны, тогда как США заключили многочисленные экономические и финансовые соглашения со своими союзниками.

Третье. Обе стороны создали сильные и постоянные военные союзы. США полагались на НАТО и оборонный договор с Японией, а СССР создал Варшавский договор. Целью этих военных альянсов являлось скорее не их применение друг против друга, а возможность ответных действий в случае необходимости. Это также обеспечивало общую субординацию их так называемых союзников по отношению к политическим решениям Москвы или Вашингтона. Также неотъемлемой частью этого третьего пункта было то, что обе сторо-

ны могли устраивать довольно громкие перебранки, не переходя к реальным действиям друг против друга, гарантируя, что союзники не будут уклоняться от генеральной линии.

Эта сделка была довольно прочной во времена Холодной войны, и между СССР и США не было военных действий. Конечно же, были мини-кризисы – блокада Берлина, Корейская война, Второй кризис Тайваньского пролива, Венгрия в 1956 г., Кубинский кризис, Чехословакия в 1968 г. и Афганистан в 1980 г. Но все они заканчивались тем же статус-кво. И действительно, границы двух блоков оставались без изменений до 1989 г. Стрельба, конечно же, никогда не прекращалась, хотя она могла быть усилена или смягчена в зависимости от обстоятельств. И в конце концов это была лишь только стрельба. Таким же образом две экономические зоны были отделены друг от друга до 1970-х гг., после чего началось медленное вхождение «социалистического» блока в торговые и финансовые потоки капиталистической мир-экономики.

Мы можем назвать этот период с 1945 по 1970 гг. эрой неоспоримой гегемонии США, так как США могли получить 95% того, чего они хотели в течении 95% этого времени по всем жизненно важным вопросам. Однако в этой работе было две существенных ошибки. Первая состояла в том, что США настолько преуспели, помогая Западной Европе и Японии в их восстановлении, что к середине 1960-х гг. эти страны достигли реального экономического паритета с США, что подтверждалось двумя простыми фактами. Во-первых, в 1960-е гг. американская продукция больше уже не могла конкурировать с европейской и японской. В действительности, произошла смена позиций. Западноевропейские и японские производители начинали проникать на американский рынок. Во-вторых, остальной мир стал ареной прямого соперничества между производителями со всех трех зон Богатого Севера. США больше не имели каких-либо особенных преимуществ перед своими союзниками, и это развитие имело значительные политические последствия.

Вторая потенциальная ошибка заключалась в подходе к развивающемуся миру. Сделка СССР и США была выгодна обеим сторонам, но она была менее благодатна для стран развивающегося мира. В результате более вооруженные движения этого мира всего лишь отстаивали свои интересы. И к концу этого первого периода стало ясно,

что ни США, ни Советский Союз не замедляли рост национально-освободительных движений в развивающемся мире.

Мировые революции 1968 г. ознаменовали решительный сдвиг мир-системы как для мощи СССР, так и США. Множество революций произошло между 1966 и 1970 гг. и они имели две характеристики. С одной стороны, они денонсировали гегемонию США так же, как и советское согласие с этой гегемонией, которым и являлась ялтинская сделка. Но они также денонсировали традиционные анти-системные движения, которые стали называться Старыми Левыми.

Старые Левые состояли из трех компонентов – коммунистических партий, социал-демократических партий и национально-освободительных движений. Все эти три компонента следовали стратегии двух шагов: вначале захватить государственную власть, а затем изменить мир. В период с 1945 по 1968 гг. эта стратегия подверглась суровому испытанию. В это время неоспоримой гегемонии США все три варианта антисистемных движений, составлявших Старых Левых, двигались вверх к государственной власти практически во всех странах. В СССР Компартия была правящей, во всей Европе тоже у власти были социал-демократы, в Британии победили лейбористы, а в США – новое соглашение демократов. Безусловно, это была «альтернативная» сила, но она заменяла консервативные партии, и все они связывали свою деятельность с ключевым понятием социал-демократической политики: государством благосостояния.

Революционеры 1968 г. сконцентрировались на втором шаге – изменении мира – и они думали, что Старые Левые хотят того же. Те, кто восстал в 1968 г., денонсировали Старых Левых как часть проблемы, которую они пытались решить. Такой подход привел к разочарованию в концепции девелопментализма, которая утверждалась в качестве универсального средства на пути к равенству. Язык был разным в США, СССР и странах развивающегося мира, но сущность была одинаковой. Девелопментализм был тезисом, согласно которому все государства могли «развиваться» и иметь высокий уровень жизни при условии, что будут институционализированы соответствующие государственные действия, которые позволят запустить процесс развития. И особые рекомендации США и Советского Союза в принципе, не были различными: укрепление городского сектора, распространение образования, применение благоразумного протек-

ционизма, механизация производства и взятие за основу паттернов государства-лидера. Проблема была в том, что это предписание не работало.

Постепенный упадок

Власть имущим в США стало предельно ясно, что ситуация после 70-х гг. стала другой, и лидерство было подкорректировано. Основной целью всех президентских режимов от Никсона до Клинтона было замедление структурного упадка мощи США и их авторитета в мир-системе. Они разработали программу для достижения этой цели, которая трижды продлевалась.

Первым шагом для США было удерживание Западной Европы и Японии от ощущения того, что их экономическое укрепление позволит им усомниться в «лидерстве» США и заняться проведением курса в мировой политике, отличным от США. Решение состояло в том, что США предложили Западной Европе и Японии быть уже не сателлитами, а партнерами в деле внедрения общей мировой политики. Это партнерство было институционализировано в различных формах – Трехсторонней комиссии, Большой Семерке, Мировом экономическом форуме в Давосе – и сегодня продолжается в том, что мы ретроспективно называем «многосторонностью». Эта стратегия работала до определенной степени: европейцы и даже японцы заблуждались, но не до такой степени. В Европе построили газопровод с СССР против воли США, кроме того, там решили создать европейские силы обороны. Но под давлением США они определили эти силы как элемент в структуре НАТО. В основном, говоря о времени до 2000 г., нельзя сказать, что Европа и Япония разорвали отношения с США хоть по какому-либо фундаментальному вопросу.

Вторая корректировка являлась военной. Монополия США в ядерном оружии была оспорена сначала СССР, а затем Францией и Китаем. Пять постоянных членов Совета Безопасности ООН в 1970 г. обладали ядерным оружием, но США и СССР определяли это оружие в качестве «баланса запугивания» (говорилось, что оно не будет применяться кроме оборонительных целей). Однако эти пять сил были не единственными, кто обладал ядерными программами, были и другие страны, которые к 1970 г. шли по этому пути. США чет-

ко видели, что распространение ядерного оружия может представлять серьезную угрозу их военному могуществу, т.к. всего несколько ядерных зарядов в руках у средней страны было бы достаточно для включения этой страны в «баланс запугивания» и подрыва военных возможностей США.

Попытки США остановить ядерное распространение были частично успешными. Три страны отказались подписать договор о нераспространении – Индия, Пакистан и Израиль и, конечно же, все три обзавелись им. Но было и много успешных действий – как минимум Бразилия, Аргентина, Швеция, Египет, Южная Корея, Тайвань, а возможно и Германия с Японией, закрыли свои программы. К 2000 г. США расширили свою программу нераспространения.

Третья сфера была экономической. Около 1970 г. мир-экономика вступила в длинную фазу, во время которой уровень прибыли от производительной деятельности падал, безработица росла, а глобальная поляризация усиливалась. Легкая прибыль *trentes glorieuses* (как французы называли предыдущий период) закончилась. Среди Триады (как называли США, Западную Европу и Японию) с 1970 г. началась конкуренция, так как все три хотели минимизировать убытки для своих экономических зон. Они вовлеклись в процесс экспорта безработицы в другие страны и стали извлекать прибыль не из производства, а из финансовых спекуляций.

Помимо этого, США, Европа и Япония не могли более позволить себе поддержку «девелопментализма». Они нуждались в обеспечении огромного потока капитала из Третьего мира в Богатый Север. В результате родилась новая идеология – неолиберализм, справедливо названная «глобализацией». Установленная норма предполагала, что не существует никакой альтернативы, кроме открытия границ развивающегося мира для экспорта с Севера и свободного потока капитала обратно на Север.

Так как экономический упадок 1970-х гг. повлиял на баланс платежей государств Юга, вынудив их искать займы на мировом рынке, МВФ направился туда со своими займами и программой под названием «структурное регулирование», которые соответствовали новой идеологии Вашингтонского Консенсуса. Чтобы этого достичь, нужен был завершающий штрих – ново созданная Всемирная Торговая Организация, запрограммированная на серию действий, которые ли-

шали страны Юга права на сохранение за собой этих новых практик – все во имя продвижения свободной торговли. И эта политика была довольно успешной. США получили множество экономических преимуществ в 90-е годы. Одна страна за другой, не только в развивающемся мире, но также и в социалистическом блоке, поддавалась этому давлению. Язык девелопментализма улетучился и был заменен жаргоном глобализации – в СМИ, академическом дискурсе и, помимо всего, среди политиков бывших левоцентристских партий.

Конечно же, в этот период были и проблемы – например, распад Советского Союза и тот факт, что неолиберализм не оплачивал счета стран Юга. Распад СССР был неожиданным и, по правде говоря, нежелательным для США. Устранение СССР как структуры означало потерю символического оппонента, что обеспечивало единство политического альянса под руководством США. Более не было гипотетического врага, против которого объединялись страны союзники и население внутри них. Кроме того, исчезновение СССР означало конец многолетнего партнерства, основанного на сговоре двух стран – более не было противника в лице большого брата, чтобы придерживать (или, как минимум, пытаться придерживать) под контролем союзников из Третьего мира.

Не имея возможности остановить распад Советского Союза, США извлекли максимальную выгоду из этого события, провозгласив «победу» в Холодной войне. Но с геополитической точки зрения, это была бесполезная победа. Первым видимым последствием было вторжение Саддама Хусейна в Кувейт. Без СССР, который мог бы вернуть его на твердую землю, обосновывая, что он нарушает «баланс запугивания» между СССР и США, у Хусейна не было весомых причин не нападать.

Конечно, как только Ирак вторгся в Кувейт, это имплицитно укрепило Саудовскую Аравию, а США почувствовали, что пора действовать. По факту, они отреагировали довольно быстро, собрав огромную военную коалицию с четырьмя странами (Германия, Япония, Саудовская Аравия и Кувейт), которые обеспечивали приличное финансирование операции, сведя затраты США к минимуму. Хусейн и его режим выжил, что явилось напоминанием о пределах реального могущества США.

В то же время демонтированный «социалистический» блок, так же как и множество бывших развивающихся государств в Азии, Африке и Латинской Америке столкнулись с глобализацией и связанными с нею реформами. Однако, цели, якобы предполагаемые глобализацией, не были достигнуты в универсальном масштабе. Кроме того, она длилась только до тех пор, пока граждане развивающегося мира не осознали, что неолиберализм настолько же ошибочен как и девелопментализм, если исходить из тех показателей всемирного равенства, которых достиг неолиберализм.

К середине 90-х гг. волна начала возвращаться. 1 января 1994 г., когда в силу вступило Генеральное соглашение по тарифам и торговле, сапатисты возглавили восстание в Чиapas, беднейшем регионе Мексики. Они требовали эффективной автономии для индейского народонаселения региона и предполагали привлечь к своей борьбе всех за равенство в области социальной жизни. Они добились поддержки со всего мира, которое превратило их в икону для народа Бедного Юга.

За этим событием последовала конфронтация в Сиэтле в 1999 г. во время конференции ВТО, где присутствовали люди со всего мира, но в основном из США, и они довольно эффективно остановили работу конференции. Наиболее неожиданным аспектом этой демонстрации было то, что в ее процессе шло объединение трех различных групп, которые до этого были значительно дистанцированы друг от друга – это профсоюзы, экологи и анархисты.

Действительно, акция в Сиэтле имела такой политический успех, что за ней последовала серия подобных демонстраций по всему миру, где бы и когда бы ни проходили встречи пикетируемых организаций. А эти организации в качестве ответных мер стали подбирать для своих встреч страны, для въезда в которую нужна сложная визовая процедура, чреватая отказом, или места, куда довольно сложно попасть.

Эра одностороннего бахвальства

В 2001 г. Джордж Буш стал президентом США, окруженный советниками и политиками из неоконсервативных кругов. Анализ этих персон показал, что США и впрямь находятся в упадке. Однако, по

их мнению, это было связано не со структурным давлением изнутри мир-системы, а с неадекватным лидерством предыдущих президентских администраций от Никсона до Клинтона (включая Рейгана). Их гипотеза предполагала, что одностороннее вторжение в Ирак окончательно продемонстрирует военную мощь США, тщетность политической независимости для Японии и Западной Европы, угрожающее предупреждение для любых государств-изгоев помышлять о приобретении ядерного оружия, а также настойчивый сигнал умеренным арабским режимам поддержать полномочия Израиля в вопросе вечного палестино-израильского диспута. Короче говоря, они верили, что этот механизм будет рабочим.

Террористические атаки Аль-Каеды 11 сентября 2001 г. предоставили необходимые обоснования для запуска этой программы. Президент Джордж Буш взял на себя обязанности президента в военное время и, несмотря на оппозицию со стороны традиционных союзников и сопротивление со стороны военных и разведывательных кругов, объявил о вторжении в Ирак. Через несколько недель после начала операции Буш объявил о победе. Однако война только начиналась и ситуация довольно быстро ухудшилась как в военном, так и в политическом отношении. К 2007 г. для большинства людей, включая граждан США, стало ясно, что война проиграна.

Весь анализ неоконсерваторов оказался неверным. Достичь победы в войне было нелегко. Союзники не были запуганы и не отказались от стремления к независимости. Северная Корея и Иран ускорили свои ядерные программы, полагая, что причиной столь легкого вторжения для США было отсутствие у Ирака ядерного оружия. Арабские режимы радикально не изменили свою позицию по отношению к Израилю. Короче говоря, все предприятие потерпело фиаско.

Но наиболее важными последствиями этой односторонности была демонстрация ряда ограничений военной силы США, которая оказалась непригодной для применения. Военная сила в основном считается неэффективной, когда государство не может отправить достаточное количество наземных войск для наведения порядка на завоеванной территории, что и было в случае вторжения США в Ирак. Всякий раз, когда государство применяет военную силу, то все, что меньше ошеломляющей победы, снижает реальную военную мощь

государства. Поэтому в 2007 г. стало общей тенденцией говорить об упадке США. Многие в Америке чувствуют, что решение этой дилеммы состоит в возвращении к программе «многосторонности» 70-х, 80-х и 90-х гг. Однако Буш не сделал этого. Никто не был готовым и далее признавать за США роль неоспоримого лидера мир-системы, даже если США будет исповедовать многосторонность. Реальность все еще заключается в том, что США утратили свою позицию мощной силы в мультиполярном мире. Это определило снижение их влияния, так как мир двинулся в направлении новой геополитической ситуации.

Авантюризм администрации Буша превратил медленное угасание США в быстрый упадок. Экономическая, политическая и идеологическая позиция США уже была незначительной в 2001 г. Единственное преимущество США состояло в сохранении непропорциональных военных возможностей и это являлось той силой, на которую опирался вице-президент Дик Чейни, бывший министр обороны Дональд Рамфелд и неоконсервативные политики. Но они допустили две фундаментальных ошибки.

Первая заключалась в том, что применение ВВС и войск особого назначения было успешным для того, чтобы войска врага отступили, но они не смогли довести войну до завершения. Для этого необходимо было задействовать сухопутные силы против народного сопротивления, которое представляло собой огромную наземную армию. Но у США нет, и не будет достаточно больших сухопутных войск, в основном по политическим причинам. Американское общество готово аплодировать военным победам, но оно не готово приносить в жертву своих детей. Вторжения, подобное иракскому, обречены на провал.

И это приводит ко второй ошибке неоконсерваторов. Существуют опасения, что военная сила держится до тех пор, пока она успешна. Если нет ошеломляющей победы, то все остальное снижает эффективность, а военные затраты и продвинутое оборудование и техника становятся пугающим фактором мировой политики.

В 90-х гг. Госсекретарь Мадлен Олбрайт в дискуссии с Колином Пауэллом и другими военными чинами, которые сопротивлялись продвигаемым ею инициативам, сказала: «Что за смысл иметь наиболее сильные вооруженные силы в мире, если мы их никогда не

применяем?» Ответ, как мы все можем сейчас убедиться, состоит в том, что в них вообще нет смысла.

Перевод с английского *Леонида Савина*

Альваро де Васконселос

Многополярность, становящаяся «многосторонней»

Раймон Арон однажды приехал в Лиссабон, чтобы принять участие в ряде конференций и дать несколько интервью. Это было в 1980 г., задолго до того, как Гласность и Перестройка внезапно появились в лексиконе международных отношений – в то время, когда мир всё ещё отходил от первого нефтяного кризиса. Арон выступил с выдающейся речью о новых проблемах международной системы. Уже тогда Арон утверждал, что биполярная система, казавшаяся тогда бессмертной, вскоре не будет в состоянии обеспечивать приемлемую основу интерпретации мировых конфликтов, что две супердержавы не смогут бесконечно сдерживать – не говоря уже о том, чтобы решать – «периферийные» кризисы и войны, такие как ирано-иракская, которая тогда только началась. Он дал понять, что энергетическая зависимость, особенно – зависимость от нефти, *les engines machines*, была, по его мнению, слишком велика.

После 1989 г. было предложено множество теорий, трактовавших эпоху, наступившую после «Холодной войны», пытавшихся объяснить все аспекты реальности международных отношений экономикой. Большинство этих упрощенческих объяснений пользовалось недолгой популярностью, изредка пересекаясь и расходясь друг с другом. Теории развивались: от тех, которые исходили из интерпретации силы (например, идея мировой гегемонии одной суперсилы) – к основанной на идеологии теории «конца истории» – которая включает в себя экономический вариант, утверждающий, что глобализация уничтожит любую альтернативу неолиберализму, затем – к неоконсервативной доктрине одностороннего военного господства, провозглашающей неизбежную победу Марса. Это было отражено на Юге мессианскими теориями, которые были в равной степени идеологически окрашены. Тогда понятия, связанные с культурой, позволили им возникнуть, вдохновлённые доктриной «Столкновения

цивилизаций», которая пытается объяснить конфликт культурными различиями, предлагая антагонистическую парадигму – демократия против недемократии, в которой первой является монополия Запада.

Как показывает XXI век, мир гораздо более сложен, чем Раймон Арон мог предполагать тридцать лет назад. Ни одна из этих теорий не подтвердилась историей, которая упорно отказывается заканчиваться. При этом, теперь есть значительно большее количество акторов (отличающихся от традиционных – т.е. от наций и государств), которые формируют мировую систему, и по сравнению с ними даже суперсилы уже не так мощны и влиятельны, как были раньше. Всемирная взаимозависимость – то, что сейчас принято называть «глобализацией» – позволила появиться ряду сетей, от защитников прав человека до организованной преступности, усиливая ощущение, что глобальный мир плюралистичен.

Для того чтобы оставаться верным самому себе, своей уже сформированной цели создания лучшего мира, ЕС необходимо чётко и ясно понимать сложный современный политический ландшафт, в котором он сам является важным игроком. Европейскому Союзу не-

обходимо установить действительно глобальные перспективы, отражающие его действительно огромное разнообразие и отвечающие ожиданиям ЕС во всём мире. Это – необходимое условие для многостороннего порядка, способного справляться с планетарными вызовами и предотвращать возникновение опасных поляризационных трещин.

Рождающаяся многополярность

После падения Берлинской стены одной из наиболее часто встречавшихся тем для обсуждения в учёной среде стал поиск парадигмы, которая бы охватывала оба способа распределения власти между государствами и другими игроками международных отношений, а также неразрешённые к тому времени конфликты, которые возникли тогда или остались со времени «Холодной войны». Эти дебаты сплетены, а иногда – неразличимы с обсуждением форм управления миром, наиболее подходящих для защиты мира и безопасности, и обращаются к крупнейшим вызовам, направленным против человечества.

То, что многополярный мир возникнет из пепла «Холодной войны», при этом отвергая всё чаще подвергаемое сомнению превосходство Америки, было ясно ещё Полу Кеннеди, который сконструировал мир, стоящий на четырёх колоннах экономической мощи Соединённых Штатов, Европейского Союза, Японии и Китая, при этом России отводилось особое место, благодаря её стратегическому арсеналу, обеспечивающий ей статус «ядерной суперсилы».

В эйфорических 90-х гг. мощь и превосходство Соединённых Штатов, однако, ещё не оспаривались, во всяком случае, при сравнении с возможными конкурентами. «Сверхсила» Америки, по выражению Юбера Ведрина в конце эры Клинтона, была всё ещё способна управлять «однополярным» миром при помощи того, что было позже названо «мягкой гегемонией». Этот редкий и исключительный момент, который длился в течение большей части времени правления Джорджа Буша-старшего и Билла Клинтона, существовал в одно время с новой волной регионализма, распространившегося в каждый уголок мира, и в которую Соединённые Штаты были также вовлечены, хотя и исходя из своих собственных соображений. Мно-

гие учёные и политики полагали тогда, что наступает эра мировой системы, чьей основой становятся региональные группировки большего или меньшего размера, сформированные приблизительно по образцу Европейского Союза. В наиболее новаторских на сегодняшний день исследованиях Джозеф Най убедительно доказывает, что вне экономической и военной мощи, в информационный век, «soft power» – сила очарования, способность вызывать симпатию у других – более важна в структуре компонентов государственной власти. Военная мощь, основной инструмент биполярного мира, больше не является тем определяющим фактором в обеспечении гегемонии и доминирования.

Что является новым и характерным для XXI в., так это растущее осознание того, что мы живём в многополярном мире, хотя при этом и очень по-разному понимается то, как сила – как «soft», так и «hard» – распределена в мире. Эра, наступившая после «Холодной войны» входит в фазу, которая характеризуется появлением новых глобальных игроков, активных далеко за пределами своих границ. В действующей международной системе американской «hard power» и европейской «soft power» больше недостаточно для противостояния большинству глобальных проблем даже в сфере мира и безопасности, при этом необходимость в сбалансированных решениях этих проблем остаётся.

Термин «многополярность», таким образом, обращается к разнообразию глобальных акторов, ограничивающих мощь американской суперсилы, и суперсилы других «полюсов», таких как ЕС. Если говорить конкретнее, он обращается к росту Китая и усиливающейся Индии, к возрождению России и увеличению важности таких игроков как Бразилия – особенно в сфере международной торговли. В Бразилии, которая относится к государствам огромного размера, принято считать, что её статус глобальной державы обуславливается её способностью возглавить объединённую Южную Америку.

Доля мировых богатств Соединённых Штатов уверенно снижается. Что более важно, это происходит параллельно процессу отрицания привлекательности американской модели – феномену, который стал особенно очевидным после вторжения в Ирак в 2003 г. Это сопровождалось явной эрозией американской репутации блюстителей прав человека, которая символизировалась в глазах всего мира са-

моуправными арестами и бесчеловечным обращением подозреваемых в тюрьме Гуантанамо. Объективная оценка позиции мировой общественности демонстрирует устойчивый спад одобрения действий Соединённых Штатов среди европейцев и, конечно, во многих других частях света, и показывает, что это напрямую связано с протестами против политики Соединённых Штатов и их использования силы (те же данные указывают также на то, что это лишь незначительно влияет на отношение к американцам как таковым). The Pew Global Survey выяснил, что после войны в Ираке имидж Соединённых Штатов ухудшился практически везде. Он остаётся «ужасным в большинстве мусульманских стран на Ближнем Востоке и в Азии, и продолжает ухудшаться в обществах стран, относящихся к старейшим союзникам Америки. Если обратиться к цифрам, благосклонное отношение к Соединённым Штатам в Турции упало до однозначного числа (9%) и снизилось до 15% в Пакистане. В настоящее время только 30% немцев положительно относится к Соединённым Штатам – по сравнению с 42% ещё только два года назад, а в Великобритании и Канаде положительные рейтинги падают ещё ниже». Будучи преимущественно связанным с политикой, отношение к Соединённым Штатам может, конечно, резко измениться во время правления Обамы.

Если измерять силу основных мировых игроков просто долями ВВП в паритете покупательной силы (ППП), к ним относятся следующие: Европейский Союз (21,95%), Соединённые Штаты (21,06%), Китай (10,7%), Япония (6,57%), Индия (6,17%), Россия (2,69%) и Бразилия (2,58%). Асимметрия богатства и экономической мощи, особенно с учётом количества населения, бросается в глаза. Если рассматривать возможности военной и стратегической мощи, Соединённые Штаты, однако, всё ещё уверенно лидируют – хотя пределы военной мощи Соединённых Штатов и начали становиться видными перед вторжением в Ирак. Из укрепляющихся мировых сил Китай был особенно заметен в последние несколько лет в наращивании военной мощи. В 2006 г. военные расходы Китай составляли 49,5 миллиардов долларов, что на 11,7% больше, чем годом ранее, когда они превысили вдвое данные за 2000 г. Министерство обороны Соединённых Штатов оценивает расходы Китая, связанные с вооружениями за 2007 г. примерно в 97-139 миллиардов долларов.

Это, однако, всё-таки скромная сумма по сравнению с данными по Соединённым Штатам (более 528 миллиардов долларов в 2006 г., что составляет почти половину мировых) и общими данными обороны ЕС, на которую потрачено 250 миллиардов долларов. В 2006 г. расходы остальных основных мировых сил составляли: 43,7 миллиардов долларов в Японии, 37,7 миллиардов долларов в России, 23,9 миллиардов долларов в Индии и 13,4 миллиардов долларов в Бразилии.

Исследования расстановки сил в современном мире, основанные на сравнении военной мощи – основа однополярной и биполярной доктрин – во всех отношениях плохо адаптированы к миру, в котором доминирует экономическая глобализация, информационное общество и зарождающееся публичное пространство на региональном и глобальном уровнях, что дополнительно морально усиливает международное гуманитарное право. Таким образом, «глобальные» ограничения накладываются на использование военной силы, которая и так уже строго контролируется внутренним общественным мнением, враждебным к высылке военных сил на крупномасштабные войны за границу.

Интеграция в мировую систему, вместе со статусом мировой силы, включая ключевой аспект диктовки повестки дня, сегодня основываются не только на военной силе и возможности ею воспользоваться, но в большей степени – на возможности содействовать устойчивому развитию человечества. Это ставит государства перед необходимостью соотносить собственное стремление к обретению статуса мировой державы с требованиями взаимозависимости и с важностью элементов «soft power». Роберт Каган смеялся над силой Европы, ошибочно принимая предпочтения ЕС принципов многосторонних отношений и «soft power» за слабость. Как бы то ни было, как заметил Пьер Хасснер, хотя Каган определённо прав в том, что оценивал действующую военную мощь и возможности Соединённых Штатов значительно выше, чем таковые ЕС, он ошибся в том, что определял лидерство и могущество через военную мощь и готовность применить её без остатка, «как грустно и более чем убедительно показала суровая действительность – начиная с Афганистана и заканчивая Ливаном и Ираком».

Развитие с сознанием необходимости защиты прав человека сквозь границы, сопровождавшееся экономической и технологиче-

ской глобализацией, вместе с требованиями защиты окружающей среды и согласием с принципами многосторонности международного поведения, стало основой популярности европейской модели. Общая привлекательность социальной модели вместе с экономической мощью дают Европе огромные возможности «soft power». Европа всё ещё продолжает набирать вес на международной арене. Двух атрибутов власти по Джозефу Наю, которыми обладают Соединённые Штаты и которые будут необходимы Европе в случае, если она собирается действовать решительно при решении серьёзных международных проблем, ей всё ещё не хватает – единства и военной мощи. При этом если рассматривать общий эффект этих атрибутов власти, среди которых привлекательность модели, ценности и публичная дипломатия, включая многосторонний уровень, представляют собой важные величины, становится очевидным, что ЕС является мировым игроком на тех же основаниях, что и остальные.

Европейский Союз: «рассеянная» опора глобальной системы

Европейский Союз, безусловно, является мировым игроком, но точное определение его роли выходит за рамки традиционных понятий. ЕС, с точки зрения его уникальности, нельзя прямо сравнить с любым другим мировым игроком. Как и у других, его сила в то же время представляет собой то, как эта сила и рамки её применения понимаются другими игроками. Вне всяких сомнений, ЕС до сих пор страдает от нехватки признания в качестве политического актора, при этом пользуясь полным набором традиционных атрибутов власти. Он часто игнорируется как всего лишь «беззубая» гражданская сила и, наоборот, обличается как традиционная суперсила, благодаря тому, что отваживается на расширение пространства своей безопасности при помощи своих структур Общей внешней политики и политики безопасности/Европейской политики по обороне и безопасности. Эти образования в то же время часто становятся причиной тому, что ЕС часто рассматривается как безопасная сила, и проблема здесь в том, что он воспринимается как структурно слабая сила во благо. Строго обратное происходит, когда ЕС обвиняется в том, что он прибегает к позиции силы в политике, при этом, не внушая достаточного почтения и уважения. Это, несомненно, один из

парадоксов попыток ЕС положить начало эффективной политике многосторонности. Парадокс усугубляется признанием (ещё не осуществлённым самим ЕС) того, что Союз одновременно является и большой частью, и незаменимым творцом мирового порядка.

Внутренние дебаты по поводу Европейской мощи (*Europereissance*) или Экономической Европы (*Europeaspace*) не могут охватить весь потенциал ЕС в мировой системе. ЕС никогда не станет военным «полюсом» вместо Соединённых Штатов – не столько потому, что не обладает для этого необходимой мощью и способностью ей воспользоваться, сколько потому, что не захочет. Не регрессирует он и обратно к «широкому рыночному пространству», как было до Общей внешней политики и политики безопасности, не будет ограничиваться скромной ролью лидирующего экономического игрока, лишённого даже полной силы гражданской власти. Так как континентальная экспансия через расширение ЕС усовершенствована, а потенциал глобального мира полностью реализован и эксплуатируется, эти во многом бессмысленные дебаты будут постепенно сворачиваться, и ЕС чётко и последовательно станет утверждать свою международную идентичность – уже не в контрасте и не бок о бок с Соединёнными Штатами, а по отношению к множеству основных международных игроков.

Это будет достигнуто, однако, при том неблагоприятном контексте, что высказанные в 1990 г. надежды и прогнозы, что модель глубокой интеграции Европейского Союза будет перенята на других континентах, всё ещё не оправдались. Мы ближе к миру власти, чем к миру регионов: это то, что слово «многополярность» на самом деле означает сегодня. После того как новые силы возникли, их стремление обрести большее влияние в мире также увеличилось, часто – в ущерб попыткам добиться региональной интеграции. При этом такое положение вещей сосуществует в сегодняшнем «глобальном» мире, в век взаимозависимости, с общим осознанием того, что к огромному – большому, чем когда-либо – числу тем в так называемой глобальной повестке дня можно обращаться только через общие – всемирные – усилия, предусматривающие международные стандарты и глобальное управление.

Союз искренне заинтересован в том, чтобы играть значительную глобальную роль. Его интеграционная модель представляет собой

наиболее прогрессивную форму многосторонности, и его опыт наделяет её глобальной целью. Природа Союза такова, что его выживание зависит от развития международной системы, основанной на нормах и правилах. При повторении системы Баланса сил, сколько времени понадобилось бы ЕС, чтобы развалиться под давлением столкнувшихся однополярных систем? Утомительные разногласия по поводу Ирака и – в меньшей степени – по поводу Косово и Палестины, это наглядно показывают. В глобальной системе, управляемой нормами и правилами, Союз может играть главную роль в преследовании собственных интересов и, тем самым, позволяя избегать основанной на силе системы, при которой он может добиться немногим больше, чем дополнительная роль при Соединённых Штатах. К тому же современная международная ситуация, в которой вопросы развития превалируют над основными соображениями новых глобальных сил, соотносится с природой гражданской власти ЕС и является благоприятной для того, чтобы он выступил более уверенно в роли мирового лидера.

Новые глобальные акторы воспринимают ЕС по-разному. Для некоторых – как, например, для Китая и Бразилии – Союз представляется глобальным политическим актором, чья важность выходит за рамки сферы торговли. Бразилия и Китай, исходя из разных соображений, приветствуют Европу, играющую более инициативную роль в международных отношениях, обеспечивая большую сбалансированность и альтернативу слишком уж особенным отношениям с Соединёнными Штатами. Тем не менее, оба предпочитают видеть в Союзе, в первую очередь и в большей степени, экономическую силу, и, следовательно, союзника в продвижении целей, связанных с экономическим развитием – несмотря на то, что разногласия между Союзом и его партнёрами с Юга в рамках ВТО являются общеизвестными.

Политическая элита Китая рассматривает Европейский Союз как основную политическую силу и привлекательного партнёра, особенно в вопросах сотрудничества в сферах науки и технологий, и поэтому – как основного партнёра на пути к достижению прославляемой цели «мирного строительства Китая» через экономическое развитие. Бразилия, внешняя политика которой традиционно считается двигателем экономического развития, также рассматривает

Союз как очень важного экономического партнёра и ресурс, стимулирующий развитие региональной интеграции. Индия, где среди внешнеполитических элит принято воспринимать Союз в основном как торгового игрока, довольно скептически относится к предполагаемой возможности ЕС играть значимую роль в политике и безопасности, особенно когда речь идёт об Азии. Взгляды на Европейский Союз российского правительства, задумывающегося о статусе России как европейской силы, довольно неоднозначны. ЕС, несомненно, является высоко ценимым экономическим партнёром, особенно если речь идёт об энергетическом секторе, в котором взаимозависимость между Россией и остальной Европой возрастает. Москва, однако, не вполне довольна идеей ЕС играть более значимую политическую роль в общем соседстве. Так как это рассматривается как угроза собственным амбициям российским правительством, оно перестало рассматривать ЕС как действительно мягкую силу, и уже не приветствует развитие ЕС в качестве полноценного международного актора в сфере безопасности.

Другая сложность, возникающая в рамках внешнего восприятия ЕС – то, что его часто путают (в лучшую сторону или в худшую) с его странами-членами, бывшими колониальными империями, в частности. Сильная национальная идентичность ряда европейских сил одновременно и стесняет, и усиливает ЕС как международного актора. Тесные двусторонние связи играют роль посредника идентификации для третьих стран в контактах с Европейским Союзом. Это было действительно так со странами Латинской Америки, когда Португалия и Испания вошли в Европейское Сообщество. Как бы то ни было, внешнеполитические инициативы отдельных государств-членов, выбивающиеся из мейнстрима ЕС, могут негативно отразиться на ЕС в целом. Это, в частности, можно сказать о вопросах мира и безопасности, разногласия в которых наиболее негативно влияют на международную идентичность ЕС и на то, как она воспринимается остальными.

Для ЕС сейчас крайне актуален тот факт, что «внутреннее» является не в меньшей степени и «внешним». Своей «soft power» ЕС обязан, в значительной степени, магнетической привлекательности собственной многосторонней интегрированности, построенной на принципе «единства противоположностей». Такая модель не уцеле-

ет при культурном/религиозном определении идентичности ЕС. В этой связи ЕС сейчас необходимо доказать, что он в состоянии интегрировать в себя сообщества мигрантов, а частности, приехавших из стран, в которых большинством населения являются мусульмане. Мир крайне внимателен к тому, насколько ЕС способен интегрировать в себя Турцию, так же как к умению ЕС сформулировать позитивный подход к миграции.

Как бы то ни было, можно согласиться с мнением Целсо Лафера, что, с точки зрения жителей разных частей света, «европейский опыт консолидации в целях мира и процветания на принципах закона является, по Канту, признаком возможного прогресса для человечества. Благодаря своей политической идентичности, своему всемирному влиянию, Европейский Союз является силой, борющейся за мир, права человека, дипломатию и многосторонность. Вот почему ЕС можно назвать международным общественным добром».

ЕС – региональная или глобальная сила?

Благодаря экспансии на Восток, с учётом переговоров с Турцией, Союз не только обладает общей границей и соседством с Россией, но также приближается к Центральной Азии – и таким образом продвигается ближе к Китаю и Индии. В этой связи, контакты с БРИК, и в частности – с азиатскими силами – необходимы для стабильного соседства расширенного ЕС. Это реальность, которую чётко осознаёт Россия и которую индийцы и китайцы, всё ещё видящие Европу преимущественно региональным игроком в сфере безопасности, ещё должны осознать. Слабость политического влияния Европы в Азии (в отличие от её вездесущности в торговле и инвестировании) в сильном контрасте с осязаемым присутствием там США частично объясняет его имидж региональной силы в Индии и Китае.

Индия внимательно относится к невовлечённости Европы в цепь конфликтов, растянувшихся вдоль её собственных длинных границ. Бразилия и вся Латинская Америка вообще в целом более чувствительны к самостоятельности Европы как полноценного международного актора – и не только в рамках Всемирной Торговой Организации. Дни, когда Европа была вовлечена в миротворчество в Центральной Америке ещё не совсем забыты, как и попытки вы-

строить двусторонние межрегиональные стратегические отношения, основанные на «Соглашениях Третьего поколения» с МЕРКОСУР (вдохновлённый ЕС субрегиональный интеграционный процесс, высоко ценящий «европейскую модель»), Андским Сообществом или Проектом Южноамериканского Сообщества. Попытки продвижения демократии со стороны ЕС были предприняты серьёзнее, чем где-либо: американские страны сделали уникальные предложения, например, приветствуя поправки об условиях со стороны ЕС в соглашениях, регулировавших двусторонние отношения.

Вес и особая роль главных игроков – таких как Индия и Китай, основных азиатских сил рядом с Японией и Россией (и с Соединёнными Штатами) в формировании международной системы должны быть полностью приняты во внимание, вне зависимости от их нынешнего восприятия международной идентичности ЕС. Понимание части ЕС этой очевидной реалии ясно показана в рекомендации о стратегическом партнёрстве, которая содержится в документе Соланы 2003 г. Среди них Индия и Китай – обладающие ядерными силами – представляют более трети человечества, это тенденция, которая только усилится к середине и концу этого столетия. Их восприятие ЕС как значимого глобального игрока наряду с США будет всё больше зависеть от того, каким образом ЕС станет садиться на «пустой стул» в Азии.

Индия до сих пор явно более сконцентрирована на Азии, нежели на глобальном мышлении, вероятно, потому что сама Азия рассматривается в Индии как многополярный континент. Объясняя, почему Европа была полностью исключена из анализа сил, интересующих Азию, Махараджакришна Расготра откровенно заявляет, что «Европа едва ли сможет стать сильным фактором в возродившейся Азии. В лучшем случае ролью Европы в Азии в обозримом будущем... может стать второстепенная роль поддержки Соединённых Штатов».

Так или иначе, принимая во внимание важность вопроса периферии ЕС в повестке дня, в частности, расширения средиземноморского соседства, можно сказать не только, что продвижение ЕС в сторону Ирака и Ирана будет способствовать увеличению его роли в качестве стража безопасности, но и что вовлеченность Китая (что с болезненной ясностью было показано в Дарфуре) и Индии окажется в таком случае необходимым. Обе эти азиатские силы проявляют

всё стремительнее растущий интерес не только к Африке (например, дипломатические встречи, организованные китайцами и индийцами, как сотрудничество Китая и ЕС в Африке), но всё шире и в Средиземноморье и в других частях европейской периферии.

Большинство проблем, с которыми сталкиваются соседи ЕС, в действительности являются глобальными проблемами – и требуют глобальных ответов. Дела определённо обстоят именно так в вопросе палестино-израильского конфликта, в иранском вопросе, в вопросах, которые особенно часто обсуждаются в Совете Безопасности Соединённых Штатов, в вопросах о важности роли Ближнего Востока и Кавказа в решении проблем энергетической безопасности – во всех тех главных вопросах, которые тревожат всех глобальных игроков. В общем, для того, чтобы ЕС стать мировой силой, ему для начала нужно стать силой регионального масштаба, учитывая природу и место, которое занимает его окружение. Важно иметь в виду, что наиболее важным вкладом ЕС в дело мира стала консолидация большого пространства мира и демократии, простирающегося от Португалии до российских границ. Возможное расширение этого пространства – через включение без полноценного членства – на Юг и Восток, несомненно, значительно повлияет на мировой порядок.

Многосторонность и многополярность – далеко не синонимы

Важно различать многополярность и многосторонность. Первый термин означает способ распределения власти на мировом уровне, второй – то, как на эту реальность нужно воздействовать, другими словами – то, как такая власть должна использоваться и к чему вести. Многополярность заявляет о более сложной международной системе, согласующейся с сегодняшним распределением власти в мире, а также о способе усиления и сдерживания и того, и другого глобальной взаимозависимостью.

Когда многополярная система преобладала в Европе XIX в., само собой, она была сформирована благодаря существованию государств, основной заботой которых было сохранение баланса сил – которые были в значительной степени симметричными – между ними. Система Баланса сил, которая преобладала в первой половине XX в. не предотвратила – и, более того, не могла предотвратить – начало круп-

номасштабной войны, когда был явно нарушен баланс. Две мировые войны наглядно показывают истинность этого.

Факт остаётся фактом – лидеры стран во многих частях света, включая Европу, придают большое значение многополярности, утверждая, что многополярный баланс сил и, в частности, как следствие, создание альянса, будет работать в качестве противовеса силе США. Так считают Китай и Россия, которые сделали несколько совместных заявлений с призывами к многополярному миру. Им важно оспаривать то, что они называют американской гегемонией на основании того, что китайцы называют политикой «гармоничного мира», а русские – «современной демократией». В Индии, где видение международного распределения власти исходит почти полностью из соображений международной безопасности, многие всё ещё довольно консервативно рассматривают мир как однополярный «с признаками многополярности, в котором... Соединённые Штаты Америки диктуют глобальную конъюнктуру». Индия хочет укрепить своё положение на глобальной арене и предполагает, что её новый стратегический альянс с США «может помочь в этих поисках». А в Бразилии мир рассматривается как уже становящийся многополярным, хотя и асимметричным несправедливым образом, особенно в отношении распределения мировых богатств. В равной степени к ослаблению многосторонности приводит неравная представленность в институтах глобального управления. По словам Марко Аурелио Гарсиа, «до тех пор, пока новое глобальное управление и сопровождающий его многополярный порядок не будут объявлены, узкие группировки, вроде G8, будут преуспевать». Как предполагает Жан-Мари Гуэнно, международная система не может находиться под «неограниченным господством США, как и основываться на идее стремления к независимости и суверенитету как к исключительной цели политического субъекта».

Шанхайская Организация Сотрудничества, основанная в 2001 г., объединяющая вместе Китай и Россию, а также страны Центральной Азии, не только представляет собой важный фактор в создании рамок для сотруднических отношений двух великих сил для борьбы с вызовами на своих границах. У неё также есть направление в сторону борьбы за баланс сил, в которой она служит платформой для противостояния тому, что, по крайней мере, некоторые из её членов

рассматривают как «угрозу стратегической и философской однополярности в международных отношениях». Такой тип соглашения показывает возможность возникновения альянсов, характерных для системы Баланса Сил в контексте нового многополярного мирового порядка.

Европейцы должны прийти к единому видению, что стало очевидным во время иракского кризиса. Некоторые до сих пор предпочитают американское господство и видеть мир однополярным, воспринимая аргументы в пользу многополярности как подрывающие схему Баланса Сил для того, чтобы противодействовать и, в конечном счёте, сковывать США. Внутри ЕС дебаты о понимании мира как однополярного или как многополярного поэтому в большей степени являются дебатами о природе отношений с США, принимает ли это форму автоматической ориентации или меры воздействия на США через коалиционную стратегию. Иракский кризис, однако, показал, что и однополярный выбор британцев равняться на США, и многополярная политика Жака Ширака, направленная на коалиционное строительство для ограничения силы США, были одинаково бессильны повлиять на администрацию Буша и, более того, сильно повлияли на разобщённость в Союзе. Безусловно, имея ЕС возможность говорить в один голос на Совете Безопасности ООН, он бы определённо обладал большим влиянием и – возможно – смог бы предотвратить иракскую войну и её катастрофические последствия.

Новые глобальные игроки открыто признают, что многосторонность может возникнуть только из многополярности, то есть из сбалансированной расстановки сил для предотвращения односторонних попыток к доминированию. Так это или нет, факт остаётся фактом, ЕС не может охранять сферу силовой политики на мировом уровне, имея нелегитимную власть на европейском континенте. Влияние Союза, как лишний раз показывает это исследование, будет серьёзно зависеть от его способности придерживаться своих первоначальных принципов и ценностей на международной арене, последовательно применять их внутри себя и формировать глобальную повестку дня, в которой они будут служить примером. Модели международных отношений, которые чужды опыту европейского строительства – другими словами, однополярность (или её варианты) – не могут объединить страны-члены Союза и нуждаются в необходимой под-

держке европейского общества. ЕС ничего не приобретает, но теряет всё, принимая участие в мировых событиях, которые управляются играми сил, и среди которых он – один из нескольких соревнующихся игроков. Если он хочет сказать своё слово в мировой политике сегодня, ЕС должен работать в пределах системы, управляемой нормами и правилами. ЕС нужен мир, который управляется эффективной экономической многосторонней системой, если он собирается оказывать влияние.

Это значит, что ЕС хочет видеть сильные международные организации, особенно занимающиеся основами мира и безопасности, чья деятельность направлена на общее согласие режимов бороться с глобальными проблемами. Это естественным образом влечёт за собой то, что нарушение общепринятых норм не должно оставаться безнаказанным, а схемы управления должны быть освобождены от постоянных парализующих его – как это было во время «Холодной войны» – вето. Это также означает, что ответственность должна быть в равной степени распространена, и что мировые силы должны быть готовы её честно разделить.

Существует задача и, некоторые скажут – крайняя необходимость – действующим и стремящимся стать таковыми мировым силам прийти к согласию в вопросах устойчивого развития человечества, включая вопросы защиты гражданского населения, и так – к действительно настоящей многополярной системе. Очевидно, что военные конфликты не исчезли окончательно с лица Земли, и исчезнут они не сразу, несмотря на их согласованные действия. Но всё более очевидно, что наихудший сценарий – исключая возможность серьёзных ошибок в расчётах и неудач в дипломатии – это уже, возможно, больше не один из военных конфликтов между «великими силами», будь он настоящим или выдуманным, а, скорее, такое «мирное соревнование». В этом смысле парадигма безопасности, которая доминировала во время биполярной эры «Холодной войны», утратила свою актуальность. Мировой войны в обозримом будущем не будет. Все конфликты – хотя и жестокие, хотя и болезненные, хотя и стоящие человеческих жизней и ресурсов – являются периферийными и проходят на окраине международной системы. Не потому что в них не включены и не будут включены мировые силы (например, Ирак, Кашмир), но потому что они не могут быть прямо или кос-

венно гибельными для них, как было бы в случае, когда чрезмерная самоуверенность вырождается в обречённое на провал применение силы. Более того, современные войны, в большинстве своём, уже не являются межгосударственными конфликтами, даже когда в них прямо вовлечены два или более государства, а чаще бывают войнами против гражданского населения. Асимметрия боевых операций, кстати, является часто следствием этого факта.

В этом контексте определяющим фактором в весе глобального игрока представляется не только способность бороться с другими, но и всё больше – умение обеспечивать безопасность и благосостояние для своих жителей и остальных, обращаясь к глобальному направлению тех же нужд. Разделительная полоса между внутренним и внешним измерениями политики всё больше размывается. Это верно не только для Европейского Союза, но и для всего мира.

Формирование универсальной концепции эффективной многосторонности

Так как многополярный мир возникает тогда, когда многосторонняя система явно демонстрирует признаки растущей слабости, ЕС необходимо признать, что международное распределение власти слишком изменчиво для того, чтобы гарантировать установление «специальных» отношений с амбициозными мировыми игроками, в то же время фокусируясь на основной цели – содействию глобального и регионального управления и «эффективной многосторонности». Под этим, как проясняют творцы политики, причастные к Европейскому Союзу, включая Европейскую Стратегию Безопасности, подразумевается, что многосторонность должна стать посредником между международным сообществом и основными глобальными и региональными проблемами. Эффективная многосторонность, следовательно, представляет собой систему, созданную для того, чтобы позволить государствам, формирующим мировое сообщество, действовать сообща в борьбе с вызовами, в снятии и решении проблем. Это – не инструмент взаимного сдерживания, влекущего за собой паралич. В том, что касается мира на планете, что подчёркивается в ЕСБ, Европейский Союз хочет, чтобы «международные организации, режимы и договоры были эффективными в борьбе с угрозами

международному миру и безопасности и, значит, были готовы действовать в условиях, когда их правила не соблюдаются» .

Эти слова, так же как и концепция «эффективной многосторонности» отсылает к понятию «положительной многосторонности», озвученному в 1990-х гг. во время успеха нового мирового порядка Джорджа Буша-старшего, начиная с окончания «Холодной войны» и заканчивая легитимизированной США войной в Персидском заливе. Мадлен Олбрайт в первый год про-многосторонне настроенной администрации Клинтона утверждала, что США должны стремиться к настойчивой многосторонности, «сильнее опираясь на международные институты, правила и партнёрства... США будет лучше справляться с транснациональными проблемами, отбросив ношу мирового лидерства, обретя легитимность своих целей и действий и консолидируя развивающееся сообщество рыночных демократий» . Эта концепция стала жертвой стратегических дебатов, которые последовали за чудовищными трудностями американской интервенции в Сомали под мандатом ООН, и позже – после боснийской катастрофы. Критика США была на своём пике в преддверии триумфа военного унилатерализма неоконсерваторов . В понимании Европейского Союза эффективная многосторонность – во многом реакция на унилатералистскую доктрину администрации Буша, и лишнее подтверждение, хотя и в менее благоприятной обстановке, того, что в рамках ООН можно найти легитимные возможности для того, чтобы решать проблемы международной безопасности и другие глобальные проблемы.

Новейшие амбициозные мировые силы, тем не менее, имеют отличные концепции многосторонности от концепции ЕС, больше занятые сдерживанием более сильных государств и отстаиванием собственного суверенитета, чем игрой своей роли в выстраивании эффективной многосторонней системы. Независимо от того, являются/становятся ли они членами Совета Безопасности ООН или нет, им нужно взять на себя ответственность, означающую, что их статус и цели теперь обязывают их, в частности, стремиться к более честному международному порядку, более способному регулировать или «гуманизировать» глобализацию, и прежде всего – направлять свои силы на борьбу с усиливающимся мировым беспорядком. Это в значительной степени означает готовность встретиться с проблемами

– от снижения уровня нищеты до безопасности окружающей среды и контролем над заболеваниями лицом к лицу в собственных границах, так же как и предотвращение этнических чисток и геноцида.

Страны БРИК (а также большинство латиноамериканских стран) особенно привержены многосторонности. Бразилия, более близкая к традиции гражданской власти с акцентом на регионализме и международной торговле, может перенять многостороннюю перспективу Европейского Союза. То же в некоторой степени относится и к Индии, учитывая её демократическую сущность, традиционное лидерство нейтрального движения и стойкое влияние ненасильственной традиции и популярности доктрины защиты человека Ганди, что позволяет некоторым комментаторам классифицировать его как знатока «soft power». Так или иначе, Индия, Китай и Россия – страны с серьёзным отношением к суверенитету, что приводит к естественной тенденции предпочитать принцип двухсторонних отношений и куда более консервативно смотреть на многосторонность. Регионализм, одна из самых многообещающих разновидностей международных движений в 1990-х гг., сейчас оспаривается многополярностью и следующей за ней тенденцией отрицания биполярности. Тот факт, что во время первого председательства Португалии в ЕС (1992 г.), прошла первая встреча министров ЕС и МЕРКОСУР, зато во время третьего председательства Португалии (2007 г.) встречи с МЕРКОСУР не было, зато вместо этого был первый саммит с Бразилией, представляет очевидным примером этого перехода.

То, как другие основные игроки воспринимают мировой порядок и роль ЕС в его формировании, тесно связано с их восприятием американско-европейских отношений и отношений ЕС с другими глобальными игроками. Индия, гордо претендующая на звание самой большой в мире демократии, считает то, что ЕС отдаёт предпочтение своим отношениям с Китаем, парадоксом. В действительности Китай рассматривается ЕС как конструктивный партнёр, несмотря на сложности с правами человека, существующие в двусторонней повестке дня. В будущем ЕС придётся найти баланс в своих отношениях с этими двумя основными азиатскими силами.

Рассмотрение того, как Союз работает с многополярностью в XXI в. и создаёт свою паутину «стратегических партнёрств», подкрепляется мнением, что без них ключевые международные проблемы не

могут быть решены удовлетворительно. Бессилие международного сообщества перед лицом нищеты, гуманитарных катастроф, ухудшения состояния окружающей среды и периферийных конфликтов – от Дарфура до Ближнего Востока – не только следствие отказа США от многосторонней дипломатии, но и результат недостаточного участия других больших сил. Но все они всё больше и больше понимают, что статус глобальных игроков обязывает их взять на себя большую ответственность.

Перед Европейским Союзом не стоит задача снова начинать уже завершённые дебаты о полезности «обязательств» и «сдерживания» с прицелом на его отношения с Китаем и Россией. Союзу нужна расширяющаяся, основанная на правилах позитивная повестка дня, затрагивающая торговлю и развитие, так же как и такие противоречивые вопросы, как права человека и свобода самовыражения, для обсуждения со всеми глобальными партнёрами. Политика сотрудничества ЕС с Китаем и Индией всё ещё фактически основывается на помощи в развитии. Существует ясная необходимость в переходе к последовательному поощрению самодостаточного развития по тем же направлениям, что и обновлённая Лиссабонская Стратегия – в приоритетах которой инновации, образование и окружающая среда – через совместные программы и признание того, что Индия и Китай сегодня – основные экономические игроки, вовлечённые в процесс быстрого научного и технологического развития. Этот переход уже был предложен в 2007-2013 EU Country Strategic Papers по Китаю и Индии, где ЕС определяет свои отношения с обеими странами, которые переходят от статуса просто получателей помощи по развитию к стратегическим партнёрам.

Этого, однако, недостаточно для того, чтобы работать вместе на глобальную повестку дня, сфокусированную на развитии, каким бы ни было её подлинное содержание. Растущие мировые силы и другие главные акторы в международной сфере также должны предпринять коллективную попытку предотвратить главные гуманитарные проблемы, включая те, что появляются в результате изменения климата, последующие природные катастрофы, и те, которые возникают вследствие кризисов и конфликтов, всё ещё мучающие международную жизнь. Одна из наиболее сложных проблем, к которой нужно

обратиться в стратегическом диалоге с глобальными партнёрами, касается условий законного использования военной силы. Несмотря на широкие протесты против военной интервенции, в том числе – из гуманитарных соображений, появившихся после вторжения США в Ирак, ситуация, в которой всё ещё и правомочно, и необходимо обращаться к помощи силы без согласия воюющих сторон для предотвращения преступлений, например, против человечества, всё ещё сохраняется. Международное сообщество не может оставаться бессильным перед лицом геноцида, как в Руанде и Дарфуре, не потеряв своей легитимности.

Один из наиболее серьёзных рисков для нынешней международной системы, который определённо противостоит многосторонности, возникает из серьёзного искажения, вызванного т. н. культурной/цивилизационной парадигмой, которая делит мир на потенциально враждебные цивилизационные блоки, наталкивая «Запад» на «Остальных». Последние, по определению Хантингтона, представляют собой потенциальный альянс ислама с конфуцианством. Хотя в этом немного здравого смысла, возможность возникновения будущей американо-китайской биполярности, повторяющей раскол «Холодной войны», нельзя полностью сбрасывать со счетов. Это – одна из возможных форм регресса интернациональной системы, которая была описана выше.

Большая коалиция Запада не является ни желательным, ни целесообразным способом построить многосторонний мировой порядок. Мировой порядок больше зависит во многом не от долгосрочного партнёрства равных между ЕС и США, а от более широкого, содержательного глобального партнёрства между старыми, новыми и развивающимися мировыми игроками по осуществлению общесогласованных международных задач. Это несовместимо с вооружённой «лигой демократий» с предложением американского лидерства, которое сильно ослабит ООН. То же можно сказать и о предложении открыть членство в НАТО «любой демократии мира». Несомненно, избежать трансформации НАТО в глобальный альянс, альянс демократий против всех остальных – первостепенная задача ЕС, если он ставит перед собой задачу построить эффективную многостороннюю систему, способную интегрировать в себя все силы. Одновременно попытки создать разделение сил на «hard power» США и

«soft power» ЕС, включающую незначительный военный компонент, способный справляться с nation-building и подобными заданиями, в то время как использование «hard power» остаётся в основном американским, вредоносны для честного и справедливого многостороннего мирового порядка. Отсюда следует, что эффективная многосторонность недостижима без серьёзных изменений во внешней политике Америки. США – важный элемент будущего мирового порядка. Неудача военной однополярности в Ираке открывает возможность для этого. Многие в Америке считают, что сейчас – самое время, чтобы обратиться к остальным и дать всем глобальным игрокам возможность участвовать в выстраивании международного порядка. Это вернёт Соединённым Штатам статус мощной силы в многостороннем порядке, для которого они будут «отцом-основателем», как после Второй мировой войны.

Формирование универсальной концепции «эффективной многосторонности» требует начала диалога о том, что собой представляет «эффективная многосторонность» на самом деле, не только с большими силами, но и со всем международным сообществом. Это – непростая задача. Европейская внешняя политика может быть действительно успешной только в том случае, если она обратится к «становящейся многосторонней многополярности» и начнёт стратегическое сотрудничество с регионами или странами, которые ЕС определяет как наиболее подходящие для борьбы с настоящими глобальными проблемами. Европейский Союз развернул обширную сеть двусторонних сотрудничеств и встреч-саммитов с отдельными силами, с важными региональными группами, такими как АСЕАН, Африканский Союз, МЕРКОСУР или Латинская Америка, со своими южными соседями – в контексте евроатлантического сотрудничества.

Развитие общей экономики и даже политической двусторонней повестки дня для двух больших сил, не может, однако, отвлечь ЕС от растущей важности других глобальных игроков: региональных или межрегиональных ассоциаций, государств, международных организаций и неправительственных организаций, иногда являющихся лучшими носителями универсальных ценностей, которые защищает ЕС в управлении глобального регулирования, наиболее надёжными защитниками прав человека и лучшими союзниками «становящейся многосторонней многополярности». Единственный способ наде-

лить дипломатию в верхах долгосрочной системностью заключается не только в преследовании правительствами установленных целей, но также в создании обширной сети отношений между гражданскими обществами всех наших партнёров, включая страны, в которых неправительственные акторы встречаются с большими проблемами. Как заявил Хавьер Солана: «Выйти за пределы правительственно-центричного взгляда на мир, преобладающего на Западе, это то, чего требует дипломатия XXI века» .

Определение Европейским Союзом эффективного многостороннего порядка подразумевает необходимость в использовании военной силы в определённых обстоятельствах для борьбы с реальными вызовами международному миру и безопасности. Это должно происходить под прикрытием ЕС при полноценном сотрудничестве региональных организаций и новейших глобальных игроков, в частности – демократических Индии, Бразилии и ЮАР, составляющих Южную Коалицию и IBSA Dialogue Forum . Сближение этих стран на пути к концепции культуры человеческой безопасности, кризисного регулирования и государственного строительства, которой они поделятся с ЕС, нужно поощрять. Выстраивание консенсуса вокруг принципов и практики ответственности ради безопасности с Китаем и Россией также необходимо, не только для того, чтобы избежать препятствий при голосовании в СБ ООН, но и с точки зрения того вклада, который они могут и должны сделать в деле международной безопасности.

Заключение

Можно спорить с тем, что статус ЕС как глобального мирового игрока зависит от его способности сформировать мировой порядок, основанный на многосторонности . Вклад ЕС должен содержать три различных измерения.

Во-первых, содействие праву и обязанности защищать, которые исходят из сознания, что международное сообщество и ООН в частности ответственны за защиту прав личности сверх суверенных границ. Это означает, что ЕС должен быть активен в защите прав человека и демократии – в т. ч. и через двустороннее сотрудничество со всеми глобальными игроками. Такой подход совпадает со взглядом,

который выразил Кофи Аннан в своём Докладе, приуроченном к началу нового тысячелетия: «суверенность государства не может быть защитной стеной для нарушения прав человека».

Во-вторых, признание преимуществ регионализма, феномена, который должен активно поощряться Европейским Союзом, чтобы он смог развиваться в структурный элемент международной системы в целом. Это значит, что Союз должен развивать цепь межгрупповых двусторонних сотрудничеств с региональными группами, и вносить региональную интеграцию в качестве приоритета своей двусторонней повестки дня в работе с глобальными игроками.

И? В-третьих, появление глобального общественного мнения, «второй волны» глобализации, которая выражает стремление гражданского общества влиять или участвовать в глобальном принятии решений. Как и глобализация торговли, финансов и услуг, это измерение глобализации создаёт необходимость в усиленном многостороннем управлении. Это означает сильную вовлеченность ЕС с НПО во все уровни внешних действий.

В нынешней международной системе общее благо требует наличия эффективного глобального управления, как недавно вновь заявил Европейский Совет . Но глобальное управление, в свою очередь, требует адаптации международных организаций к новой структуре мировой власти. До тех пор, пока структуры глобального управления, начиная с Совета Безопасности ООН и заканчивая МВФ, не полностью интегрировали в себя новые мировые центры международной системы, будет сохраняться тенденция роста соревнующихся и совсем неэффективных узких группировок. Принцип двусторонних отношений и присущая ему тенденция создания нестабильных альянсов также продолжит расширяться. Но такие узкие формы лидерства, хотя они могут сыграть роль в выстраивании мостов, неспособны заменить собой многосторонний порядок, при котором новейшие и появляющиеся силы смогут полностью принять свои международные обязанности.

Перевод с английского *Андрея Коваленко*

Ю. А. Матвиенко

Парадоксальная логика и её вклад в геополитику XXI века

*(ядерное оружие как фактор формирования
и поддержания современного многополярного мира)*

«Кто стреляет первым, тот умирает вторым»

Философия Дикого Запада XIX в.
и политики ядерного сдерживания XXI в.

«То, что известно всякому, уже случилось.

Того, что известно мудрому, пока ещё не существует»

Чжан Юй, биограф времён династии Сун

Историю стран и народов в каком-то смысле можно представить моделью всевозможных слияний и поглощений, как непрерывный процесс смены и перераспределения политических ролей на исторической сцене.

На одних только просторах Евразии за последние две с половиной тысячи лет появились и канули в Лету Персидская империя, империя Александра Македонского, Монгольская империя Чингисхана, империя Великих Моголов. Расцвела и исчезла на просторах Древнего Китая империя Цинь, а вслед за ней и им-

перия Хань. Заблестал богатством и роскошью, а затем потух Рим. Пала под ударами османов тысячелетняя Византия. Канула в вечность и сама Великая Порта. Нет больше на карте мира империй Британской и Испанской. Разбилась о Российскую империю молодая империя Наполеона Бонапарта. А через столетие с небольшим рухнула и сама Российская империя. В начале XX века исчезли с политической карты мира Австро-Венгрия и кайзеровская Германия. В середине прошлого века, всего через 15 лет развалился гитлеровский «Тысячелетний Рейх», а вслед за ним рассыпалась под ударами союзников и императорская Япония. В конце XX века закончилась и почти 70-летняя история Советского Союза.

Мир сменялся войной, в результате которой наступал скорее не мир, а передышка перед новой схваткой. Центристремительные процессы формирования империй – своеобразных полюсов силы, претендовавших на мировое господство и поглощавших попавшие в круг их интересов страны и народы, – сменялись процессами центробежными, в результате которых на осколках империй рождался шаткий и непродолжительный мир с новым распределением геополитических ролей.

До сих пор основным способом смены ролей на политической сцене, основной «технологией» слияний и поглощений стран и народов, остаётся вооружённое насилие. К сожалению, при такой технологии процессы слияний и поглощений (как и процессы распада целого на части) сопровождались в мировой политике массовой гибелью населения. Причём, чем совершеннее были вооружены армии противников, тем количество жертв как среди солдат и офицеров, так и среди мирного населения неуклонно росло.

Так, по данным историков, за период с 1601 по 1700 год в войнах погибло около 3,3 млн. человек. С 1701 по 1800 год в войнах погибло примерно 5,3 млн. человек, с 1801 по 1913 год – 5,6 млн. человек. Первая мировая война унесла жизни уже 10 млн. человек, оставив искалеченными 20 млн. человек. Вторая мировая война вычеркнула из жизни свыше 50 млн. человек¹. В конце этой самой жестокой войны было впервые применено неведомое доселе ядерное оружие. Ожидаемый политический эффект оно произвело: так, по официаль-

¹ Арбеков Б. Г. Нужно ли ядерное оружие для XXI века?. – М.: 2000.

ным японским данным количество погибших непосредственно от взрыва атомных бомб в Хиросиме и Нагасаки в августе 1945г. составило от 70 до 90 тысяч человек и от 60 до 80 тысяч человек соответственно, а всего количество умерших от атомных бомбардировок на август 2009г. составляет более 413 тысяч человек (соответственно 263 945 в Хиросиме и 149 226 в Нагасаки).

Тем не менее, в Большой политике силы, пытающиеся претендовать на новые роли, по-прежнему предпочитают бить в «барабаны войны», исповедуя философию насилия. В своих действиях они опираются не на классическую прямолинейную логику, а продолжают следовать парадоксальной формуле, известной ещё со времен Римской империи: «*Si vis pacem, para bellum*» – «хочешь мира – готовься к войне». С высоких трибун по всему миру всё ещё звучат призывы ряда политиков о том, что «хорошая боеспособность отбивает желание нападать, которое слабость может пробудить, и тем самым поддерживает мир»¹.

Такие парадоксальные заявления в современной истории не новость.

Так, Фридрих Ницше философствовал в веке XIX: «Только тогда можно молчать и быть невозмутимым, когда есть лук и стрелы: иначе возникают ссоры и пустословие».

В веке XX свой знаменитый принцип сформулировал американский гангстер Аль Капоне: «Добрый словом и револьвером можно добиться гораздо большего, чем одним только добрым словом».

Наиболее концентрированно парадоксальная логика оказалась выражена в знаменитой фразе из романа Дж. Оруэлла «1984»: «Война – это мир. Мир – это война». При этом как-то забывается, что «тщательно подготовленная боеспособность может обеспечить мир и совсем иным способом: убедив слабого сдаться сильному без боя»².

Уже давно подмечено, что в обыденной жизни, в сфере производства и потребления, коммерции и культуры, социальных или семейных отношений успешно правит прямолинейная логика, суть которой составляет обычный здравый смысл³. Но в области полити-

¹ Люттвак Эдвард Н. Стратегия: логика войны и мира. – М.: «Русский Фонд Содействия Образованию и Науке», 2012.

² Там же.

³ Гусев Д. А. Удивительная логика. – М.: ЭНАС, 2012.

ки, Большой стратегии, в военном искусстве, где человеческие отношения обусловлены реальным или возможным вооружённым конфликтом, действует совсем другая логика, ведущая «к совпадению и взаимообращению противоположностей»¹. Вот несколько наиболее ярких высказываний, подтверждающих этот тезис.

«...Мы лишаемся досуга, чтобы иметь досуг, и войну ведем, чтобы жить в мире», - говорил Аристотель.

«Если ты и можешь что-нибудь, делай вид, что не можешь. Если ты и пользуешься чем-нибудь, показывай, будто ты этим не пользуешься» (Сунь Цзы «Искусство войны»).

«Война тем лучше, чем больше зла она причиняет» (Виктор Гюго).

«Чтобы нация оставалась здоровой, она должна воевать каждые двадцать пять лет» (Бенито Муссолини).

«Чем искуснее войска в деле уничтожения вооружённых сил врага, тем экономнее будет ведение войны» (Михаил Тухачевский).

И, наконец, современный парадокс демократии: «В честной борьбе побеждает жулик». И таким высказываниям несть числа.

Но вот что интересно. Следование парадоксальной логике («хочешь мира – готовься к войне») до середины XX века так и не смогло уберечь человечество от массовой гибели людей, голода, разрушений и других ужасов войны. Более того, только за один XX век с интервалом всего в 20 лет мир был свергнут сторонниками политики бесконтрольного вооружения в две мировые войны. При этом поражающая мощь оружия уничтожения за мирный период между двумя этими войнами выросла настолько, что примерно за одно и то же время Вторая мировая война унесла в 5 раз больше жизней, чем Первая.

Лишь за последние 67 лет, с появлением в арсенале ведущих мировых держав ядерного оружия, способного уничтожить всё живое на земле, мир смог избежать крупномасштабной войны. Благодаря политике «ядерного сдерживания», борьба за перераспределение ролей с начала 50-х годов XX века из горячей фазы сперва перешла в фазу войны «холодной», а затем информационно-психологической

¹ Люттвак Эдвард Н. Стратегия: логика войны и мира. Указ. соч.

и, наконец, в войну «консциентальную» (от латинского *conscientia* – сознание) или войну смыслов¹.

Мир Большой политики так и не вышел за пределы парадоксальной логики. В её категориях политика ядерного сдерживания сегодня формулируется примерно так: чтобы защититься, мы должны быть готовы напасть в любую минуту². Или как сказала в своё время премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер: «Потенциальный агрессор должен знать, что в случае развязывания им войны, он получит ответный сокрушительный удар»³. При этом состояние готовности ядерных сил должно быть таково, чтобы ракетно-ядерный удар по агрессору мог быть нанесён в любых условиях обстановки.

Положения политики ядерного сдерживания закреплены в основных документах многих стран. Так, в военной доктрине России 2010г. прямо сказано: «Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства»⁴.

При этом быть готовым к ракетно-ядерному удару с целью «неотвратимого возмездия» в любой точке земного шара, создание всё новых и новых ракетных комплексов стратегического назначения, оснащённых всё более «хитрыми» боевыми блоками, разработка устойчивых к внешнему воздействию систем управления носителями ядерного оружия является, как ни парадоксально, свидетельством мирных намерений страны – обладателя ядерного оружия. А вот создание системы противоракетной обороны, согласно парадоксальной логике, – есть акт проявления агрессии или политическая провокация страны – обладательницы ядерного арсенала⁵.

¹ Люттвак Эдвард Н. Стратегия: логика войны и мира. Указ. смчч.

² Люттвак Эдвард Н. Стратегия: логика войны и мира. Указ. соч.

³ Арбеков Б. Г. Нужно ли ядерное оружие для XXI века?». – М.: 2000.

⁴ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации 5 февраля 2010 года.

⁵ Ядерное распространение: новые технологии, вооружения и договоры / под ред. А. Арбатова и В. Дворкина. – М.: РОССПЭН, 2009.

Под углом зрения парадоксальной логики рассмотрим теперь проблемы формирования и сохранения многополярного мира, который складывается на наших глазах.

В настоящее время существует достаточно много трактовок понятия «многополярный мир». В статье под многополярным миром понимается «система международного жизнеустройства, при которой существуют несколько государств или союзов государств — центров экономического и политического влияния, действующих в качестве обеспечения мировой стабильности, безопасности и независимости развития». В идеале многополярность предполагает наличие в мире нескольких полюсов силы (военный полюс, цивилизационный полюс, политический полюс и экономический полюс), не превосходящих и не распространяющих своё влияние друг на друга и не обязательно принадлежащих одному государству. Но это в идеале.

Вообще на том или ином этапе своего развития мир может быть одно-, двух- и многополярным. Так, из Второй мировой войны человечество вышло, образовав двуполярную систему. Во главе центров силы стояли СССР и США. Таким мир и оставался почти 50 лет.

В этот период сложилась и структура типового центра или полюса силы: четыре геополитические зоны, в виде окружностей входящие одна в другую. Сердцевиной полюса силы является так называемая зона «имперского центра». Её окружает зона «сателлитов», которая, в свою очередь, окружена зоной «буферных держав». Именно в этой зоне идёт основная борьба за влияние между различными центрами силы. Внешним контуром полюса силы является «периферийная» зона, не представляющая до поры до времени интереса для ключевых игроков очередной геополитической партии по перераспределению ролей.

При таком подходе правильный геополитический выбор национальной стратегии начинается с правильного позиционирования текущего и желаемого места страны в четырёхзонной мировой системе. Неправильное же определение своего текущего и желаемого, грядущего местоположения ведёт государство к неизбежному внешнеполитическому краху, причем тяжкие последствия вызывает как недооценка, так и переоценка своего места в этой иерархии.

Так, после распада СССР перестал существовать один из имперских мировых центров. Вслед за этим изменили свою конфигурацию

зоны сателлитов и буферных держав. Россия как правопреемница СССР узнала на деле цену «вечной дружбы» и «добрососедских отношений». Её даже одно время стали рассматривать как «Верхнюю Вольту с ракетами». А на бывшей территории сверхдержавы, ставшей лишь «великой шахматной доской», начали свою партию заокеанские геополитические игроки.

«Фактически весь внешнеполитический процесс начала 90-х годов в России – это борьба двух концепций: страны-сателлита США и периферийной державы, “не имеющей врагов”. Понятно, что попытки России сохранить былых союзников и свою сферу влияния в рамках такой политики выглядели жалко и были изначально обречены. Данная ошибка позиционирования привела в конце 90-х к тяжелым и неизбежным последствиям: фактической внешнеполитической изоляции страны и потере почти всех и реальных и потенциальных военно-политических союзников России, которые имеют смысл только как союзники имперского центра силы, который в состоянии обеспечить их безопасность и защитить их права, и совершенно бессмысленны в иной ситуации»¹.

Несколько иную ошибку совершили в это время и США. Политическое руководство Америки посчитало: раз нет Советского Союза, то теперь осталась одна супердержава – Соединенные Штаты. Вместе с тем, супердержава – это понятие, которое измеряется не только количественными характеристиками, но главным образом качественными критериями. Во время «холодной войны» сверхдержавы объединяли вокруг себя конгломераты других государств, обеспечивали их безопасность и диктовали им условия поведения. Сегодня такого положения нет. Да, Соединенные Штаты – самое сильное и в экономическом, и в военном отношении государство, и самое сильное по своему политическому влиянию. Все это факт. Но это уже не сверхдержава. И если кто-то продолжает политику «сверхдержавизма» в эпоху «глобального политического пробуждения», то он не опирается на объективное понятие этого явления»².

¹ Борисов Борис. Многопроклятый мир. Статья на сайте портала «Русский обозреватель». 02/02/2009 г. <http://www.rus-obr.ru/ru-club/1812>

² Бжезинский З. Ещё один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. – М.: Международные отношения, 2007.

Если взять историческую аналогию с Россией XVI века, то с момента распада СССР, а это уже более 20 лет, наступило и пока ещё продолжается «новое смутное время». В мировой политике стали преобладать центробежные силы, которые привели к смещению и смешению полярностей и зон классических центров силы. Можно сказать, что с середины 90-х годов XX века мир находится в «жидком» многополярном состоянии. И тому, что до сих пор идёт «брожение политических умов», что не произошла преждевременная кристаллизация новых искусственных центров силы под действием такого катализатора, как военная мощь США, на наш взгляд, в немалой степени способствовало наличие у основных геополитических игроков ядерного оружия. Как ни парадоксально, но благодаря самому разрушительному оружию мир защищён от принятия скоропалительных и непродуманных политических решений. Политика «большой дубинки», «канонерок», «правды больших батальонов» благодаря наличию ядерного оружия ушла в прошлое.

На этом фоне существенным фактором внешней политики России стало принятие в апреле 1997 г. совместно с Китаем «Декларации о многополярном мире и формировании нового международного порядка», 15-летие со дня подписания которой мы как раз и отмечаем в эти дни и к чему, собственно, и приурочена нынешняя конференция. Декларация дала понять, что Россия не уходит из Большой политики и готова в новом формате стать одним из вновь формируемых полюсов силы. Этой линии наша страна и придерживается прошедшие 15 лет.

Тем не менее, «прилагая усилия для содействия развитию многополярного мира и установлению нового международного порядка»¹, необходимо учитывать те объективные особенности и закономерности, те плюсы и минусы, которые присущи многополярному миру.

В частности, многополярный мир открывает для держав «имперской» зоны настоящую ярмарку союзнических вакансий, где возможны почти любые комбинации, и это кардинальное отличие его от мира одно- и двухполярного, где такая политическая комбинаторика существенно ограничена. При этом в многополярном мире состоя-

¹ Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка» от 23 апреля 1997 г.

ние обороны и безопасности становится главной задачей метрополии, из которой вытекают все остальные стабильности - и экономическая, и политическая и социальная. То есть парадоксальная логика продолжает действовать и в новых условиях.

В целом переход к многополярности в международной практике - это неизбежная замена концепции мягкой силы ("soft power") на концепцию твёрдой силы ("hard power"), возврат к прямому военному вмешательству вместо "цветных революций", соревнование за объём сферы влияния вместо свободного соревнования открытых национальных экономик.

Классический многополярный мир, где никто не имеет решающего преимущества в одиночку, и может проводить свою линию только в коалиции с другими центрами силы - это система, в которой «малая страна, народ могут лишь выбрать, какой центр силы будет использовать их для наращивания своего военного и экономического потенциала; и это в лучшем - могут, а в большинстве случаев просто будут лишены и этого выбора»¹. Можно сказать, что многополярный мир - это такая комбинация союзов и коалиций, где принципов нет, а есть только интересы. Агрессивность и непредсказуемость многополярной модели прописаны в самой её матрице, в модели развития, и неустранимы никакими международными механизмами, соглашениями или переговорами - и в силу фундаментальных неравномерностей развития капитализма и в силу конъюнктурных причин.

Таким образом, страны в многополярном мире рано или поздно в силу множества причин и факторов разделятся на великие державы (центры силы), которые будут донорами (спонсорами) суверенитета и безопасности для малых и средних стран - реципиентов этой безопасности из буферной и периферийной зон. В свою очередь, страна, претендующая на новую роль в качестве полюса или центра силы в современном многополюсном мире, просто обязана будет иметь ядерное оружие.

Пример Ливии и Ирана в этом плане очень нагляден: безоружную в ядерном отношении Джамахирию отдали на растерзание с благословления ООН не самым сильным армиям Европы. В итоге страна оказалась на грани распада и затяжной гражданской войны.

¹ Борисов Борис. Многопроклятый мир. Указ. соч.

А вот с Северной Кореей такой номер уже не пройдет, особенно если «Страна утренней свежести» выведет-таки успешно на околоземную орбиту свой первый спутник.

Более того, чтобы не стал новым центром силы обладающий ядерными технологиями Иран, операцию по его «нейтрализации» готовится провести очень разношерстная публика: здесь и христиане блока НАТО во главе с США, и исповедующий иудаизм Израиль, и некоторые последователи пророка Мухаммеда. Во истину, все принципы отброшены в угоду интересам! Но боязнь получить болезненный асимметричный ответ со стороны Ирана очень сильно охлаждает пыл стратегов как за океаном, так и за стеной Плача.

Кстати, помимо собственной разработки, есть и другой путь получить в руки «ядерную булаву» для формирования своего центра силы – коалиция. Так, Германии вряд ли дадут в обозримом будущем иметь своё ядерное оружие. Но, добившись ведущей роли в Европе, подмяв под себя экономику ЕЭС, Германия вполне сможет использовать для формирования очередного «рейха» и его дальнейшей защиты ядерные силы Франции.

С положительной точки зрения, наличие многополярного мира является залогом сохранения баланса политических, экономических, культурных и иных интересов государств и народов. Человечество устроено таким образом, что существование единого мирового стандарта, диктата образа жизни, идеологии и других интересов противоречит национальным устремлениям государств и народов, их населяющих. Тезис о многополярном устройстве мира является одним из основных принципов внешней политики многих государств, в том числе и России, ибо каждое государство имеет право, исходя из своих конкретных условий, независимо и самостоятельно выбирать путь развития без вмешательства со стороны других государств. Различия же в социальном строе, идеологиях, системах ценностей не должны становиться препятствием для развития нормальных межгосударственных отношений. И в этом им, как ни странно, может опять же помочь наличие ядерного оружия.

Но обладание ядерным оружием требует от руководства стран особой ответственности и взвешенности всех принимаемых решений. Не следует забывать того, что сказал по этому поводу А. Эйнштейн - один из создателей атомной бомбы: «Я не знаю, каким

оружием будут сражаться в Третьей мировой войне, но в Четвёртой мировой войне будут сражаться палками и камнями».

На наш взгляд, период смуты скоро закончится, и в ближайшем будущем многополярный мир выкристаллизуется и будет представлять собой ряд империй в границах цивилизаций. При этом каждый центр силы (метрополия и часть её сателлитов) будет обладать ядерным оружием, способным поражать метрополию другой империи в случае «столкновения» интересов этих цивилизаций в буферной зоне или на периферии.

Пора уже понять, что России нет места в глобальной американской империи, но нам не удастся долго сопротивляться и в формате ресурсного регионального государства. Остается только один выход. «Мы должны начать строить свою империю. Эта империя должна быть намного большей, чем границы современной Российской Федерации, но гораздо уже, чем планетарный замах глобалистов. И возможно это только в рамках многополярного мира. Если эти интеграционные процессы будут развиваться с достаточной скоростью, то на их основе вскоре возникнет новая форма суверенитета: суверенитет империй, а не государств. Сформируется новый многополярный мир, где границы будут пролегать не между государствами, а между цивилизациями. Только такие новые суверенные империи смогут остановить американский глобализм, перевести его в ограниченное русло». Только в таком многополярном мире у России есть шанс и сохранить свои суверенитет и идентичность, и остаться включенной в процессы технологической модернизации. Будущая Евразийская Империя сохранит неприкосновенными цивилизационные границы, куда кроме самой Российской Федерации рано или поздно вполне могут войти и большинство стран СНГ, а также близкие к нам православные державы – Сербия, Болгария, возможно, Молдова и даже Румыния на Западе – и некоторые страны Азии, такие, как Монголия и даже Афганистан.

Необходимо понять, что многополярный мир не создается несколькими государствами; он формируется естественным образом в случае появления у всех крупных политических игроков потребности в нем. Поэтому заявления о том, что мир должен быть многополярным, – благое пожелание, а расчеты на то, что он будет лучше однополярного, – иллюзия.

В заключение хочется сказать следующее.

В далёком августе 1945 г. после бомбардировки американцами японских городов Хиросима и Нагасаки мир с ужасом узнал, что такое атомная бомба и к каким чудовищным последствиям может привести ядерная война. За это время от последствий лишь двух атомных взрывов ушли из жизни сотни тысяч людей, а ещё десятки тысяч до сих пор испытывают на себе действие его поражающих факторов. Но, как это ни парадоксально, вот уже много десятилетий именно ядерное оружие служит делу предупреждения новой мировой войны. И это своего рода достижение в истории склонной к насилию человеческой цивилизации. Академик Ю.Б. Харитон в своё время отмечал: «Без ядерного сдерживания ход истории был бы иным, более агрессивным. По моему убеждению, ядерное оружие необходимо для стабилизации, оно способно предупредить Большую войну, потому что в нынешнее время решиться на неё может только безумец».

Хотим мы того или не хотим, но наличие огромного ядерного потенциала на нашей планете и опасность, в связи с этим, уничтожения в случае возникновения мировой ядерной войны не просто человеческой цивилизации, а и всего живого на земле, заставляет правительства ядерных держав быть разумней и осмотрительней.

Таким образом, ядерное оружие, как бы это ни парадоксально звучало, способствует сохранению мира на Земле и формированию на ней мира многополярного, но не как «вынужденного зла», а как реальности, отражающей «многоликость современного мира с разнообразием его интересов».

Е. Н. Грачиков¹

Взгляд Китая на современное мироустройство и многополярность

После распада биполярного мира и резко возросшей роли КНР в мировых делах в Китае интенсифицировались исследования в области глобальной геополитики. Тон стали задавать военные, которые инициировали разработки по таким темам, как государственные интересы, национальная безопасность и морская геостратегия. Появились теоретические изыскания по вопросам сухопутной силы Китая (стратегия «умиротворить Запад, опереться на Север, бороться за Восток и Юг» - «安西,靠北,争东南») и морской силы (стратегия «на Юг, через Моря, в Глобальный мир»-«向南-向海-向全球»), больших приграничных районов, геополитических границ, сфер действия национальных интересов за пределами собственных государственных границ. Во многих китайских теоретических разработках мы встречаем элементы многополярности («多极化»), идет ли речь об анализе политических или экономических проблем международных отношений. Однако, правды ради, надо сказать, что в китайских научных журналах и монографиях вы не встретите отдельных исследований по многополярности. Эта тема не актуальна в Китае.

Остановимся, тем не менее, на некоторых положениях китайских стратегий и теорий, в которых затрагивается тема многополярности. В геополитической науке Китая одной из первых появилась концепция директора Центра стратегических исследований Института международных отношений Пекинского университета профессора Е Цзычэна (Ye Zicheng) о трех этапах развития силы Суши, которая, как подчеркивается автором, не является продолжением западной геополитической мысли, а сформировалась на собственных ки-

¹ Кандидат политических наук, заместитель декана социологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова.

тайских исторических, культурных и философских корнях. Третий этап развития силы Суши, утверждает ученый, является абсолютно новой концепцией, которая строится на пяти основаниях: земле («土»), человеке («人», народе «人民»), развитии («发展»), Евразии («欧亚大»), комплексности («综合», взаимосвязанности всех пространств, особенно информационного и кибер). Особый акцент Е Цзычэн делает на тезисе о Евразии. Он считает, что Китай, как государство восточной части Евразии, должен развивать стратегические партнерские отношения с державами пространства суши Евразии. Китай может иметь всестороннее сотрудничество только с такими тремя центрами силы Евразии, как Европа, Россия и Индия. Сотрудничество с ними означает для Китая будущее. Только при мирной окружающей обстановке Китай сможет создать гармоничный мир. Как видим, теоретические выкладки Е Цзычэна о центрах силы евразийского континента не что иное как карта будущего многополярного мира силы Суши. Многие идеи Е Цзычэна прямо перекликаются с положениями о Евразии, высказанными основателем русской школы геополитики Дугиным А.Г. еще в середине 90-х годов прошлого столетия.

Другой китайский ученый директор Института США Китайской академии современных международных отношений Юань Пэн (Yuan Peng) делает следующий анализ нынешней ситуации в мире. В новую эпоху изменения международной системы Китай тоже находится в процессе «самостоятельной» и «совместной» с другими странами трансформации. Китай является важной движущей силой изменения мировой системы, а также её главным результатом. Поэтому встает законный вопрос о месте Китая в 21 веке. Китайские исследователи, обращает наше внимание Юань Пэн, пришли к выводу, что Китай сейчас представляет из себя государство, отражающее четыре не одинаковые по своей природе сущности, которые можно условно назвать «четыре в одном» («四合一»). В первую очередь Китай – это развивающаяся страна (developing country) и будет еще долгое время оставаться такой. Китай также является поднимающейся державой (rising power), одной из стран БРИКС, которые олицетворяют подъем новых держав и смещение мировой силы на Восток. Китай – это глобальная держава (global power) или, как некоторые ученые называют, «региональная держава с определен-

ным глобальным влиянием». С каких бы точек зрения мы сейчас ни рассматривали Китай, или как одного из пяти постоянных членов Совета безопасности ООН, или по критериям масштаба экономики, золотовалютным резервам, количеству населения, географическим размерам и международному влиянию, Китай действительно отвечает критериям глобальной державы. И последнее. Китай – это квази-сверхдержава (quasi-supergower), которая занимает второе место в мире после США. Все остальные страны далеко позади. Эта самооценка Китая для нас очень важна, так как позволяет, с одной стороны, понять сложность положения Китая в мировой политике, его амбиции, а, с другой стороны, дает нам возможность правильно выстраивать свои взаимоотношения с Китаем.

Из происходящих изменений международной политической архитектоники Юань Пэн делает следующие выводы. Первое. По абсолютной мощи США по-прежнему остаются на первом месте, хотя и находятся в процессе ослабления. Эпоха однополярной гегемонии США больше не вернется. «Новая политика» Обамы может придать только импульс «мягкой» и «твердой» силе США, но она уже никогда не сравнится с силой США середины и конца 90-х годов 20 века. США по-прежнему «одна сверх(держава)супер», но уже не «единственный гегемон -独霸». Второе. В краткосрочной перспективе не может наступить «эпоха двух полюсов» («两极时代»). Хотя американцы и выдвинули идею о «G2», в соответствии с которой США играют роль старшего брата («美国当老大»), а Китай – младшего («中国当老二»), в ней ни слова не говорится, что Китай будет равным полюсом («对等一极»), что естественно унижает Китай и не даёт ему возможность договориться с американцами по этой формуле. И третье. Для нас с вами самое главное. Юань Пэн отмечает, что ускоряется процесс многополярности. Структуризация G20 – это одно из явных свидетельств этого процесса. Если после «холодной войны» была ситуация «одна сверх(держава) и много сильных(стран)» («一超多强»), то последние 5-10 лет наблюдается прямо противоположное – «много сильных и одна сверх» («多强一超»). Если раньше США были единственной силой, которая руководила миром, то сейчас «много сильны(держав)» сотрудничая руководят миром.

Юань Пэн также говорит о новой тенденции в мировой политике – существование различных моделей социально-политического

развития стран и их соревнование между собой. Финансовое цунами 2008 года углубило знание людей о многообразии моделей развития и у них стали возникать вопросы к англо-американской модели развития, которая существует по формуле «свободная демократия + рыночная экономика». Сейчас процветают различные модели развития, такие как европейская континентальная модель, представленная Германией и Францией, китайская модель, российская, модель морских заливов, латиноамериканская и стран АСЕАН. Соревнование моделей и их взаимопроникновение стало новым веянием и идейной новацией нашего времени. Это многообразие форм развития импонирует Китаю, т.к. позволяет ему избегать критики со стороны Запада о навязывании китайской модели развивающимся странам. Акцентирование китайского ученого на многообразии развития полностью совпадает с идеей Дугина А.Г. о том, что многополярность – это многообразие во всем: развитии, идеологических течениях, пространствах.

Геополитика Китая в 21 веке перешагнула свои национальные границы и активной экономической деятельностью стала влиять на перераспределение сфер влияния мировых центров силы (США, Европа) в свою пользу, вытесняя их из многих регионов, где они до недавнего времени доминировали. В связи с этим не только ученым, но и политическим элитам других стран просто полезно знать и учитывать в своих внешнеполитических планах представления Китая о мировой геополитической архитектонике, месте своей страны в иерархии интересов второй державы мира. Китайский исследователь пространственных взаимоотношений государств, главный редактор журнала «Contemporary International Relations» Китайской академии современных международных отношений Лю Липин (Liu Liping), например, приходит к выводу, что в современном мире существуют четыре типа государств – сверхдержавы, сильные, средние и слабые. К первой, группе сверхдержав («超极大国»), относится всего одна страна – США. Для выполнения функции «международного жандарма» Америке приходится сохранять высокий уровень военных расходов. Политика США соответствует теории реализма, а также теориям геополитики и «морского могущества» Мэхэна. Для защиты своих глобальных торгово-экономических интересов США должны руководить выработкой международных законов. В связи с тем, что

политика США носит глобальный характер, американским ученым волей-неволей приходится вырабатывать «правила игры», поэтому почти все главные теории международных отношений выдвинуты американцами, о чем в своем докладе говорил Дугин А.Г. Вторую группу «сильных стран» («强国»), составляют Англия, Франция, Германия, Япония, Китай, Россия, Индия, Бразилия и др. Комплексная мощь каждой из этих стран меньше американской, но все они занимают места в первой двадцатке мировых держав. Они принимают участие в глобальных делах, но основные усилия направляют на свои регионы. В этой ситуации главное положение реализма, в т.ч. теория баланса сил особенно подходят сильным державам. Использование принципа «баланса сил» в качестве цели заключения союзов или реальный союз и даже угроза заключения союза стало главным способом противодействия Китая Америке. США весьма чувствительно относятся к китайско-российским отношениям и китайско-российско-индийским контактам. Поэтому сильные державы в качестве своей стратегии должны использовать теорию баланса сил. Участие Китая в ШОС и БРИКС, учитывая вышеизложенное, можно рассматривать как пример противодействия Китая гегемонии США. К третьей группе относятся «страны среднего уровня» («中等国家»). Это самая многочисленная группа. В международной политической архитектонике они представляют средний класс, который включает в себя обычные страны Северной и Восточной Европы, Ближнего Востока, Центральной и Юго-Восточной Азии, Африки и Латинской Америки. У каждой из этих стран практически отсутствует возможность самостоятельно влиять на решение глобальных и даже региональных проблем. Главные их дипломатические усилия концентрируются на двухсторонних и пограничных проблемах, а строительство вооруженных сил направленно на решение пограничных проблем путем ограниченных по масштабу военных действий. Эти союзы совсем не похожи на союзы сильных держав, построенных на принципе баланса сил. Союзы средних стран как минимум должны включать в себя более десяти стран и только тогда они могут считаться эффективными. Это можно назвать «стратегией волчьей стаи». И последняя – четвертая группа стран. Это маленькие и очень маленькие «карликовые» («weising») страны. Например, Люксембург и Андорра в Европе, Бутан и Бруней в Азии, Гамбия

и Свазиленд в Африке, а также островные государства Океании и Карибского района Центральной Америки. У этих стран не имеется подходящей международной арены для выражения собственного мнения. Подавляющее большинство из них «участники», а вернее сказать «сторонние наблюдатели» международной политики. Они либо занимают позицию нейтралитета, либо опираются на поддержку сильных держав. Для этих стран имеет смысл «теория примыкания» к великим державам. Из этого анализа видно, что вторая группа стран – так называемые, сильные страны, фактически в будущем могут стать центрами мировой политики и многополярности.

Вот как оценивает ситуацию в мире еще один аналитик Китайской академии современных международных отношений Ван Хунган (Wang Honggang). После мирового финансового кризиса в Китае стали пересматривать свою оценку роли США в мировой политике. Китай пришел к однозначному выводу, что США больше не являются непререкаемым арбитром в мировых делах. Другие западные страны также теряют свое влияние. Новые поднимающиеся державы, такие как Россия, Китай, Индия и Бразилия играют всё более важную роль на глобальном уровне. В мировой политике происходит существенное изменение баланса сил, однако международные институты остаются до сих пор без изменений. Это связано с тем, что западные страны доминируют в международных организациях, а поднимающиеся представлены весьма слабо, поэтому глобальное управление становится разбалансированным и неэффективным. Эта ситуация требует своего разрешения «главными глобальными регуляторами – США и Китаем». Эту фразу «главные глобальные регуляторы» нам с вами стоит запомнить надолго, так как в ней квинтэссенция реального представления Китая о себе и мире.

За последние десять лет Китай постепенно превратился в один из центров мировой геополитики и был признан в этом качестве всем международным сообществом. Этому в первую очередь способствовали впечатляющие изменения геополитических параметров Китая. Так, по уровню ВВП Китай уверенно занимает место второй экономики мира (47% от уровня ВВП США, по результатам 2011г.) и первое по многим другим показателям: промышленному производству (обогнал США в реальном секторе экономики), золотовалютным резервам (3,2 трлн. долл.), объему внешней торговли (3,75 трлн.

долл.), выданных кредитов (больше чем МВФ), армии (2,3 млн.чел.), возможности проводить глобальные операции (за короткий период с 22 февраля по 5 марта 2011г. из Ливии самолетами военно-транспортной авиации и кораблей НОАК было вывезено 36 тыс. граждан КНР), введению в боевой состав ВМС кораблей проекции силы (де-сантно-высадочного корабля-дока водоизмещением около 20 тысяч тонн).

Такой потенциал позволяет Китаю оказывать реальное воздействие на ход мировых процессов и действовать на международной арене без оглядки на многочисленных «стратегических» партнеров и вполне самостоятельно, хотя, при необходимости, он охотно использует свой растущий вес и влияние в глобальных международных объединениях (ООН, МВФ, «Группа 20», БРИКС) и региональных организациях (АПЕК, АСЕАН+1, ШОС). Несмотря на совместные декларации о многополярном мире, в глобальной политике Китай объективно ассоциирует себя с новым центром силы мировой политики (наряду США и ЕС) и, естественно, он никогда не будет вступать в равноправные политические альянсы и блоки, в т.ч. указанные выше, без претензий на лидерство и доминирование. Слишком большая разница между Китаем и его партнерами по международному сотрудничеству. В 2010 году экономический потенциал КНР (ВВП – 5,9 трлн. долл) превзошел совокупные возможности других членов БРИКС (5,4 трлн. долл). Пока очевидно только одно - происходит формирование нового мирового полюса силы во главе с Китаем, а все остальные страны рядом с ним (в ШОС и даже БРИКС) могут выступать только в качестве статистов и наблюдателей глобальной экономической и финансовой борьбы между США и КНР.

Учитывая нарастающие масштабы своей экспансии в глобальную экономику, Китай уже сейчас формирует свое геополитическое пространство сравнимое с любой великой империей древности. Китай создает зоны свободной торговли более чем с 20 странами (критикуемые американцами как структуры параллельные ВТО), выдает кредиты на двухсторонней основе в масштабах больших, чем МВФ (и явно конкурируя с ним), привязывает любую помощь странам ЮВА, Африки и Латинской Америки жесткими требованиями закупки исключительно китайских товаров (формируя зависимость от КНР). Всё

это элементы «мягкой» силы, используемые Китаем для глобального контроля своего жизненного пространства.

Мир, безусловно, движется в сторону многополярного глобального порядка, но ближайшие десятилетия будут временем доминирования США, а потом США и Китая. Многополярность – реальность далекого будущего.

Ковалева А.

Идеология и геополитика: точки соприкосновения

В жизни государства, помимо конкретных задач на текущий период, существуют глобальные цели, определяемые историческим контекстом и наделяющие смыслом существование государства.

Российская государственность исторически сложилась как многонациональная и поликультурная. Страна, начиная с эпохи «собирания» русских земель московскими князьями, расширялась на четыре стороны света, включая в себя все новые земли при сохранении идентичности других народов. Особенности взаимодействия Руси с евразийским пространством рассматривает Л. Гумилев в работе «Древняя Русь и Великая степь»¹. К XIX веку Россия становится подлинно евразийской державой, одним из ведущих игроков на мировой арене.

Как известно, в конце XX века огромное влияние России на евразийском пространстве было утеряно, значение страны в «играх» планетарного масштаба понизилось. Зато небывало возросла роль другого мирового игрока – США.

В настоящее время глобальной целью России является восстановление влияния на постсоветском пространстве с последующей евразийской интеграцией и возвращение утраченных позиций на мировой арене.

Збигнев Бжезинский, геополитик, представитель противоположного полюса силы, в книге «Великая шахматная доска»² утверждает, что восстановление евразийской империи невозможно и называет выбор западного пути «дилеммой единственной альтернативы» для России. Но западный путь – это не только политическое сотрудничество

¹ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989.

² Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Американское превосходство и его геостратегические императивы. М., 2010.

чество. Это, в первую очередь, принятие западных ценностей и видения мира.

Собственная система ценностей воспринимается Штатами как единственно возможная, что предполагает существование однополярного мира. Многополярность – мироустройство, подразумевающее несколько точек влияния, как политического, так и культурного, поэтому необходимым условием является наличие у каждого из участников собственных идеологических приоритетов.

Таким образом, идеология и геополитика оказываются тесным образом связанными между собой.

На примере работ Бжезинского («Великая шахматная доска»¹) и Н.А. Нарочницкой («Россия и русские в мировой истории»²) можно проследить, как идеология и геополитика находят точки соприкосновения в оценке состояния постсоветского пространства.

Бжезинский пишет о «глобальных Балканах» как точке приложения силы со стороны различных игроков на мировой арене: «В Европе слово «Балканы» вызывает ассоциации с этническими конфликтами и соперничеством великих держав в этом регионе. Евразия также имеет свои «Балканы», однако «Евразийские Балканы» гораздо больше по своим размерам, еще более густо населены и этнически неоднородны»³. В понятие «глобальные Балканы» включено постсоветское пространство и еще несколько стран: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Азербайджан, Армения и Грузия, а также Афганистан. В качестве кандидатов представлены Турция и Иран.

Бжезинский отмечает, что данный регион представляет собой угрозу для мировой безопасности благодаря наличию множества противоречий: этнических, экономических, политических. Так как «глобальные Балканы» граничат с Россией, именно для нее эти противоречия несут наибольшую угрозу. По мнению Бжезинского,

¹ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Американское превосходство и его геостратегические императивы. Указ. соч.

² Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М., 2005.

³ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Американское превосходство и его геостратегические императивы. Указ. соч. С. 149.

выход для России – приспособление к постимперской реальности и следование в западном русле в качестве «младшего партнера».

С точки зрения теоретика американской внешней политики, присутствие Штатов в таком далеком от них регионе, как Ближний Восток, оказывается правомерным, так как «американская сила» - «последний арбитр» при защите мировой безопасности, которая является продолжением внешней политики США. В то же время, попытки России или других стран повлиять на ситуацию в данном регионе обозначаются понятием «происки».

О пространстве СНГ пишет в своей работе «Россия и русские в мировой истории» Н.А. Нарочницкая. Исследователь называет распад СССР крушением исторической российской государственности, определяя действия западных держав как новый «Дранг нах Остен»: «Сегодня очевидно, что процессы на ее геополитическом пространстве, соединяющем многие цивилизации, очевидное соперничество ведущих сил мира вокруг ее обломков как в капле воды отражают глубинные противоречия мировой истории, глобальные идеологические и геополитические потрясения XX столетия и катаклизмы своих наций»¹. По мнению историка, геостратегией для России является сохранение новых государств в ареале российского влияния и недопущение действия на них внешних, враждебных России сил.

Таким образом, мы видим, что геополитические приоритеты государства напрямую зависят от идеологической системы, которой оно следует. Если для США первостепенной задачей является расширение своего влияния по всему миру, то для России такой задачей является защита исторической зоны влияния, что позволит стране следовать собственному вектору в международной политике.

¹ Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М., 2005. С. 385.

Мяло Е., Диких Г.

БРИКС: Становление многополярности мира к 2050 году. Новые угрозы и возможности

Термин «БРИК» был выдвинут в 2001 году главным экономистом фи-нансовой компании “Goldman Sachs” Джимом О’Нилом¹ как акроним, состав-ленный из первых букв названий стран с наиболее быстро развивающимися рынками: Бразилии, России, Индии и Китая. В 2003 году в исследовательском докладе под заголовком “Мечты БРИК - Путь в 2050 год”² он сделал прогноз о том, что к 2050 году БРИК, который превзойдет развитие в экономическом плане страны Запада, вместе с США и Японией станет лидировать в мировой экономике в качестве новых 6 глобальных крупных экономических субъектов.

В настоящее время БРИКС – это реально существующая международная организация. Последний четвертый саммит прошел в Нью-Дели в Индии – 28-29 марта 2012 года. До 2011 года по отношению к организации использовалась аббревиатура БРИК, но в связи с присоединением ЮАР 18 февраля 2011 года группа стала носить название БРИКС.

Страны БРИКС расположены на 4 континентах. Площадь территорий БРИК составляет 26 процентов общей площади территории мира, численность его населения - 42 процентов мирового населения, валовой внутренний продукт - 14,6 процентов общего мирового объема, объем торговли - 12,8 процентов общего объема мировой торговли, вклад в развитие мировой экономики в пересчете на среднюю покупательную способность превысил 50 процентов. Кроме

¹ Jim O’Neil, Dreaming with BRICs: The Path to 2050. // <http://www.goldman-sachs.com/ideas/brics/index.html>

² <http://www.goldman-sachs.com/ideas/brics/brics-dream.html>

того, четыре страны имеют свои преимущества в области ресурсов, рынка, рабочих сил, науки и техники, отличаясь большой взаимодополняемостью в этих областях¹.

Согласно публикации в китайской газете “Жэньминь жибао”², феномен БРИКС можно рассматривать с нескольких точек зрения:

Во-первых, с исторической точки зрения. Динамичное развитие стран БРИКС произошло лишь в последнее десятилетие. Это тесно связано с углублением процесса глобализации, активным регулированием собственной стратегии развития в развивающихся странах, их интеграцией к мировой экономической системе. Развитие БРИКС находится в фазе количественного накопления, в дальнейшем им предстоит задача по изменению модели развития, экономическому переходу, снятию ограничений в сферах ресурсов и экологии, ускорение урбанизации, старение населения, а также другие вызовы. Если они не смогут справиться с ними, то могут оказаться в «ловушке стран со средними доходами», в результате чего тенденция их динамичного развития будет прервана.

Во-вторых, с диалектической точки зрения. Надо учитывать экономическую мощь БРИКС с динамичным наращиванием, а также относительно отсталый уровень экономических показателей на душу населения в государствах БРИКС. За прошедшее десятилетие Китай, Бразилия, Россия и Индия вошли в первую десятку в рейтинге стран мира. Однако показатели на душу населения демонстрируют, что БРИКС еще значительно отстают от развитых стран. Лишь по уровню доходов на душу населения БРИКС очень сильно отстают от развитых стран. По статистике компании «Годман Сакс», в 2010 году в развитых странах средний доход на душу населения в год составил 39500 долларов США, однако у стран БРИКС показатели следующие: в Бразилии – 10700 долларов США, в России – 10400 долларов США, в ЮАР – 6090 долларов США, в Китае – 4000 долларов США, в Индии – 1400 долларов США.

¹ http://russian.china.org.cn/international/txt/2009-06/17/content_17967772.htm

² http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2012-03/15/nw.D110000renmrb_20120315_1-03.htm?div=-1. Перевод: <http://russian.people.com.cn/95181/7759012.html>

В-третьих, с точки зрения динамичного развития. Повышение экономической мощи БРИКС предоставило им материальную основу для участия в международных делах и принесло им возможности по реформированию международного порядка и демократизации международных отношений. С 2009 года БРИКС ежегодно проводят самостоятельный саммит лидеров и обнародуют совместное коммюнике, в котором излагают точку зрения БРИКС по значимым международным событиям. Хотя по сравнению с развитыми странами БРИКС недостаточно опытни в обработке международных дел, и создание взаимодоверия и углубление сотрудничества между ними требует времени, но по мере поступательного наращивания экономической мощи БРИКС, по мере непрерывного углубления их взаимодействия они непременно повышают их желания и способности к участию в международных делах.

Дальнейший путь развития группы БРИКС¹

Заместитель главы Китайского центра стратегических исследований политики реформ и открытости Ма Цзяли говорит о том, что страны БРИКС проводят консультации по некоторым важным вопросам современного мира в поисках общего языка по международным финансовым проблемам, климатическим изменениям, поступательному развитию, прилагают усилия по достижению общего мнения, что в определенной степени создает более здоровую и благоприятную международную обстановку.

По мнению руководителя Института ЮАР по изучению международных вопросов Илизабет Сидируполоу механизм сотрудничества в рамках БРИКС стал неизбежным результатом непрерывного усиления экономической мощи субъектов с формирующимися рынками, поступательного расширения их торгово-экономического сотрудничества и экономических связей, а также группой, представляющей интересы развивающихся государств. Механизм сотрудничества в рамках БРИКС внутри “Группы 20” представляет интересы и требования развивающихся стран, координирует их позиции и действия,

¹ По материалам «Жэньминь Жибао» <http://russian.people.com.cn/31521/7351133.html>

что играет важную роль в ускоренном решении глобальных экономических проблем.

Главный экономист Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) Пьер Карло Падоан подчеркивает, что механизм сотрудничества в рамках БРИКС стал важной инновацией. Он, вероятней всего, будет способствовать укреплению международного взаимодействия между развитыми государствами и развивающимися странами, общему стремлению к развитию.

Институализация БРИКС также занимает важное дискуссионное место среди специалистов и лидеров стран.

Илизабет Сидирупоулос подчеркивает, что выгода от механизма сотрудничества БРИКС состоит в свободных действиях, ловком принятии решений, легком достижении единства мнений по конкретным проблемам и высказывании своих требований.

Заместитель директора Института Дальнего Востока РАН Владимир Портяков в интервью дал такую оценку БРИКС: «Благодаря саммитам БРИКС механизм сотрудничества в рамках БРИКС имеет специфику “институализации”, к тому же, проводятся встречи министров иностранных дел, финансов, сельского хозяйства стран БРИКС, а также осуществляются обмены между специалистами и представителями деловых кругов, уровень и содержание сотрудничества становятся все более многообразными, существуют большие потенциальные возможности развития».

Ма Цзяли негативно относится к расширению БРИКС, объясняя это тем, что в настоящее время многие страны с формирующимися рынками, которые развиваются быстрыми темпами, проявляют большой интерес к присоединению к механизму сотрудничества в рамках БРИКС. Однако если этот механизм продолжит расширяться, по мнению Ма Цзяли, его сила увеличится, но появится вероятность уменьшения общности стран БРИКС. Поэтому нынешняя актуальная задача – укрепление единства пяти стран БРИКС.

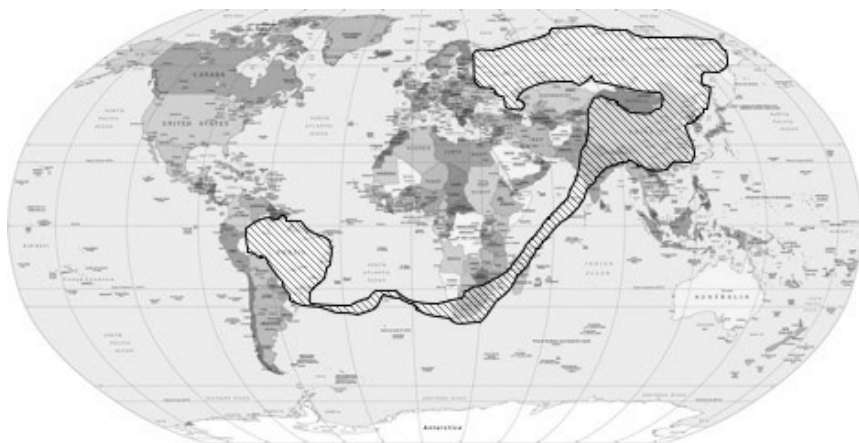
Илизабет Сидирупоулос высказала мнение о том, что присоединение ЮАР к механизму сотрудничества в рамках БРИКС увеличило его представительство, создало новую модель глобального управления. Механизм сотрудничества в рамках БРИКС не должен расширяться, потому что пока не определены его стандарты, слепое

расширение принесет проблемы в области координации, что неблагоприятно способствует сотрудничеству.

Заместитель директора Института Дальнего Востока РАН Андрей Островский рассматривает расширение механизма сотрудничества в рамках БРИКС как способствование усилению экономической мощи и расширению влияния механизма, однако с учетом перспектив, можно заметить, что укрепление основы сотрудничества является более важным. В течение последующих нескольких лет страны-члены БРИКС должны активизировать сотрудничество во всех областях, особенно в сфере высоких технологий и инновационных отраслях, укрепить торгово-экономическое, финансовое и инвестиционное взаимодействие.

Группа стран БРИКС и геостратегия

Относительно геостратегии необходимо заметить, что согласование между странами БРИКС в действительности представляет собой почти диагональную ось (от восточной стороны Северного полушария – Евразии – и до западной части Южного полушария – Индиолатинской Америки), которая, можно сказать, «асимметрична» горизонтальным и вертикальным траекториям, соответственно Запад – Восток и Север – Юг, к которым нас приучила публицистика в периоды двуполярного и однополярного мироустройства.

Асимметричная ось Северо-Восток – Юго-Запад, основанная на трех ядрах – Евразия, пик Южной Африки и Бразилия, в средне- и долгосрочной перспективе изменит стратегические позиции западной системы во главе с США, которая всё ещё является гегемоном на уровне вооруженных сил.

Согласование (пока что только дипломатическое и экономическое) стран БРИКС в силу своего военного потенциала и геостратегических позиций может стать первой скоординированной альтернативой «Западу» во главе с США, согласно статье Тиберио Грациани¹.

На дипломатическом, экономическом и военном уровнях группа стран БРИКС имеет определенный дисбаланс в сторону своей евразийской составляющей. Эта ситуация открывает как минимум две возможные перспективы развития. В первом случае дисбаланс уже в среднесрочной перспективе может явиться фактором напряжения внутри этой новой, политически скоординированной группы вследствие возвращения под «крыло» США Бразилии и, возможно, Южной Америки. Во втором случае, возможно, более реалистичном, настоящий дисбаланс может оказаться основанием для ускорения континентальной интеграции Южной Америки, центром которой будут являться Бразилия, Аргентина и Венесуэла. Такой сценарий желателен, так как это укрепило бы многополярность, которая сейчас находится в фазе консолидации. Во втором случае самый слабый элемент группы стран БРИКС, то есть Южноафриканская Республика, в силу своего особого географического положения в условиях нового миропорядка приняла бы на себя функцию геостратегического баланса.

Новая модель многополярного сотрудничества

Относительно удельного веса стран БРИКС в правовом миропорядке мы согласны с точкой зрения профессора кафедры международного права Университета Сан-Пауло (Бразилия) Пауло Борба Казелла, что речь идёт о некоей инновационной, независимой и оригинальной модели сотрудничества. По мнению профессора из

¹ Тиберио Грациани (Tiberio Graziani), главный редактор журнала «Геополитика», Рим, Италия, «БРИКС: основа мульти-полярного мира», 16 февраля 2012г. Перевод: <http://interaffairs.ru/read.php?item=8276>

Бразилии: «инновационный характер будущего БРИК состоит непосредственно в том, что эти страны могут заниматься своими собственными проблемами и в то же время выстраивать новую модель международного включения и сотрудничества. Вот такая перспектива. Необходимо будет воплотить её в жизнь». Группа стран БРИКС вводит метод сотрудничества, который, уважая культурную принадлежность своих участников, идёт вразрез с универсальными установками международных организаций, таких как, к примеру, ООН, Всемирный банк, МВФ, основывающихся, как известно, на индивидуалистических и меркантильных критериях, свойственных западному мышлению.

Несмотря на то что новая группа стран возникла в силу очевидных эконо-мических интересов, все же создаётся впечатление, что она развивается в направлении некой более конкретной концепции межгосударственных отношений, основанной на сходном культурном субстрате, который можно определить как солидарный, относящийся с вниманием к «общественным проблемам» и к конкретным интересам разных этнокультурных сообществ, живущих в этих странах.

Новые перспективы, которые открывает модель сотрудничества БРИКС, столкнутся поневоле с так называемой «мировой регламентацией» (global governance – понятие англо-американской школы), которая в свою очередь, «основываясь на индивидуалистической интерпретации общества и единой - ‘демократической’ – системе воззрения, отвергает разнообразие в культурах разных народов (за исключением предназначенной для манипулирования сознаний доктрины ‘столкновения цивилизаций’))». На самом же деле, новая модель сотрудничества, которую продвигают страны БРИКС, свидетельствует о конце или перенаправлении ООН и об упадке или реорганизации таких международных организаций, как МВФ, Всемирный банк и ВТО.

БРИКС и переустройство мира¹

Если же говорить о последующих шагах «большой» пятерки, то прочитывается следующая логическая схема:

- развитие координации в политической, экономической, экологической и других сферах деятельности;
- вовлечение в БРИКС других стран, входящих в цивилизационную орбиту «пятерки» (Россия – страны СНГ, Бразилия – Латинская Америка, ЮАР – страны Африки, Китай – страны Юго-Восточной Азии, Индия – страны Южной Азии);
- подключение к БРИКС исламского мира, присоединение к «пятерке» исламских государств (Иран, Сирия, Малайзия, Турция);
- выработка и реализация консолидированных позиций по важнейшим международным проблемам;
- реорганизация универсальных международных организаций (например, представительство в СБ ООН по принципу постоянного членства мировых цивилизаций);
- создание общего рынка, зоны финансово-экономической координации;
- взаимные обязательства по безопасности;
- и другие.

Леонид Ивашов рассматривает два процесса, которые определяют сегодня направление геополитических сдвигов в мире. Первый – попытки сверстать любыми, даже самыми античеловеческими средствами однополярный миропорядок, где будут властвовать деньги и военная сила.

Второй процесс – формирование альтернативного миропорядка, более сбалансированного; с другим типом экономики и финансовой системы; другой организацией общественной жизни и т.д. Леонид Ивашов считает возможным на этом пути слияние БРИКС и ШОС или их тесное взаимодействие.

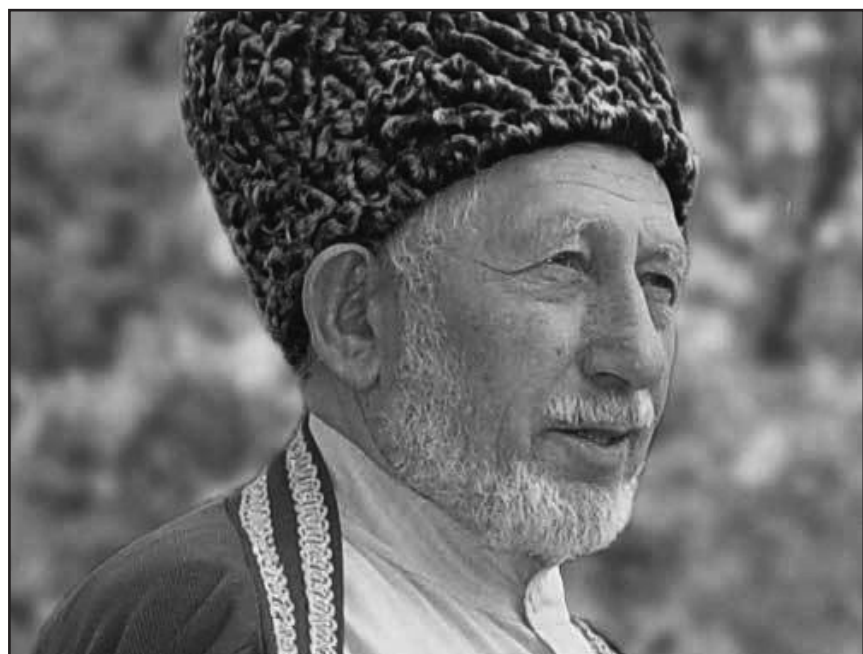
Характерными чертами нового миропорядка, как считает Леонид Ивашов, должны стать: развитие нравственных начал в любом виде деятельности человека, менее эгоистичный, более коллективистский подход к решению глобальных и региональных проблем; рациональ-

¹ Ивашов Л. БРИКС и переустройство мира», электронное издание «Фонд стратегической культуры. 15 апреля 2011г.

ное отношение к природным ресурсам планеты; перенос центра тяжести в формировании человека с потребительских ориентаций на духовные и интеллектуальные ценности. Единство нового миропорядка будет строиться на «цветущем многообразии».

Успех этого процесса во многом будет зависеть от научно оформленных целей, замысла, концепции и стратегии. Для России развитие и наращивание геополитической мощи БРИКС жизненно важно не только для обретения самостоятельного международного статуса, но и сохранения своей государственности и территориальной целостности.

Раздел 3.
Ислам, многополярность и
геополитика сирийского конфликта

Евразийская стратегия общей победы

(обращение «Евразийского Движения» к суфийским кругам и представителям традиционного ислама Северного Кавказа)

В современном мире и в России в частности, вопросы религии постепенно выходят на первый план. Это связано с обострением противостояния между возрождением религиозного духа и светской модели общества, с одной стороны; с нарастанием трений и обнаружением догматических и исторических противоречий между различными конфессиями, с другой; а с третьей – с обострением споров внутри одной и той же веры между различными течениями. Ситуация усугубляется тем, что сплошь и рядом к этому примешивается этнический и национальный фактор. В крайней форме эти противоречия превращаются в столкновения, теракты, войны.

Если говорить с полной ответственностью, то одними призывами к миру и согласию, к толерантности и диалогу, ситуацию едва ли удастся разрешить: слишком остры спорные вопросы и в будущем легко спрогнозировать, что их острота будет только нарастать.

Недавнее подлое убийство суфийского кутба и лидера всего северо-кавказского суфизма Саида Афанди Черкейского показывают, насколько серьезная ситуация сложилась в этом отношении в Дагестане и на всем Северном Кавказе. Эти ужасающие для религиозного баланс сил события вписываются в общий контекст событий, которые разворачиваются во всем исламском мире и имеют прямое отношение к обостряющимся противоречиям между течениями ваххабизма и традиционного ислама (в первую очередь, суфийскими тарикатами). Снос суфийской мечети в Ливии, противостояние ваххабитов и остальных групп населения в Сирии, не прекращающиеся столкновения между талибами и иными направлениями в исламе в Афганистане и т.д. – все это единый глобальный процесс, перекинувшийся уже довольно давно и на Северный Кавказ, но сегодня приобретающий особенно драматический характер.

Чтобы не поддаваться эмоциям и не пойти на поводу у тех разрушительных сил, которые стоят за этими провокациями и стремятся подтолкнуть представителей традиционного ислама и особенно братьев суфийских тарикатов, чей лидер был безжалостно и подло убит, необходимо дать взвешенный рациональный анализ сложившейся ситуации. Мы предлагаем евразийский взгляд на эту проблему.

1. Во-первых, надо ясно понимать, что в мире есть могущественные силы, которые совершенно не рады возрождению религии. Это глобальный Запад, претендующий на мировую гегемонию и давно вставший на путь светского атеистического материалистического общества. Для него все верующие традиционных конфессий – враги, так как выбирают альтернативные Западу ценностные системы. Мусульмане справедливо отождествляют американскую гегемонию с фигурой даджала, а христиане – с антихристом. Эта инстанция ведет борьбу с религией и пользуется для этого всеми возможными средствами: дискредитация, осмеяние, кощунство, профанация, и сплошь и рядом провокация раздора среди самих верующих. С этим связаны и недавние акции по осквернению православных святынь – храма Христа Спасителя, спиливание крестов, кощунственные надписи на стенах церквей. Американские власти активно поддерживают все это и оказывают на руководство России и на Церковь беспрецедентное давление. Одновременно в США транслируют фильмы, выливающие грязь на исламскую религию, с явной целью спровоцировать мусульман на неадекватные поступки и выставить их в дурном свете. Христиане и мусульмане, а также верующие всех других традиционных конфессий в равной степени страдают от этого, и единственным логичным ответом было бы заключить стратегический альянс всех традиционных религий в борьбе с общим врагом – глобальной западной гегемонией, олицетворяемой даджалом/антихристом. Об этом говорится и в исламских хадисах. Те религиозные силы, которые по прагматическим соображениям готовы опереться на поддержку Запада (как в арабском мире, так и на Ближнем Востоке, в Центральной Азии или на Кавказе) предают самое главное – поклоняясь дьяволу, они не могут рассчитывать на то, что когда-то смогут от него освободиться или перехитрить. Религия этого не допускает и не прощает. Поэтому ответом должен быть только общий стратегический альянс традиционных религий (в первую очередь, христианства, православия

и ислама) против общего врага. Те, кто сеют межрелигиозную рознь, как со стороны христиан, так и со стороны мусульман, работают, в конечном счете, на Запад, его гегемонию и на даджала/антихриста. Это вытекает из геополитического анализа роли религиозного фактора в современных условиях. Для представителей традиционного ислама, особенно для суфийских кругов, этот анализ особенно близок и понятен. Именно поэтому они и выступают чаще всего за сближение с христианами в общей борьбе против радикального и абсолютного зла. По этой же причине они становятся главными объектами ненависти и целями прямого физического уничтожения со стороны Запада и его агентов влияния. Это очень многое объясняет.

2. Во-вторых, для реализации своих геополитических целей Запад традиционно делает ставку на ваххабитские круги, которые использует в своих интересах. С 70-х годов США и британская разведка оказывали огромную структурную поддержку ваххабитским кругам в арабском мире и Центральной Азии (Пакистан, Афганистан и т.д.) с целью нейтрализовать просоветские и социалистические тенденции в исламских странах. И хотя после окончания «холодной войны» острая нужда в таком альянсе ваххабизма и ЦРУ на первый взгляд отпала, и согласно официальной версии Запада (которой, впрочем, никогда нельзя слишком доверять), ваххабиты и в частности, Аль-Каида выступили против своих вчерашних хозяев, на практике образ исламского радикализма оказался весьма на руку Западу для реализации односторонних вторжений в Афганистан и Ирак, которые привели к оккупации этих стран и неисчислимым жертвам среди мусульман – сотни тысяч мусульман, включая женщин, стариков и детей, были безжалостно уничтожены американской военщиной. В случае Ливии и Сирии США снова сделал ставку на поддержку радикальных ваххабитских кругов, структурно опирающихся на союзные США режимы Ближнего Востока – Саудовскую Аравию и Катар. На Северном Кавказе именно ваххабиты и зарубежные эмиссары в союзе с западными спецслужбами стали ядром противостояния Москве во время первой, и особенно второй чеченской компании.

Все мусульмане знают, что для ваххабитов наряду с «гяурами» (русскими) объектами тотальной ненависти являются и представители традиционного ислама, а также святые места и памятники, обычаи и обряды. Особая ненависть ваххабитов обращена на суфи-

ев. При всей антизападной риторике, на практике именно ваххабиты выступают как инструмент американской геополитики, действуя всякий раз в интересах западной гегемонии.

Конечно, будучи сторонниками религиозного, а не атеистического и материалистического мировоззрения, ваххабиты должны были бы уже в силу этого факта быть других религиозных сил в общей борьбе. Но на практике союзниками, всё происходит строго противоположным образом: они глухи к рациональным аргументам и настаивают на своих формальных требованиях с упорством и фанатизмом, достойным лучшего применения. Когда они становятся ядром террористических организаций, начинают убивать христиан и мусульман, не согласных с ними, истинная природа этого течения становится очевидной. Если бы они на самом деле преследовали те цели, которые декларируют, они заключили бы союз с традиционным исламом и даже с христианами вплоть до победы над главным врагом – США и американской гегемонией, и лишь потом приступили бы к выяснению всех остальных вопросов. Но нет же: они убивают христиан и своих же братьев по вере, причем не щадят и уважаемых старцев и духовных авторитетов, нарушая тем самым как законы своего народа, так и нормы ислама. Тем самым они ослабляют фронт традиции и религии, и откровенно подыгрывают Западу и его сети влияния.

Именно осознание того, каковы истинные цели ваххабитов и куда они ведут исламское общество, и сделало возможным феномен муфтия Ахмада Кадырова в Чечне, представителя традиционного ислама и суфия, сделавшего свой выбор в пользу России, как страны, противостоящей (хотя и не так последовательно и стойко как хотелось бы) западной гегемонии. Безусловно, рано или поздно такой выбор сделали бы и сделают непременно представители и всех остальных кругов традиционного ислама на Северном Кавказе. Поэтому убийство ваххабитами Духовного лидера Дагестана, есть акция по опережению. Нет никаких сомнений, что за этим стоят точные расчеты западных спецслужб и их сетей влияния.

Ваххабизм объективно стоит на стороне врагов, как христианства, так и самого ислама. Если эту ситуацию можно исправить, воззвав к религиозному сознанию мусульман и просветив их в геополитическом плане, это было бы прекрасно. Но если они упорствуют, то надо

приготовиться к новым и новым провокациям, терактам, убийствам и подлым взрывам. Каждый пусть сделает выводы самостоятельно.

3. В-третьих, сегодня ваххабиты на Северном Кавказе пытаются свалить вину за теракты на федеральную власть и силовиков, лицемерно утверждая, что между ваххабитами и представителями традиционного ислама на Северном Кавказе и, в частности, в Дагестане якобы достигнуто соглашение об «общем противостоянии гяурам». С этого начинались и чеченские войны. Но потом выяснилось, каковы истинные цели прозападной как демократической, так и националистической и ваххабитской агентуры. Да, у народов Северного Кавказа накопилось немало исторических обид на русскую и советскую государственность. Оправдываться здесь бесполезно, мы много раз поступали жестко, радикально и безапелляционно. Такова, однако, история всех человеческих обществ. Это нас не оправдывает, и за все ошибки и преступления, совершенные русскими на Кавказе, историческая вина сохраняется. Империи делаются кровью. И эта кровь на нас. Тем не менее, Северный Кавказ давно стал частью России, его народы органично стали частью единого общества. И это историческая судьба. Несправедливость же совершенная предками, должна быть исправлена и наша политика на Кавказе в корне изменена – в сторону искреннего и равноправного партнерства с его прекрасными и гордыми народами. Русские сегодня не просто не хотят больше продолжения колониальных практик, но уже и не могут их проводить в жизнь. На Кавказе русским нужны друзья и союзники в борьбе за суверенитет общего государства, которое с нашей точки зрения должно быть основано на Традиции, на преобладании традиционных конфессий – христианства и ислама, и противостоять западной гегемонии. А добиться этого можно только сообща. Поэтому выяснение отношений между братьями, принадлежащими разным этническим группам, хотя и может показаться кому-то уместным в нынешних условиях, пахнет предательством. Поднять народы Северного Кавказа на борьбу с русскими,

во-первых не удастся, слишком сильны и крепки дружеские и исторические связи;

во-вторых, разрушит этнические связи между самим этносами, создав предпосылки гражданской войны;

в третьих, создаст условия для усиления экстремистов и террористов;

в-четвертых, зальет Кавказ кровью;

в-пятых, кончится либо репрессиями со стороны Москвы, либо прямым вторжением сил США и НАТО.

Такое «антирусское» будущее возможно только как нескончаемый кровавый хаос, подобный Ираку, Афганистану или Ливии. Поэтому даже чисто «националистические» тенденции северо-кавказских этносов могут позитивно реализоваться лишь в союзе с Россией и в контексте ее суверенной и крепкой устойчивой государственности. Если народы Кавказа хотят возродить свою национальную идентичность, что это самое время сделать в позитивном диалоге с Москвой, созревшей для евразийской философии, которая основана на учете всех этно-культурных и религиозных особенностей народов Евразии, на приоритете Традиции и противостоянии западной гегемонии, глобализму и духу даджала/антихриста.

Альянс традиционного ислама с ваххабитами не приблизит народы Северного Кавказа к «свободе» и «национальному возрождению», но сделает их попросту невозможными.

На основании этих трех соображений можно построить модель евразийского стратегического партнерства представителей традиционного ислама Северного Кавказа (хотя это полностью относится и к исламским народам Поволжья), и в частности, суфизма с консервативными кругами современной России, чаще всего православными и строго придерживающимися принципа суверенитета, территориальной целостности России и ее цивилизационной самобытности. Это партнерство должно основываться на:

1. Сознательном и ответственном противостоянии агрессивной глобализации, западничеству, американизму, либерализму и попыткам ослабить Россию, расколоть ее общество, натравить друг на друга отдельные группы населения, чтобы ослабить, а в последствии поработить. Только суверенитет России и независимость от внешнего управления создадут условия для сохранения исламской цивилизации Северного Кавказа и укрепления мусульманской идентичности.

2. Взаимной поддержке традиционного ислама и консервативных (евразийских) кругов русского общества (в первую очередь,

православных) перед лицом разных форм религиозного экстремизма, и особенно перед лицом импортированного и не присущего народам России радикализма в лице ваххабизма.

3. Солидарности и взаимопонимании этносов Северного Кавказа и русских в отношении единства исторической судьбы, с глубоким уважением к этническим традициям и интересам, а также с искренним признанием ошибок, совершенных в прошлом.

Эта евразийская стратегия взаимоотношений мусульман Северного Кавказа и российской государственности, и особенно, консервативно-патриотических кругов России, позволит сохранить страну, мир и создать условия для возрождения духовности и религии во всех этнических и социальных секторах нашего общества.

Не надо строить иллюзий: нас ожидают серьезные испытания. Путину не простят его курса на укрепление суверенитета России и независимого поведения на международной арене. Русская Православная Церковь и ее предстоятель Патриарх Кирилл также не случайно сегодня подвергаются нападкам со стороны либеральной прозападной агентуры влияния, по прежнему сохраняющей, увы, свои позиции во многих секторах российского общества. Северный Кавказ определенные силы непременно постараются погрузить в пучину кровавой уособицы и отколоть от России. Убийство авторитетного и любимого в народе влиятельного суфийского кутба было задумано как старт этой разрушительной операции. Поддаться на это, всё равно, что убить этого достойного человека еще раз. Сегодня как никогда мы должны быть вместе, воспринимая боль другого, как свою собственную боль.

Мы, русские консерваторы, евразийцы, патриоты, глубоко и искренне скорбим о потере, которую понес традиционный ислам Северного Кавказа, Дагестан, тарикат Накшбандия и Шазалийя, все истинно верующие люди. Мы разделяем вашу горе и остаемся в нем вместе с вами.

Но нам надо смотреть вперед, и как бы трудно сегодня ни было, строить достойное духовное и самобытное будущее. Всем вместе.

От лица Международного «Евразийского Движения»

Дугин А. Г.

Сирия: Атлантистская стратегия дезинформации в действии

(интервью, дебаты, позиции)

- Западные СМИ уверенно утверждают, что падение нынешнего сирийского режима неизбежно. Как вы считаете, насколько основателен этот прогноз и существует ли некая политическая сила, которая способна навести порядок в этой ситуации?

Драган Станоевич (Президент Международной Организации «Объединенная Сербская Диаспора Евразии» и посол Республики Сербская Краина в СНГ): Я считаю, что все это мы уже давно видели в ситуации с Сербией. Со стороны Запада идет массированная пропагандистская атака с целью убеждения общественности в необратимости процесса свержения сирийского режима, который представляется как желание народа и прикрывается всеми возможными терминами, лишь бы оправдать предстоящие действия, т. е. агрессию. Касаясь некой новой политической силы, думаю, что реально она не существует или же есть, но примерно такая, какую мы сейчас наблюдаем в Ливии, Ираке, Египте и т.д. Ясно, что западные силы подготовили определенную группу лиц, которые работают на свержение существующей власти, а потом наступит формирование новой власти, которая и выполнит поставленные перед ней задания.

Клаудио Мутти (профессор, главный редактор итальянского журнала «Евразия»): Западные стратеги и их арабские союзники объявили, что лояльная режиму сирийская регулярная армия будет разбита до исхода месяца Рамадан. Очевидно, что они поторопились с выводами: отряды террористов и наемников несут большие потери. Вооруженные бандформирования потерпели серьезные поражения в боях, что бы там ни говорили по этому поводу контролируемые СМИ. Следовательно, я думаю, что Сирия, несмотря на свою слабость, падет отнюдь не так легко, как ожидают США и их союзники.

В данный момент сирийское правительство является единственной силой, способной сдерживать беспорядок, или даже навести порядок.

Алессандро Латтанцио (итальянский политолог, редактор журнала «Евразия»): Партия БААС не сдаётся, и Запад, который все более и более отчуждается от ситуации, обращает свои поражения в реальности в победы в виртуально-медийных мечтах. Сегодня Партия арабского социалистического возрождения - это единственная сила, которая способна поддерживать порядок в Сирии.

Марко Коста (представитель «Евразийского движения» в Италии): Я думаю, что аспект СМИ в этой истории существенен строго как военный и геополитический. Как сказал философ Жан Бодрийяр, в обществе постмодерна, в котором превалирует «медиа-реальность», посредством все более распространяющихся коммуникативных технологий, нашу ситуацию можно сравнить с «ip-реальностью». Это благодаря полному отсутствию разделения, различения объектов и их обозначений, как это случается в мире СМИ и медиа: знаки теряют связь со значением вещей; таким образом, конец двадцатого века означен беспрецедентным разрушением значений. Для Бодрийяра новые электронные медиа предвещают мир чистых симулякров, моделей, кодов и дигитальных искусственных образов, которые стали «реальными», тем самым сужая, размывая и разрушая всякое деление между «реальным» миром и «медиа картинкой».

По сути, нарратив данного политического и институционального контекста – такого, как сегодняшняя Сирия – всегда выходит за рамки собственно фактической реальности, реальности фактов. Империализм США сегодня в Сирии, как ранее в Ливии, Ираке, Афганистане, Югославии, использует первое по силе и значимости оружие – манипуляцию информацией. Помимо мнений отдельных людей о Сирийской политической системе, некоторые аспекты, о которых не говорят в западных СМИ, включают: Башар аль-Асад как легитимный президент Сирийского государства, не из-за конспирации или использования в качестве некой странной формулы, но по той причине, что большинство сирийского народа избрало его в ходе независимого свободного голосования, где до опровержения этого и доказательства обратного существует репрезентативная парламентская система с несколькими партиями, которые имеют доступ к вла-

сти и могут ею распоряжаться. Я не способен предсказать сценарий развития ситуации, я могу только надеяться на то, что Сирия сможет победить в этой эпической битве, и сохранить свой суверенитет и независимость перед лицом агрессоров.

Али Реза Джалили (постоянный эксперт «Eurasia Rivista»): Текущий сирийский кризис - главный геополитический вызов на Ближнем Востоке, оказывающий значительное воздействие на стабильность в международных отношениях, как в регионе, так и в мире. Можно сказать, что данная международная проблема является началом новой эры и означает переход от так называемого однополярного мира к многополярному мировому порядку.

Как мы видели в последние месяцы, отношения между странами-членами Совета Безопасности ООН дали большую трещину, наметив западную ось (США, Великобритания, Франция), которая поддерживает сирийскую оппозицию, противоположно евразийской оси (Россия, Китай), поддерживающей Башара Асада и стабильность Дамасского режима.

С другой стороны, в регионе Ближнего Востока можно увидеть две другие оси: Саудовская Аравия, Турция и Катар (союзники

США) против «Оси Сопротивления» (Иран, Сирия, Хизбалла и некоторые палестинские партии).

Катар и Саудовская Аравия направили свою пропаганду в СМИ против сирийского правительства, в то время как Турция поддерживает оружием и деньгами сирийскую оппозицию (сторонники Аль-Каиды, Братья-Мусульмане [сирийское отделение], либералы, террористы из арабских стран, Афганистан, Европа).

В общем, историю можно проанализировать с двух точек зрения: если верить СМИ, сирийское правительство уже подходит к своему концу, несмотря на то, что о скором и неминуемом крахе Асада арабские и западные СМИ трезвонят уже на протяжении целого года. Один из лидеров сирийской оппозиции (Burhan Ghalioun) говорил прошлым летом (2011) о поражении правительства в сентябре, и, несмотря на это сейчас, спустя год, Асад все еще у власти. Эта пропаганда в СМИ настолько сильна во всем мире, что оказала значительное влияние на общественное мнение. Способность Западных СМИ оказывать влияние достигло пика в период сирийского кризиса; при этом не стоит недооценивать поддержку арабских СМИ, таких как Al Jazeera и Al Arabiya, так как подавляющее большинство арабов получало информацию о ситуации в Сирии именно по этим каналам. Можно открыто заявить по поводу войны в Сирии, что эта задача очень сложная для правительства Дамаска и здесь очевидно преимущество Запада. Но с другой точки зрения, задача ясна.

Различные столкновения, произошедшие за последние месяцы (февраль-март в Хомсе, Дамаске и Алеппо этим летом), показали существующее и по сей день преимущество сирийского правительства против вооруженной оппозиции, не говоря уже о парламентских выборах, которые прошли в атмосфере свободы и стабильности, при хорошей явке и победе групп, близких Асаду. На уровне информационной войны у Запада преимущество, но на поле боя (что имеет значение на практике), до настоящего времени преимущество у Асада.

Только сирийское правительство может урегулировать ситуацию с помощью своего народа, не говоря уже о помощи таких стран, как Россия, Китай и Иран. Но, в конце концов, окончательный удар по свержению внешнего влияния – некоторых арабских и Западных стран в Сирии, - это дело правительства и самого сирийского народа, а не иностранных держав. Единственное решение состоит в по-

давлении терроризма и в проведении социальных реформ, в диалоге с демократической и ненасильственной оппозицией. Единственное решение - сирийское, а не установленное иностранными войсками.

Винченцо Маддалони (корреспондент итальянского еженедельника “Фамилия Кристиана”): На данный момент не существует международных «коротких» путей для остановки гражданской войны. Бесполетная зона непрактична в ситуации Сирии. Ибо, в отличие от Ливии, сирийские ВВС перед тем, как будут уничтожены, нанесут значительный ущерб противнику. И из-за того, что Сирия защищена средствами ПВО, причем одними из самых современных, переданных Россией, Израиль будет относиться к ним с «уважением». В таких условиях я не верю в падение сирийского режима.

Фабио Фальки (итальянский политолог): В каждой стране существуют этнические, религиозные, идеологические или социальные переломы, которые в определенных исторических условиях могут использоваться иностранными силами. Мы знаем, что в Сирии действуют вооруженные банды и террористические группы, основанные и поддерживаемые, в основном, Катаром, Саудовской Аравией и Соединенными Штатами. Они могут рассчитывать на присутствие в Сирии сильного ядра «Братьев-Мусульман», исторических противников режима Башара Асада. К тому же, они усилились после падения Муаммара Каддафи. Поэтому, еще раз, медиа-цирк, устроенный журналистами, играет решающую роль в том, что можно назвать атлантистской стратегией дезинформации. Стратегия, способная совершить чудо - если вы вспомните всю ложь, высказанную США в последние годы, которая оправдывает так называемые «гуманитарные войны». Но сирийская армия, будучи армией по призыву, может полагаться на поддержку сирийцев, и режим Асада показал, что он в состоянии победить мятежников. В этой ситуации только Россия (вместе с Китаем и Ираном) могли бы играть позитивную роль в этом геополитическом районе, остановить «политическое издевательство» Запада.

Флавиу Гонсальвес (главный редактор геополитического журнала «Finis Mundi»): Насколько мы можем видеть, это предсказание ложно, учитывая, что силы Асада побеждают на поле боя - благодаря Китаю и России, оказывающих давление на Совет Безопасности ООН и требующих не вмешиваться в конфликт, помня о том, что

войска Каддафи также имели превосходство до тех пор, пока не начались бомбежки Запада. Однако медиа будут настаивать на одной позиции и убеждать и политиков, и электорат до той поры, пока каждый не поверит в то, что смена режима - единственный исход для Сирии. Если мы не можем доверять ООН, несущей порядок, то какая вообще другая политическая сила может существовать?

Тим Керби (американский политолог): Я бы сказал, что это некий тип самоисполняющегося пророчества. В этом выражении такая же логика, как если расположить минное поле вокруг моего дома и сказать «это было неизбежно», что я наступлю на одну из этих мин. Медиа-кампании, поддерживающие военную машину, расставляющую мины вокруг, выставляет все так, словно это минное поле всегда было там, и что оно является естественным элементом ландшафта, и что винить нужно не само это минное поле и тех кто его там расположил, но меня, за то что я не пробрался сквозь это минное поле.

Поэтому, исходя из моего понимания ситуации, если бы не было интервенции и вмешательства в Сирию извне, эта страна и дальше существовала бы мирно без всяких неизбежных разрушительных революций.

Дидиму Матус (профессор Университета Жау Пессоа, Бразилия): Падение не является неизбежным, западная пресса следует указаниям США, которые из-за невозможности проведения в данный момент прямой интервенции пытаются сформировать международное общественное мнение против сирийского режима. Массовые акции поддержки Асада со стороны России и Китая смогли бы изменить локальный сценарий, несмотря на всю инерционность журналистского сообщества.

Ирина Громова (российская журналистка, редактор Syrianews.ru, активистка движения “За Каддафи и его народ”): Прежде всего, хотела бы сказать (и это моя твердая позиция), что в Сирии нет никакого «режима». Есть законное правительство, есть легитимный Президент, которому народ оказал доверие в 2000 году и подавляющим большинством подтвердил свое доверие в 2007 году на выборах. Если кому-то 7-летний срок президентства кажется большим, то по этому поводу могу сказать следующее: во Франции президент избирается точно так же, на 7-летний срок, но никто не говорит, что во

Франции «режим». Если Башара Асада обвиняют в том, что он сын Президента Хафеза Асада, то можно взглянуть на США, где были Буш-старший и Буш-младший. Но, опять же, никто не называет власти США режимом.

Зато эти страны и другие государства, враждебные Сирии, и подконтрольные им СМИ все неудобные им правительства называют «режимами», иногда добавляя прилагательное «диктаторские». Такая риторика используется исключительно для оправдания преступных действий против неудобных им стран. Мол, «мы не на страну нападаем, а нехороший режим свергаем»... Фашизм под оберткой «демократии» и «защиты народа от режима»... Сколько при этих действиях погибает людей – это «борцов с режимами» абсолютно не волнует – они несут знамя своей псевдodemократии, ступая по миллионам человеческих тел.

По поводу того, насколько прогнозы о свержении легитимной власти в Сирии основательны – эти заказные прогнозы очень напоминают геббельсовскую пропаганду насчет того, что Москва вот-вот падет. Но Москва не пала. Не падет и Дамаск.

Навести порядок в этой ситуации может только законная власть Сирии, ее армия в союзе с народом. Это было бы сделано давным-давно, если бы внешние силы – псевдodemократии Запада и средневековые монархии Залива – не делали бы все возможное для разжигания конфликта, если бы они отказались от поддержки терроризма и перестали бы поставлять оружие и деньги откровенным бандитам. И если бы остальные страны, которые закрывают глаза на происходящее, не понимая, что следующими могут быть они, - не присоединялись бы к кампании давления на Сирию, тем самым помогая создавать негативный образ Сирии. Запад просто использует это молчащее большинство, послушно голосующее на Генеральной Ассамблее, чтобы сказать: дескать, вот, Башар Асад оказался в полной изоляции, против него выступают свыше 100 стран. А против антисирийских резолюций выступило больше 10 стран, но в их числе – такие мощнейшие державы, как самое большое в мире государство – Россия, и самое многочисленное по населению – Китай. Но западная пропаганда строится на том, что за антисирийские резолюции голосует множество мелких стран, которые не осознают, что завтра могут стать следующей жертвой западного хищника.

- Насколько вероятным является силовое вмешательство США в сирийский конфликт и попытка насильственно свергнуть режим Башара Асада (или же США будет сохранять дистанцию и не решатся на риск)? В условиях принятия такой возможности, какие последствия это принесёт самой Америке?

Драган Станоевич: Мы видим, что вся пропаганда западных СМИ, как когда-то в Сербии, в поте лица работает на подготовку общественности к силовому вмешательству США в сирийский конфликт и свержение избранного народом президента Башара Асада. Теперь им нужен повод, а это значит, что они должны организовать и смонтировать серьезную провокацию, которую покажут всему миру. Тут же, в качестве «милосердного ангела» объявят, что надо предотвратить гуманитарную катастрофу, для этого придумают «название» операции и начнут военную акцию с классическим сценарием «демократического» свержения. Единственная пока серьезная проблема для США - это позиция России и Китая. Несмотря на все давление на Россию, она пока держится. Слава Богу, это уже не та Россия 90-х. Поэтому план США усложнился, ведь теперь надо придумать, как обойти эту проблему, используя всевозможные коварные приемы, нарушая международные нормы и стандарты.

Клаудио Мутти: Американское участие в агрессии против Сирии - свершившийся факт, так как именно инструкторы ЦРУ тренируют наемников в Турции. Что касается еще более явной враждебной деятельности США против Сирии, я думаю, что мы должны подождать до ноября - президентских выборов в США. Однако, стратегия США ясна как никогда: в попытке замедлить упадок американской гегемонии, Вашингтон старается разобщить Евразию всеми средствами. США хотят низвергнуть в хаос и «балканизировать» Северную Африку, Ближний Восток, Кавказ и Центральную Азию. Сирию никогда не оставят в покое.

Алессандро Латтанио: Прямое вмешательство США во внутренние дела Сирии уже носит интенсивный характер. Однако, несмотря на это, поражение ЦРУ и Пентагона очевидно. Сирия - это не Ливия, и силы наемников иностранного легиона исламистов были разбиты.

Фабии Фальки: США рискуют, непосредственно участвуя в этом конфликте. Но Соединенные Штаты все более зависимы от некоторых своих союзников. И мы должны также учитывать, что Соединенные Штаты, Британия и Франция сказали, что они будут искать решение вне ООН. Это означает, что они готовы сделать все, что угодно, для охраны международной системы, которая функционирует только в интересах «рынков». Они готовы даже развязать войну между суннитами и шиитами, а также укреплять преступные режимы Саудовской Аравии и Катара. Еще мы должны держать в уме, что израильское правительство указывает пальцем на «Хезбаллу» и Иран - как мы знаем, Сирия является связующим звеном между «Хезбаллой» и Ираном.

Марко Коста: По факту, атака американцев уже началась, даже не с прямого нападения, но через косвенные действия, международное давление, экономические санкции, проникновение террористов и наемников, колоссальные кредиты так называемым повстанцам – распространение исламского фундаментализма. Есть маленькая деталь, которую США должны принять к сведению: Сирия не одна в этой эпической схватке. Позиция Китая и России по конфликту в Сирии вызвала в Совете Безопасности ООН настоящую конфронтацию с Западными странами, по вопросу применения военной силы.

«Позиция России хорошо известна, обоснована и лишена посторонних эмоций, лишних в столь сложной ситуации. Поэтому, возможно будет неправильным говорить, что эта позиция может измениться под чьим-либо давлением», - этими словами Дмитрий Песков, представитель президента Владимира Путина подчеркнул позицию Кремля по тяжелой ситуации в этой арабской стране, после многократных обращений Евросоюза и США к Москве с требованием не вмешиваться со своими планами в Дамаск. Эти слова не заставили долго ждать ответа – в скором времени на них отреагировала гос.секретарь США Хиллари Клинтон, с характерным лицемерным ответом. «Русские говорят, что не хотят гражданской войны в Сирии, и я отвечаю на это – что именно их политика провоцирует гражданскую войну», - сказала в Копенгагене бывшая первая леди.

Факты показывают, что Вашингтон и его союзники разжигают братоубийственную войну в этой Арабской стране, финансируя незаконных боевиков, независимо действующих группировками на

сирийской территории под прикрытием ООН в качестве «Друзей и союзников Сирии». Эта поддержка теперь может быть видна внешнему наблюдателю. Посол США в ООН, Сьюзан Райс, не соврала, когда сказала о том, что действий, предпринимаемых Советом Безопасности недостаточно для того, чтобы остановить насилие в стране, «члены этого совета и международное сообщество останутся только с одной возможностью выбора – готовы ли они предпринять действия вне рамок плана Аннана и полномочий данного совета». Очевидно, что использование темы насилия в данном случае – одностороннее, поскольку администрация Вашингтона субсидирует и сама снабжает вооруженные действия повстанцев, которые она считает законными, таким образом, что самопровозглашенная Армия Освобождения Сирии, вооруженное крыло заграничной оппозиции, собранной вместе в Стамбуле, уполномочена предъявить ультиматум Дамаску, при полном равнодушии международного западного сообщества.

«Если сирийский режим не примет верховенство и власть ПНС, то мы будем вынуждены нарушить соглашение о перемирии в стране, и будем обязаны защитить граждан страны», - так сказано в заявлении повстанцев, столь же лицемерном, как и заявления США и Израиля. На самом деле, многие очевидные факты насилия в отношении сирийского гражданского населения, отказавшегося принять сторону повстанцев, были просто замолчаны Европейским правительством и Белым Домом.

Али Реза Джалили: Основная цель США в Сирии заключается в разломе оси сопротивления против Сионистского режима, в котором Сирия является стержнем (как сказал Насралла, Иран - плечо, Сирия - рука и Хезболла - кулак для удара Сионистов). Не забывая в перспективе о войне с Ираном и геополитическом окружении Москвы и Пекина. Благодаря СМИ, дипломатической, финансовой и военной помощи сирийской оппозиции, американская интервенция уже проторила себе туда дорогу. Но на сегодняшний день США оставили реализацию плана некоторым региональным деятелям (Турция, Катар, Саудовская Аравия и сионистский режим за кулисами).

Я думаю, что если бы США или НАТО хотели провести военную интервенцию, то эти меры были бы уже приняты, несмотря на безвыходное положение внутри СБ ООН. Проблема для них заклю-

чается в том, что Сирия - не Ливия, и военная сила, направленная в Дамаск, благодаря тесным связям, особенно с Россией, Ираном и Хезболлой, является очень сильным сдерживающим фактором. В случае нападения на Сирию возможна бомбардировка оккупированной Палестины; в противостоянии с такой небольшой группой, как Хезболла, сионистскому режиму пришлось сдаться всего лишь после 33 дней в 2006 г., что уж говорить о противостоянии с Сирией, которая, располагая поддержкой Москвы и Тегерана, значительно отличается от арабских стран, подвергавшихся издевательствам со стороны сионистов в предыдущие десятилетия.

США не могут позволить дальнейшее ослабление Тель-Авива, не говоря уже о беспорядках, которые наступят в Турции, где курдские партизаны ждут возможности нанести удар по правительству Эрдогана. Нападение на Сирию приведет к беспорядку в регионе, не говоря уже о курсе нефти в восточной части Средиземного моря и в районе Персидского залива, легких мишенях для сирийских ракет, имеющих огромный уровень точности, как мы видели в случае обстрела турецкого военного самолета несколько месяцев назад. Может ли Запад допустить длительный период высоких цен на нефть? Все это говорит о том, что США не будут нападать на Сирию напрямую, а только через вооруженное сопротивление и посредством союзников в регионе, как было в прошлом году.

Очевидно, безумие может случиться всегда, но я не думаю, что американцы хотят так сильно рисковать.

Тим Керби: Одно из подтверждений пришло от The New York Times: в этой газете была опубликована новость о том, что Барак Обама «увеличивает объемы гуманитарной помощи повстанцам и удваивает усилия в построении коалиции стран, согласных насильственно свергнуть режим Башара Асада». Так что, коли он «увеличивает», это означает, что помощь повстанцам уже там. По существу, США уже находятся в противоречии с уставом ООН и предпринимают попытку вторгнуться в суверенную державу. Теперь Обама просто говорит: «удвоим усилия». Больше года Соединенные Штаты ведут войну через посредников против Сирии, а неподражаемые The New York Times (с прочей свитой западных газет и телеканалов) имеют смелость утверждать, что все произошедшее было «дипломатическим урегулированием».

Тим Керби: Поскольку финансирование «повстанцев» работает достаточно хорошо, наземная операция вторжения кажется алогичной в данный момент. Конечно, когда/если Асад падет, в Сирию будут посланы «советники» для работы с новым правительством.

Если бы Америка вторглась, то она ничего бы не потеряла от этого. Вторгаться в Сирию – алогично, но логичность и логика кажутся редким достоянием в современном мире. У США есть преимущество в виде контроля мировой валюты и способности выходить из долга путем привлечения еще большего долга, что означает (на данный момент) у нее есть теоретически бесконечное количество ресурсов. Вложение нескольких миллиардов в очередной конфликт никак не повлияет, ничего не изменит. В самих США есть все более увеличивающееся «ядро» американцев, которым надоела нынешняя политика США и которые начинают восставать за свои собственные интересы, за самих себя, но в конце концов вторжение в Сирию не вызовет большого подъема американского общества и масс, и Сирия окажется очередной страной, имя которой будет вписано в список стран, атакованных США, в какой-нибудь инфо-графике на Facebook.

Флавиу Гонсалвес: Все зависит от результатов выборов этого года: Митт Ромни (мормон, член христианской секты, которая более радикальна, чем мусульманские фундаменталисты) или Барак Обама. Обама не рискнет на такие действия без поддержки ООН так же, как и в Ливии. Вспомним бывшего президента Франции Николя Саркози, которому пришлось нанести первый удар.

Дидиму Матус: Несомненно, что непосредственное вмешательство США сейчас затруднено противодействием России и Китая; рассматривая подобную перспективу, я не верю, что США захотят оказаться в состоянии прямого военного конфликта с этими двумя державами. Если они потеряют чувство меры и сделают что-то подобное, а Россия и Китай выполняют свои обещания, вступление США в конфликт может привести, по меньшей мере, к окончательному падению американского доминирования или к войне с применением ядерного оружия, III Мировой войне.

Ирина Громова: Такая вероятность, конечно, есть. С одной стороны, США только-только закончили войну в Ливии, которая пошла совершенно не по шаблону, не по их правилам. Они рассчитывали на то, что победят очень быстро, что законный руководитель Ливии

Муаммар Каддафи испугается и уйдет, но вышло все совершенно по-другому, он выбрал путь сражаться до конца. Ливийская война затянулась на много месяцев, Запад израсходовал гораздо больше средств и оружия, нежели планировал. И это при том, что население Ливии всего-навсего 6 миллионов, а армия составляла 20 тысяч человек.

Армия Сирии на порядок больше и сильнее. Кроме того, Сирия неплохо вооружена, Россия все же успела поставить Дамаску весьма неплохую технику. Те на Западе, кто потрезвее, понимают, что такая война не будет легкой прогулкой, и за захват Сирии придется заплатить гораздо большую цену. Тем более что Башар Асад, судя по его последним интервью и заявлениям, выбирает тот же самый путь, как и Каддафи – победа или смерть.

С другой стороны, США никогда не склонны шадить своих врагов, и если этот хищник вцепился в кого-то бульдожьей хваткой, то разжать ему зубы невозможно. США не любят признавать своих поражений.

Сейчас благодаря усилиям США и их союзникам Башар Асад превратился в очень крупную политическую фигуру, и, конечно, США постараются сделать все возможное для того, чтобы убрать сильного и авторитетного лидера. Ради этого США идут на любые зверства, посылая своих солдат на риск – ведь рисковать-то придется совсем не тем, кто сидит за океаном в Овальном кабинете.

Многое зависит также и от исхода президентских выборов в США. Если победит Ромни, вероятность вторжения серьезно возрастет. Если же останется Обама – многое будет зависеть от того, какое влияние на него будет оказывать больше всего жаждающая войны Хиллари Клинтон. Возможно, сам Обама не слишком-то хотел войны в Ливии и не горит большим желанием соваться в Сирию. Но на него оказывается слишком сильное давление со стороны его окружения. Хиллари Клинтон, муженек которой варварски расправился с братской нам Югославией, не остановится, для нее это уже личное, она будет постоянно поднимать и проталкивать вопрос о войне.

Правда, есть еще шанс избежать нападения НАТО, если Сирийской армии удастся в короткий срок разгромить бандитское подполье. Ведь если в стране, вопреки воле США, боевики будут разгром-

лены, то США будут знать, что никто их тут с хлебом-солью не ждет, а значит, и лезть бесполезно.

По поводу того, какие последствия агрессия принесет Америке. Нам это, может быть, незаметно, но с каждой войной, даже и победоносной, Америка теряет многое. Все военные победы США за последние два десятилетия – это пирровы победы. Ведь каждый раз на войну тратится огромное количество денег и ресурсов. Конечно, можно сказать, что они напечатают еще долларов, но этот долларový мыльный пузырь надувается с каждым разом все больше и больше, и с каждым разом возрастает риск, что он однажды лопнет.

Кроме того, США с каждой новой войной, с каждым новым зверством и злодейством проигрывают в имидже. Все больше и больше людей в мире понимают, что убийства и бомбардировки мирных стран – не демократия, а это новый фашизм. Если вначале еще можно прикрываться лозунгами «борьбы за свободу», то с каждой новой войной, с каждым новым трупом, с каждой новой бомбардировкой – миф о «борьбе за свободу» развенчивается больше и больше. Для любого, кто пытается доминировать в мире, рано или поздно при-

ходит час поражения. И каждая новая капля крови приближает час, когда чаша будет переполнена. США, если они не откажутся от милитаризма и планов по гегемонии над миром, ожидает конец.

И возможно, именно Сирия окажется той самой страной, о которую споткнутся «демократизаторы», хотя ей и придется заплатить страшную цену. Она уже заплатила много, потеряла тысячи доблестных защитников, уже перенесла много страданий. Она заслужила победу.

- Как Вы оцениваете позицию России в этом вопросе? Способна ли она пойти на уступки, поддавшись на уловки Запада (например, на предложение Хилари Клинтон о создании демилитаризованной зоны), не смотря на то, уже получила весьма тяжёлый опыт в ситуации с Ливией?

Драган Станоевич: Конечно, позиция России ключевая. Повторю, это уже не та Россия 90-х, которая, по сути, разрешила бомбежки в Сербии, а другая, которая умеет отстаивать международные позиции и право. Конечно, надо иметь в виду ситуацию по Ливии, ведь российское руководство осознало, насколько коварной и закамуфлированной может быть политика США. Скорее всего, они опять будут пытаться предложить России какой-то «приемлемый» вариант, чтобы соблазнить российское руководство. Думаю, что российское руководство будет принимать взвешенные решения, которые увеличат ее авторитет в мире. Надо понимать и то, что на Россию в последние годы смотрит половина мира в надежде на удерживание какого-то мирового баланса и обеспечение действенности существующих норм и права.

Клаудио Мутти: Слава Богу, Москва не собирается повторять чудовищной ливийской ошибки. Кроме того, Сирия имеет для России гораздо большее значение по двум причинам. Во-первых, военная база в Тартусе является важной для российского флота. Во-вторых, установка радикально исламистского режима в Сирии дестабилизирует исламский мир, в том числе и территории, входящие в состав России. Оставляя Сирию на произвол судьбы, Россия наносит себе непоправимый ущерб.

Алессандро Латтанцио: В России поняли, что ООН была инструментом западного империализма. Ошибка, совершенная в Ливии, которая не являлась союзником Москвы, не повторяется. Военно-стратегическое значение Сирии куда более важно для стабильности и безопасности России, и потому есть преграда, которую НАТО не может перейти безнаказанно.

Фабио Фальки: Сирия имеет важное значение для безопасности России, которая в курсе, что дестабилизация в Средиземноморском регионе и мусульманском мире не только грозит сорвать попытки Москвы по нахождению в Средиземноморье (благодаря военно-морской базе в Тартусе), но также прокладывает путь для новой цветной революции или восстания в Иране, равно как и в среднеазиатских странах бывшего СССР. То есть падение режима Асада облегчит дестабилизацию не только Ирана, но и России.

Флавиу Гонсалвес: После опыта с Ливией, признаться, я был слегка потрясен, видя реакцию России, Венесуэлы и Ирана. На мой взгляд, все они трусили. Пойдут ли они сейчас на компромисс или рискнут новой Мировой войной? Я не вижу ни одну из них, готовую пойти на Мировую войну - даже Иран. Они могут оправдываться любыми утверждениями, я все равно придерживаюсь точки зрения, что это малодушно - не посылать войска для защиты Сирии.

Винченцо Магдалони: Хиллари Клинтон, госсекретарь США, продолжает обвинять Россию в продаже военных вертолетов режиму Асада. Такие заявления отвергаются Москвой, которая говорит о небольшом ремонте и усовершенствовании тех вертолетов, которые были предоставлены несколько лет назад. Но, вдобавок к обвинениям, Хиллари также адресует России приглашения поучаствовать в создании общей демилитаризированной зоны. Мы можем только надеяться, что Россия не согласится принимать участие в таких «дипломатических инициативах». Вашингтон хочет съесть и русский кусок «пирога». Сломить и убить (да, именно убить!) Башара - и иметь приятный дружелюбный режим в Сирии, даже если у власти будут головорезы, как это произошло в Ливии. И США хотят, чтобы каждый был в согласии с планом, включая Россию и Китай.

Марко Коста: Позиция России по сирийскому кризису была сильно обусловлена последствиями итогов Ливийского конфликта. Интервенция НАТО, завершившаяся захватом и убийством Кадда-

фи, возобновила мнение о том, что Российские резолюции в ООН могут быть манипулируемыми и даже способны легитимизировать интервенции, чьими целями является замена режима, без всякого на то одобрения международной общественности. Путин сказал, что «произошедшее в Ливии – трагедия в международных отношениях» и предупредил что «Западу больше никогда не будет позволено прибегнуть к демократии бомб и ракет на ближнем Востоке». Сирийский кризис еще более сложен и критичен, чем кризис в Ливии. В то время как в ситуации с Ливией было ясно, что это не спровоцирует дестабилизацию региона, с Сирией очевидно что конфликт может легко перерасти на региональный уровень – от Ливии до Иордана и даже Ирака – и вызвать реальный международный кризис. Россия опасается того, что свержение режима Асада, поддерживаемого алавитами (сегмент шиитов в Иране), может укрепить суннитский элемент (Аль-Каеда, Братья-Мусульмане, Хамас) с двумя серьезными последствиями: возможным возобновлением движения сепаратизма в самой России, продвигаемого ваххабитами (суннитами), и последующее ослабление Ирана, где превалируют шииты. Позиции других стран в регионе и других акторов еще больше усложняют картину: Израиль поддерживает Сирийских суннитов для того чтоб заблокировать Иранские амбиции, Саудовская Аравия, управляемая суннитами, но с меньшинством шиитов, доходящим до 30% в нефтеносных районах, активно поддерживает Сирийскую оппозицию. Случай с Сирией показывает насколько деление в регионе между Суннитами и Шиитами выходит далеко за рамки национальных государственных границ и образует серьезную угрозу для всего региона, равно как и за его пределами. Пока Запад лицемерно подчеркивает серьезные нарушения прав человека и отсутствие демократии, Россия предупреждает о рисках развития конфликта до уровня международного. Сирия также является историческим союзником Москвы, и внешняя интервенция в Сирии означала бы поражение России на ближнем Востоке. С окончанием холодной войны, отношения между Москвой и Дамаском были также сильно закреплены коммерчески, Сирия стала одним из наиболее важных импортеров Российского вооружения (75% Сирийского вооружения сделано в России), хоть Сирийский рынок и не является для Москвы наиболее прибыльным (Дамаск стоит на 7-м месте в списке стран-импортеров Российско-

го вооружения). Россия, унаследовавшая от Советского Союза небольшую логистическую базу для своего флота в Сирийском порту Тартус, затем оставившая его в 1991-м году, смогла превратить ее в свою постоянную морскую базу со сложной системой радаров. Своего рода ответ на противоракетную систему НАТО в Турецкой Малатье. В Сирийском кризисе Россия также намеревается защитить Иран, страну, подвергнушуюся остракизму Западом, с которым Москва, как бы-то ни было, продолжает поддерживать отношения. Для Москвы Иран – это инструмент поддержания баланса в отношении с Вашингтоном и средство усиления своих позиций в этом диалоге. Тем не менее, Россия осторожно движется в направлении удержания Иранского кризиса, поскольку баланс сил в стране не ясен и Исламистский режим может быстро обрушиться. Россия хочет призвать международный форум для контролируемой передачи власти Сирийским режимом, но без внешнего вмешательства посредством силы. Позиция России, в конце концов, также способствует тому, что США не захотят вступать в предвыборную гонку на фоне войны, которая возможно не ограничится Сирией, но дестабилизирует весь регион, ведомый Россией, даже в контексте международной общественности. До сих пор Россия была неспособна принять план соглашения по передаче власти в Дамаске. Поэтому мы ожидаем возвращения Российской стати в качестве великой державы, которая «не может остаться в стороне», но также испытывает сложности в связи с ввязыванием в эту ситуацию. Эта недееспособность также помешала Вашингтону решить проблему с Йеменом, со стороны которого теперь есть опасения о проникновении террористов для участия в гражданской войне в Сирии. Я уверен, что в этот раз, главные препятствия на пути однополярной геополитической гегемонии США – Китай и Россия – будут реагировать намного жестче, чем в случае с Ливией.

Али Реза Джалили: Прежде всего, мы должны понять позицию России по отношению к так называемой арабской весне. С начала беспорядков, президент Путин и его помощники заклеили эти явления цветными революциями, как в Грузии и Украине. Однако в Ливии Россия недооценила степень подстрекательства к войне администрацией Обамы, вероятно полагая, что она не будет действовать как администрация Буша. Россияне доверились Западу, но вера Мо-

сквы была награждена прямым военным вмешательством НАТО, которое, как мы видим в эти дни, проложило путь к дестабилизации Ливии и Гражданской Войне. Опыт, полученный в этом событии, и начало теракта в Сирии, не говоря уже о возобновлении некоторых террористических атак на русском Кавказе, убедили

Москву в непримиримости в отношении любой Западной военной атаки против Дамаска. Неверно говорить, что Россия оказывает поддержку Асаду в Сирии только потому, что в Средиземном море находится единственная в дальнем зарубежье Российская военная база. Несмотря на это, вероятно, правительство России размышляет следующим образом: НАТО продолжает свою экспансию на границах России и установила противоракетную радиолокационную станцию в Восточной Европе и Турции, с явным намерением запугать Москву и Тегеран. Так называемая арабская весна стремительно меняет регион Ближнего и Среднего Востока, с целью дестабилизировать обстановку на Кавказе, обеспечивая сильный толчок исламским партиям, таким как Братья-Мусульмане, действующим в России. Нападение на Сирию может стать основанием для нападения на Иран, и падение Тегерана будет падением всего южного края России. Это означает контроль НАТО и США над всем Ближним Востоком, с большим геополитическим ущербом правительству России, которая будет раздавлена мусульманским миром при полном согласовании с НАТО. Это спровоцирует процесс распада, похожий на падение Советского Союза, с той лишь разницей, что в данном случае Россия, чтобы подняться, должна ждать несколько веков, а не десятилетий, как произошло за последние двадцать лет. Наверное, это анализ россиян, и Путин не желает такого ужасного сценария. Сопротивление

русских в Сирии - предупредительная война против распада Российской Федерации как суверенного и независимого государства и как основного игрока в региональной и глобальной динамике. По моему мнению, Москва не будет принимать предложения Америки, которые приведут к результатам ливийского сценария. Для русских, так же как и для иранцев, важно, чтобы Алеппо не стала «второй Бенгази» и чтобы Асад не получил такого же исхода, как Каддафи. Соппротивление в арабском мире означает для Москвы и Тегерана предупредительную войну против США и НАТО с целью улучшения своего положения. Перспектива Запада ясна: сегодня Дамаск, завтра Тегеран, а затем Москва.

Тим Керби: Компромисс с глобалистами это поражение. Вы не можете идти на компромисс с фанатиками, бессмысленно даже пытаться. Россия уже пошла на компромисс, когда воздержалась от вето и блокирования интервенции в Ливии, и посмотрите, чем это обернулось. Кровь бомбардировок Ливии, которые ввергли эту страну в средневековое состояние, на руках России, за то, что она позволила это сделать. Невозможно сказать ничего такого, что могло бы отсудить госпожу Клинтон или поменять ее точку зрения, зачем тогда думать об этом? Россия должна занять позицию высокой морали и презентовать себя миру в качестве страны, которая голосует против войны в ООН. Возможно, это звучит глупо, но один из лучших путей для создания друзей и союзников по всему миру – это не бомбить их.

Дидиму Матус: До сих пор Россия заявляла целостную позицию, единственно полезную для страны, и хотя сейчас происходит серия странных событий, вроде возможного открытия базы НАТО на территории России, надеюсь, Путин не поддастся на манипуляции из Вашингтона. При решении данного вопроса всегда имеют значение экономические возможности США, и видимо американцы понимают, что экономика России возрождается.

Ирина Громова: Мне кажется, что та Россия, которая поддержала резолюцию ООН по Ливии, и та Россия, которая сейчас блокирует антисирийские резолюции – это две разных России.

Внешне, может быть, это и не очень заметно, и слишком много людей продолжают твердить о «тандеме». Правда же состоит в том, что тандема давно уже нет, и он умер именно в тот момент, когда

была совершена агрессия против Ливии. Эта агрессия выявила колоссальную разницу между Путиным и Медведевым.

Медведев поддержал агрессию НАТО, несмотря на то, что МИД был категорически против. Лавров даже хотел уйти в отставку после этого. Путин сделал по Ливии несколько заявлений, и все они были в защиту Ливии и против позиции НАТО. Я уверена, что именно после того, как Медведев отдал Ливию на растерзание хищникам, после того, как Россия впервые в жизни поддержала фашистскую расправу над невинной страной – начался закат Медведева и либеральных элит, связанных с ним. Именно после этого начался подъем Путина и относительно патриотических элит, связанных уже с ним.

В результате эти другие люди, которые стоят за Путиным и которые враждебны либеральным элитам, стоящим за Медведевым – они-то уже и удерживают Сирию, они накладывают вето и делают порой весьма и весьма решительные антизападные заявления.

Однако, мне кажется, что позиция России могла бы быть еще более решительной. Шаги России могли бы быть следующими. Принять Сирию во все международные организации, где «рулит» Россия – ОДКБ, БРИКС, ШОС. Поставить ей самое новое оружие, включая С-400. Твердо заявить, что нападение на Сирию равнозначно нападению на Россию. Отправить корабли к берегам Тартуса, расширить там базу, сделав ее полноценной и крупной, тем более, что сирийская сторона только за это. Может быть, даже направить элитный спецназ для борьбы с террористами. Помочь в охране границ. Поставить оборудование по борьбе с терроризмом, поделиться нашим колоссальным опытом в этой сфере. Проконтролировать собственные СМИ, в которых засели либералы. Ведь читать же порой невозможно то, что они несут о Сирии, подхватывая любую ложь и выдавая «громкие», «сенсационные» заголовки, но не слишком-то дающие ход правде (хотя, конечно, это уже лучше, чем было во времена агрессии против Ливии).

В конце концов, если бы В.В.Путин нанес бы сейчас официальный визит в Сирию – это подняло бы моральный дух и народа, и армии, и руководства. Его здесь ждут, как дорогого гостя.

Но и за ту позицию, которую Россия заняла сейчас, сирийцы безмерно благодарны. С каким воодушевлением сирийские солдаты и офицеры встречают людей из России! Я уже не раз свидетельствова-

ла, что стены домов в Дамаске исписаны надписями «Спасибо России». Благодарят также и Китай.

Мне пока сложно сказать, что сделает Россия, если страны Запада все же решат перешагнуть через двойное вето в Совете безопасности и начнут незаконную агрессию, как это было в Югославии. Если Россия это проглотит – будет позор. Я все же надеюсь, что не проглотит, и тогда последуют более решительные шаги.

Но пока что Россия поддерживает Сирию на дипломатическом уровне, и за это – огромное спасибо. Вот эта позиция, мне кажется, может измениться только в том случае, если изменится сама Россия, если здесь восторжествуют либеральные элиты и свершится сценарий «оранжевой революции», мягкой или жесткой - тогда, конечно, уже не будет ни малейшего шанса на то, что позиция России сохранится. Но такой сценарий, мне кажется, не слишком вероятен.

- Как, на Ваш взгляд, будет развиваться ситуация после свержения Башара Асада? Судя по информации, распространяемой посредством СМИ, катастрофических сценариев насчитывается уже десятки.

Драган Станоевич: То, что ситуация будет катастрофической, в этом нет сомнения. После свержения Асада она будет развиваться по нескольким разработанным сценариям. Классический сценарий в таких операциях - это, сначала, атака западных СМИ о якобы преступлениях, опасности для мирного населения и проч. Потом начнется явная ликвидация руководства, роль в которой будут выполнять повстанцы, а режиссер нам уже известен. Возможна и организация показательного судебного процесса, но опять-таки с летальным исходом. Ответ на вопрос, какой именно сценарий будет реализовываться, будет зависеть от обеспечения поддержки лидеров стран и интересов США, чтобы не раскрылась ненужная информация, как это было с Муаммаром Каддафи. Могу предположить, что для новой власти в Сирии уже определены и роль, и срок использования. Думаю также, что США не смогут полностью управлять конфликтом. Из истории мы можем увидеть, что их интерес ограничивается определенными политическими и экономическими интересами, а затем народ оставляют в разрушенной стране с гражданскими конфлик-

тами. Однако, учитывая национальную особенность Сирии, боюсь, что страна получит или раздел, или затянувшийся конфликт с тяжелыми последствиями. От всего этого пострадает народ - а «борцы за демократию» всегда имеют только интересы и пользу!!

Клаудио Мутти: Смена режима в Сирии приведет к «ливанизации» ее территорий. Этот сценарий представлен, например, британским агентством Maplecroft. «Курды на севере, друзья на южных холмах, алавиты в северо-западном прибрежном регионе и суннитское большинство на оставшихся территориях». Доре Голд, президент Jerusalem Center for Public Affairs и советник израильского премьера Биньямина Нетаньяху, хочет «нового хаоса, замещающего тот, что существовал доныне». Сионистский план предусматривает множество различных столкновений - между суннитами и шиитами, мусульманами и христианами, и т.д., не только в Сирии, но и на Ближнем Востоке в целом. В сущности, это региональное применение теории «Евразийских Балкан» Збигнева Бжезинского.

Алессандро Латтанцио: Уничтожение Сирии было бы еще одним шагом к распаду Ближнего Востока, это приведет к политическому хаосу и этническим войнам в Евразии. Цель, преследуемая нечестивым союзом Вашингтона, Тель-Авива, Эр-Рияда, Анкары и Брюсселя - уничтожить Иран и смертельно ранить Россию, Китай, Пакистан и Индию.

Флавиу Гонсалвес: После опыта с Ливией, признаться, я был слегка потрясен, видя реакцию России, Венесуэлы и Ирана. На мой взгляд, все они трусили. Пойдут ли они сейчас на компромисс или рискнут новой Мировой войной? Я не вижу ни одну из них, готовую пойти на Мировую войну - даже Иран. Они могут оправдываться любыми утверждениями, я все равно придерживаюсь точки зрения, что это малодушно - не посылать войска для защиты Сирии.

Марко Коста: Самый катастрофический сценарий, по-моему, это быстрое разрастание фундаменталистов-террористов в Сирийской социальной системе, которой всегда были свойственны секуляризм и религиозный и гражданский плюрализм. Малыми шагами Сирийские повстанцы могут добиться: 40 тысяч людей в строю к оружию, контроль над границей с Ираком и треть городской территории страны, с двумя опорными пунктами возле провинций Хомс и Идлиб. Они участвовали в бою в Дамаске, с Четвертой Танковой Дивизией.

Они не подотчетны четкой организационной структуре, но организованы в провинциальные военизированные группировки, которые позволяют обеспечить локальный контроль над проводимыми операциями. Они во многом походят на Албанскую Армию Освобождения Косово в ранние 90-е, которые смогли перестроиться только с 96-го года и тогда в качестве партизанского движения стали неуязвимыми. Сирийские повстанцы теперь могут рассчитывать на тыловое обеспечение вооружением и снабжением. Эта сеть включает в себя базу Инкирлик в Турции, два комплекса на севере и юге Ливана, и Мафрак, Иордан, которые регулярно используют ЦРУ, Британская МИ6, и Израильская дальль'Аман, для подготовки сирийской оппозиции. Израильские, Американские и Турецкие солдаты уже долгое время готовят повстанцев. Специалисты Британской SAS и SBS обучают ведению войны в городской местности. Спецслужбисты из французской DGSE передают повстанцам информацию о перемещениях лоялистов. Американцы в свою очередь наспиговали Сирийское небо истребителями, базирующимися на базе Инкирлик и беспилотниками-шпионами U2. Как только выдается подходящее время, повстанцы проникают в Сирию с турецкой и ливанской границы в Вади Халед. Крайне важными для распределения оружия являются Турецкая провинция Хатай, Ливан и Ирак. Не менее 2000 автоматов Калашникова и снайперских винтовок было переправлено в течение последних пары недель из Турции, гранаты и штурмовые винтовки из Ирака. Денежные средства, оружие и снаряжение поставляется из Саудовской Аравии и Катара: 15 миллионов долларов было ссужено Сирийскому Национальному Правительству, наряду с колоссальным количеством аммуниции, гранатометов, ракетниц, РПГ-9, и автоматов (М-16). Некоторые фотографии не оставляют никакого сомнения: даже штурмовые винтовки Fal, сделанные в Бельгии, находятся в руках сирийских повстанцев. Но Брюссель не участвует в конфликте. Это оружие есть в изобилии в арсеналах залива.

Суда и контейнеровозы соединяют два порта. Контрабандные операции также процветают и на Черном Море. Повстанцы платят \$ 4000 за ракеты для «Катюши» и \$ 1500 за противотанковые ракеты. Весьма активны также оружейные дилеры. Агенты ЦРУ поставляют из Ирака импровизированные самодельные взрывные устройства.

Франческо Пальмас Июль 21, 2012

Администрация Обамы в течение определенного времени блокировала любые попытки дипломатического решения конфликта в Сирии и наращивала помощь повстанцам, в то же время прибегая к попыткам построить коалицию государств с целью вынудить Башара аль-Асада покинуть свой пост. Об этом было сказано в издании «Нью-Йорк Таймс» со ссылкой на некоторые американские источники, согласно которым администрация консультируется по этому вопросу с Турцией и Израилем.

Али Реза Джалили: Я заявляю, что Асад не падет, поскольку он обладает широкой поддержкой в армии и среди населения. Этнические и религиозные меньшинства поддерживают правительство, а также большинство мусульман суннитов не хотят, чтобы Сирия была под контролем Запада. Махмуд Захар, один из основателей ХАМАС, несколько недель назад в интервью иранскому каналу IRINN сказал, что в Сирии происходит не революция, а широкое распространение террористической угрозы. И война против терроризма пользуется большой поддержкой правительства, о чем свидетельствуют недавние боевые действия в Алеппо и Дамаске. Ни одного крупного города нет в руках повстанцев. Таким образом, Сирией будут по-прежнему руководить люди с антисионистской ориентацией, несмотря на давление некоторых арабских правительств и Запада. Но если проанализировать отдаленные предположения о падении Асада, международный сценарий был бы таков: А) ослабление оси сопротивления и Ирана. Б) Укрепление НАТО в регионе и становление сионистского режима как самого мощного государства на Ближнем Востоке. С) После событий в Ливии дальнейшие удары по России и Китаю. В это время в Сирии будет политическая нестабильность, гражданская война и сектантские бои. Там будет иметь место «Ливанизация» страны, дробление на различные географические территории, неподконтрольные центральному правительству. На западе будет зона алавитов, на юге – друзов и на севере - курдов. Дамаск и Алеппо будут в руках фундаменталистских групп, а умеренных суннитов будут преследовать за их поддержку Асада. Это будет только первый шаг к вычеркиванию Сирии с карты и созданию небольших и слабых стран, которые не представляют никакой угрозы для безопасности Сионистского режима.

Винченцо Маддалони: Последние отчеты говорят, что были «переговоры между Турцией и Израилем в планах по обеспечению свержения правительства Сирии», и, действительно, становится ясным, что Израиль может быть доверенным лицом хотя бы только для того, чтобы взять на себя задачу «уничтожения складов вооружения и амуниции». Тем временем, беспощадная ливийская «Аль-Каида», привезенная на британских самолетах, Америка, Франция продолжают разжигать войну. Одновременно разведка вышеперечисленных государств закладывает бомбы в Дамаске, подрывая одну за другой, и так добираясь до Башара Асада. Это организованный терроризм. Я так говорю - в The New York Times пишут по-другому.

Тим Керби: К сожалению, как человек американского происхождения, живущий в России, я не хочу говорить, что знаю точно, как будут развиваться события в Сирии, но насильственные политические перемены (особенно те, что связаны с усилением исламских экстремистов) выглядят мало привлекательными, и едва ли происходят в лучших интересах обывателя, который пострадает от этих перемен больше всего.

Дидиму Матус: У меня нет подобного сценария, но думаю, ситуация будет сходной с той, которая развивается в двух других странах, пострадавших так же, как и Сирия – условия будут постоянно ухудшаться, если не произойдет ничего неожиданного. Внешняя зависимость будет расти, страна будет практически оккупирована внешними силами, и пройдут десятки лет, прежде чем Сирия восстановит свой суверенитет, если это вообще случится.

Ирина Громова: Я считаю, что в случае, если не будет открытой внешней агрессии, то свержения Башара Асада не произойдет. На 97% уверена в этом. Если же произойдет внешняя агрессия, то это будет не свержение Башара Асада, а просто-напросто уничтожение страны, которую сровняют с землей. Свержение Башара Асада и убийство страны – это все-таки разные вещи.

Однако по одному проценту отвожу на следующие варианты:

1. Запад может пойти на негласную агрессию под видом «народного восстания» в Дамаске. Например, переодевание собственных спецназовцев в арабские одежды и взятие Дамаска по триполийскому варианту, государственный переворот под маской «арабской весны», осуществляемый профессионалами высокого класса, при

поддержке внутренних предателей. Но это будет осуществить значительно сложнее, так как Дамаск больше и по территории, и по населению. Там нет моря, по которому можно доставить морской десант. И, опять же, сирийская армия сильнее ливийской. У такой попытки есть все шансы на провал.

Как будет развиваться ситуация в этом случае? Скорее всего, по ливийскому варианту. Алавитов ждет геноцид, христиан – изгнание или тоже резня. Или же они найдут в себе силы сопротивляться, и тогда будет уже самая настоящая гражданская война, когда не останется ни одного спокойного очага.

2. Мне страшно писать об этом варианте, но Запад может попытаться физически устранить Президента. Запад уже неоднократно устранял неугодных государственных лидеров.

Что же касается самого Башара Асада – есть такой афоризм, что люди, жизнь которых наиболее ценна, как правило, недостаточно ей дорожат. До этих событий Башар Асад вообще ходил по улице без охраны и мог спокойно зайти в любой магазин купить себе продукты. На многих кадрах и видеозаписях видно, как он общается с народом – к нему подходит любой человек. Даже после начала всех событий Президент мог сесть за руль автомобиля и без всякой охраны приехать в мятежную Хаму. В январе этого года, почти сразу же после одного из страшных терактов, Президент пришел на митинг и свободно общался с народом. В марте поехал в только-только защищенный Хомс, где еще было очень тревожно, и общался с жителями города без бронжилета. А затем снова без охраны сел за руль и поехал на юг Сирии. Когда мне посчастливилось вместе с делегацией из России попасть к нему на прием (было это в ноябре прошлого года) – нас не обыскивали, не досматривали сумки, даже не провели через металлоискатель.

Президент, вопреки многим слухам и дезинформации, не покинул Дамаск в самые тяжелые дни, когда переворот был наиболее вероятен – это были дни операции мятежников «Вулкан в Дамаске», которая состояла в попытке штурма столицы, и ужасного теракта, который, к сожалению, удался врагам и унес жизни министра обороны и других руководителей Сирии. Расчет врагов был как раз на то, что Президент бежит, в армии возникнет хаос... Но новый министр обороны был назначен в тот же день, паники не возникло. Возмож-

но, именно в те дни и готовилась операция по уничтожению Президента, так как уж слишком много было разговоров на эту тему во враждебных СМИ, которые нередко делали так: сообщали о каком-либо взрыве или теракте, и этот теракт действительно случался. Но, к счастью, в планах врагов Сирии что-то сорвалось, и государство выстояло.

Но, конечно, нельзя исключать таких попыток в будущем. Я надеюсь, что служба безопасности приняла соответствующие меры безопасности, и уже никто не позволит Президенту геройствовать, потому что его жизнь принадлежит не только ему, и слишком много от него зависит.

Но, понятное дело, что итог подобных спецопераций не может предсказать никто... Никто не знает коварства врагов и откуда вылезет предатель... Мне не хочется такое предполагать, но в этом случае может начаться борьба за власть между различными кланами, и государство может распасться.

3. Третий вариант – это если Россия перестанет поддерживать Башара Асада даже на дипломатическом уровне, и начнет уговаривать его уйти, как это было в случае с Президентом Югославии Слободаном Милошевичем в октябре 2000 года, и с Президентом Аджарии Асланом Абашидзе, как это было весной 2003 года. Башар Асад может и не прислушаться к подобному враждебному совету, но с другой стороны, он, поставленный перед выбором, что либо отставка, либо бомбардировки с санкции ООН и потеря всех союзников, - как патриот, он может уйти, пожертвовав собой, как это сделал Слободан Милошевич. В этом случае, возможно, произойдет более мягкий вариант ухода, возможно, даже без особой крови, но вряд ли даже такой мягкий вариант пойдет на пользу Сирии. Просто это будет ползучий переворот. А если преемник Башара Асада также окажется человеком твердым и авторитетным – США захотят убрать уже его, и все начнется сначала.

Но, думаю, что такой вариант возможен только в том случае, если Россия изменит позицию в худшую сторону. А это произойдет только в случае успеха белоленточных в самой России, что маловероятно.

- Одним из вероятных сценариев развития события является территориальный раздел Сирии на три части. Чагры Эрхан, дирек-

тор Центра стратегических исследований европейских народов, полагает, что режим БААС, отстраняемый от власти, попытается создать новое государство, на основании принадлежности к мазхабу по линии Латакия-Тартус, что может повлечь за собой принятие решения об уничтожении или ассимиляции суннитского населения. Кроме того, подобный ход (создание нового государства) могут предпринять и курды. И здесь возникает непростой вопрос, каким образом предотвратить раздел страны? Эрхан считает, что как только правительство вмешается в процесс, прибегнув к насильственным мерам, это приведёт к ещё большему кровопролитию. Насколько вероятным, на Ваш взгляд, является этот сценарий?

Клаудио Мутти: Этот сценарий отнюдь не является новым. В 1920 году Лига Наций отдала Франции контроль над Сирией и Ливаном, так что к концу июля эмир Файзал покинул Сирию, чья территория была разбита на множество мелких государств, прямо или косвенно управляемых Францией. В сентябре 1920 года Франция создала «государство» Алеппо, «государство «Дамаск» и Территорию Алавитов. В марте 1921 года было создано государство Джабаль аль-Друз, населенное друзами. В следующем году Территория Алавитов стала «государством» и была объединена вместе с Дамаском и Алеппо в Сирийскую Федерацию, однако, в 1924 году оно было снова отделено от нее. США и их союзники хотят вернуться к этой ситуации. Кроме того, мировая сионистская организация недвусмысленно говорит об этом с 1982 года: «Основной целью Израиля является разделение Сирии и Ирака на регионы, определяемые по этническим и конфессиональным признакам, что приведет к уничтожению военной силы этих государств».

Фабио Фальки: Я не знаю, возможен ли такой сценарий на самом деле. Но я знаю, что геополитика хаоса - единственная жизнеспособная стратегия Соединенных Штатов, позволяющая им оставаться полицейским западной олигархии. Не может быть никаких сомнений, что сущность геополитики хаоса состоит в растворении на мировом рынке национальных идентичностей, которые представляют собой - или, лучше сказать, могут быть - барьером для глобализации «Made in USA». С этой точки зрения конфликт в Сирии показыва-

ет, что главной целью США является не столько разделение Сирии, сколько противодействие тому, что Россия совместно с Китаем могут создать настоящий многополярный баланс. И «балканизация» Ближнего Востока - необходимое условие западной геополитики. Но на этот раз Москва, кажется, осознает, что поставлено на карту.

Алессандро Латтанцио: Этот сценарий тот же, что преследуется сионистским планом - разрушить суверенные государства и превратить их в колонии Запада.

Марко Коста: Согласно моим идеологическим убеждениям, вопрос национального суверенитета – ключевой элемент для понимания мира модерна. Никто не может подвергать сомнению право одного народа на самоопределение и защиту своих корней, традиций, идентичности. Но к этому вопросу мы должны подходить с диалектическим подходом, открытым к более равновесному пониманию геополитики. Американский империализм использовал десятки раз, прямо или косвенно, на уровне малых регионов или суверенных государств-наций, поддержку различных локальных сепаратистских настроений в бывшей Югославии, в Тибете, на Кавказе, в Боливии, в Конго... Современная история предоставила множество примеров этого. В том нет большого секрета, что империализм использует локальные региональные сепаратистские настроения для ослабления своих врагов, даже в контексте Сирии, согласно принципу «разделяй и властвуй». Региональная напряженность вокруг Сирии становится все более «напряженной». Анкара теперь обвиняет Дамаск в поддержке курдских повстанцев, спровоцировавших к концу июля в Курдистане порядка 150 смертей турок. Вчера, курдские повстанцы также проявили себя в других частях страны, близко к Измиру, убив одного турецкого солдата, и ранив 11. Министр иностранных дел Ахмет Давутоглы обвинил Сирию в вооружении курдских повстанцев. В свою очередь Дамаск обвиняет Анкару в помощи и вооружении совместно с Саудовской Аравией и Катаром Сирийских повстанцев, размещая и тренируя их на военных базах находящихся на их территории. Премьер-министр Турции, исламский националист Тайип Эрдоган угрожает нанести удар по курдским повстанцам на сирийской территории, если произойдут прямые атаки. Ситуация между этими двумя странами уже накалена, еще с конца июня, когда Сирией был сбит турецкий истребитель. Тем временем все бо-

лее обостряются отношения между Турцией и Ираном. Начальник штаба Ирана Хассан Фирузабади обвинил Анкару в подстрекательстве «кровавой бани» в Сирии, путем вооружения повстанцев, и пригрозил, что вслед за Сирией целью окажется Турция. Эти слова вызывали бурную реакцию Анкары. Тегеран вчера отменил предоставление виз Турецким гражданам. Новости в отношениях между Ираком и Турцией также достаточно сложны. Иракское правительство также объявило о незамедлительной переоценке отношений с Анкарой. С другой стороны, я получил весьма ценное заявление нынешнего лидера курдских повстанцев, который заявил, что они не будут оппонировать Башару аль-Асаду на данном этапе, и не поддадутся так легко эксплуатации американскому глобальному империализму и региональному Турецкому. Наконец, мы должны помнить, что сирийский конфликт – лишь последний на данный момент, входящий в общую картину большой империалистической стратегии США. Мы можем работать только потому, что империалистическая военная машина остановлена жаждой свободы и независимости народами и суверенными государствами, нациями.

Али Реза Джалили: Как я уже сказал, первый шаг после падения Асада – «Ливанизация» Сирии, это не превращение субъектов федерации в суверенные государства (балканизация), а лишь ослабление центрального правительства, нацеленное на укрепление местных вооруженных отрядов. Балканизация - более поздний этап, и должен быть принят во внимание, но только после определенного периода времени. До сих пор, люди разных национальностей и религий мирно сосуществовали в Сирии, благодаря толерантности правительства, возглавляемого партией Баас и семьей Асада. После падения этого баланса происходит взрыв этого порядка, и в этот момент мы не можем исключить сектантского насилия и резни по религиозным и этническим мотивам, как это произошло в Югославии после смерти Тито, или совсем недавно в Ираке и Ливии. Когда сильная власть падает, радикальные и фундаменталистские силы, остававшиеся ранее подавленными, становятся свободны. Если правительство Сирии падет, будет ужасная гражданская война, которая принесет пользу только врагам Сирии и региона, а именно НАТО и сионистскому режиму. Все, что мы видим сегодня в Сирии и на границах Сионистского режима,- это американский и сионистский

проект по преобразованию некоторых важных и крупных стран исламского мира в малые и слабые государства; таким образом, не будет никаких проблем в Тель-Авиве и США для создания программы «нового Американского века». США хотят сионистский режим, контролирующий регион, а не мусульманскую страну, лидера на Ближнем Востоке. Проект «балканизации» касается не только Ирака, Ливии, Сирии и Ирана, но даже такого важного союзника США, как Турция. Эрдоган поступает так, чтобы Анкара попала в ловушку, с помощью которой он хочет создать автономный Курдистан в Ираке и Сирии, не думая, что если объединить сирийский и иракский Курдистан, курды Турции захотят присоединиться к этому «великому Курдистану». К сожалению, турецкие лидеры слишком обеспокоены Сирией, и они забыли свои внутренние проблемы, поощряя дестабилизацию региона, с серьезным ущербом всем мусульманским странам, от Ирана до Сирии, пройдя через саму Турцию, не говоря уже о будущих рисках для России и Китая. Кто выигрывает, так это только Тель-Авив и США.

Чтобы предотвратить это, сирийское правительство, при помощи своего народа, должно бороться с террористами, Асад должен провести реформы политической системы в сторону демократии и многопартийной системы, как мы видели на парламентских выборах. Это единственный путь, который может спасти Сирию от «балканизации» и от западных заговоров.

Винченцо Магдалони: Я думаю, что произойдет регионализация и сектантизация войны: они начали с курдов и друзов, серьезных горных бойцов. Рано или поздно христиане тоже решат организовать свои вооруженные силы для оборонных целей. Судя по опыту Ливана, только международная среда может разорвать этот порочный круг, ускоряя или разрешая конфликт. Предлогом могли бы стать израильские бомбежки иранских ядерных заводов. Биньямин Нетаньяху и его министр обороны Эхуд Барак убеждены, что это необходимо. С их точки зрения, хаос в Дамаске - не только не препятствие, но и повод к вмешательству. В этой точке сирийская гражданская война будет вынуждена прекратиться, чтобы стать главной войной на Среднем Востоке.

Тим Керби: Если этнические группы в Сирии фактически возьмут контроль над страной и попробуют договориться друг с другом,

то линия разлома будет пролегать по этническим границам, в любом случае, контроль получат в итоге не этнические группы. Также как в Ираке и Афганистане, ранее тривиальные границы останутся на своих местах в таком же качестве. Возможно, я ошибаюсь, но единственный раз в недавнем прошлом, когда интервенция США вызвала отделение части страны - был в ситуации с Сербией/Косово, поэтому прецеденты недавней истории показывают что границы останутся на своих местах. Турция обычно подыгрывает НАТО, и я думаю эта страна окажет сильное давление для того чтоб не допустить создания курдами своего национального государства, что поддерживают в том числе курды на территории самой Турции.

Дидиму Матус: Думаю, что на осуществление подобного сценария брошены большие силы, как я уже говорил, с вероятным падением Асада ситуация сильно ухудшится. При катастрофическом сценарии, возможна внешняя интервенция, ситуация становится все более взрывоопасной. Трудно поддерживать единство при том, что там сегодня творится, полагаю, что с падением нынешнего режима, избежать разделения станет уже невозможно.

Ирина Громова: Мне кажется, что такой сценарий возможен, если события будут развиваться по ливийскому сценарию. В Латакии и Тартусе поддержка законной власти в настоящее время самая высокая. Если не удастся удержать Дамаск, и он будет взят по триполийскому варианту, и при этом Башару Асаду удастся спастись, подобно тому, как Каддафи удалось выбраться живым из горящего Триполи – то Латакия станет сирийским Сиртом. И на побережье вполне может возникнуть такая крепость, такой бастион, где Башар сохранит власть и влияние, куда переберутся алавиты и курды, и если Россия окажет помощь этому анклаву и его не удастся разгромить – то именно этот маленький кусочек земли будет последним непокоренным бастионом Востока.

Но вот о том, что там будет происходить уничтожение суннитского населения – это абсолютно исключено. Алавиты придерживаются мягкого, умеренного ислама, они не призывают резать суннитов. В отличие от суннитов, которые поддались на пропаганду еще более радикальных и жестоких течений в исламе – ваххабитов и салафитов. В районах, которые сейчас захвачены мятежниками, очень часто

можно встретить надписи на стенах: «Алавитов в гроб, христиан в Бейрут».

Алавиты же никогда не призывали никого уничтожать по признаку веры, это противоречит их религии.

Курды также могут воспользоваться ситуацией и отделить на себя часть Сирии на северо-востоке, в районе города Эль-Камышлы. Вот тогда серьезные последствия ожидают уже Турцию, которая, поддерживая мятеж, не просчитывает губительных для себя последствий.

Вы пишете, что «Эрхан считает, что как только правительство вмешается в процесс, прибегнув к насильственным мерам, это приведёт к ещё большему кровопролитию». По этому поводу могу сказать, что антитеррористические операции, проводимые правительством, наоборот, такой сценарий предотвращают. Если кто-то и способствует развалу Сирии и еще большему кровопролитию, то это ни в коем случае не правительство Сирии. Это те силы, что спонсируют террористов, помогают им – жесточайшим бандитам - на дипломатическом уровне, использует их как дешевое пушечное мясо и бросает на непокорную страну. Правительство же, напротив, борется с этой мразью, набранной со всех уголков мира. Там те самые бандиты, что когда-то воевали и в Чечне, и в Косово, и в Афганистане, и в Ливии. И которых в любой момент могут натравить на Москву и Питер. Но те бандиты, которые найдут свой конец в Сирии, - они уже не пойдут резать людей в России. Сирия сейчас очищает от подонков не только себя, но и весь мир. Эта страна не должна развалиться, она должна выстоять и победить!

Интервью подготовлено *Натэллой Сперанской*

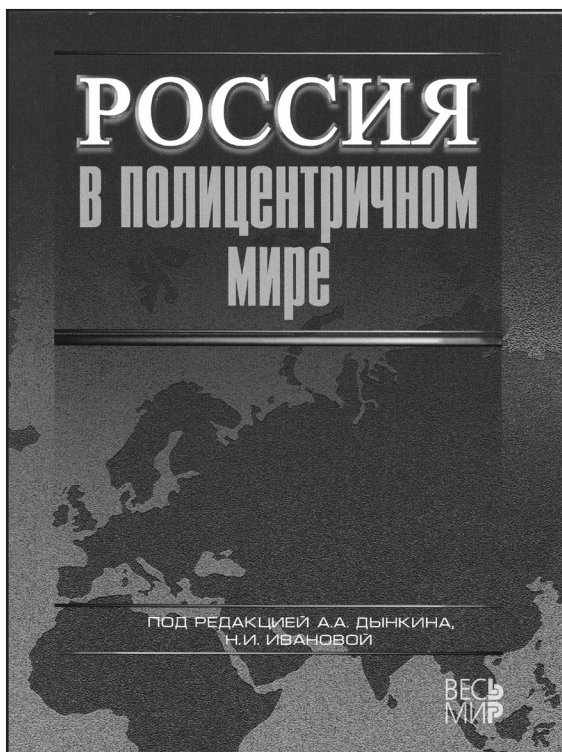
Перевод с английского: *Ваан Минасян, Денис Леонтьев, Антон Брюков, Валерий Красильников, Никита Игнатов, Карина Дрыганова.*

Раздел 4.

Рецензии

Дынкин А. А., Иванова Н. И. Россия в полицентричном мире. — М.: Весь мир, 2011. - 578 стр.

Монография, подготовленная группой авторов под редакцией А.А. Дынкина и Н.И. Ивановой посвящена перспективам создания многополярного мира и места в нем России. Как указано в предисловии, авторство которого принадлежит академику Евгению Примакову, «бесперспективность однополярного мироустройства подтвердил и развившийся в первой декаде XXI века финансово-экономический кризис», а «реальность перехода к полицентричному миру основывается и на понимании того, что складывающееся мироустройство, с одной стороны, объективный процесс, а с другой — является или должно быть результатом усилий различных государств, направленных на удовлетворение потребности мирового сообщества в стабильности и безопасности на международной арене». Книга состоит из трех частей, которые имеют разделы, разбитые на главы. Первая часть посвящена глобаль-

ным трендам и формированиям основ полицентричного мира. Она состоит из трех разделов: 1) Экономика: инновации и финансы; 2) Военно-политические аспекты; 3) Глобальные вызовы и международные отношения. Авторы попытались охватить широкий спектр вызовов и проблем — влияние глобализации, совершенствование механизмов финансового регулирования, ядерное оружие, конфликты и практика миротворческих миссий, терроризм, миграция, изменение климата, роль государства при росте значения транснациональных организаций, возможности глобального управления, а также интересы России. Во второй части рассмотрены возможности и роль основных акторов — ими обозначены США, Китай и Евросоюз, а к «восходящим гигантам» отнесены Россия, КНР, Бразилия и Индия, которые в 2009 г. институционализировали концепцию БРИК. Третья часть носит название «Пространства. Геостратегические интересы России». Авторы указали четыре основных направления — новая Восточная Европа, Южный вектор (куда входит весь Кавказ, Центральная Азия и Большой Ближний Восток), Арктический вектор и Африка. В зависимости от региона даны возможные сценарии развития событий, возможные риски безопасности и интересам РФ, а также потенциал. В связи с «арабской весной» в африканском разделе имеется специальная глава, посвященная революционным потрясениям в Северной Африке.

Читатели смогут ознакомиться с рядом нормативных документов, принятых в последнее время, статистическими данными, сравнительными таблицами и различными концепциями, которые связаны с международными отношениями. Дополнительную информацию можно получить, обратившись к первоисточникам по указанным ссылкам. В подготовке книги были задействованы специалисты из многих отделений Российской Академии Наук, а также МГИМО.

В целом книга служит попыткой объяснить современную динамику глобального развития и тенденции изменения возможностей государств, кто будет новым лидером (или разделять лидерство с другими) и какое качество может быть у новой международной системы. Кроме того, анализируются пока малоизученные вопросы в международном политическом дискурсе, которые, тем не менее, уже стали актуальными — это экология, пиратство, миграция и т.п. Безусловно, данный труд очень важен как для критического осмысле-

ния современных международных процессов, так и для разработки методологических и научно-теоретических задач, направленных на решение комплексных вопросов современности, иными словами, для широкой институционализации доктрины многополярности и выработки новой политической теории, которая будет учитывать ошибки предыдущих лет и, в то же время, иметь преемственность и легитимность для народов государств, которые не согласны с несколько затянувшимся «однополярным моментом».

Леонид Савин

Petito Fabio. The international political thought of Carl Schmitt: terror, liberal war and the crisis of global order. London: Odysseos, Routledge, 2007.

Сборник академических публикаций, посвященный идеям Карла Шмитта в оптике кризиса мирового порядка. Данная книга издана под редакцией Луизы Одиссеос и Фабио Петито.

Среди авторов также присутствуют Алессандро Коломбо, Мика Луома Ахо, Ален де Бенуа, Гари Улмен, Линда Бишаи, Андреас Бенке, Питер Бёрджес, Чентал Муффе, Данило Соло, Мика Ояхангас, Сергей Прозоров и Митчел Дин.

Традиция, связанная с Номосом Земли, пересмотр Вестфальской системы, а также критическое прочтение Карла Шмитта, включая этическое, метафизическое и мифопоэтическое, все эти исследования так или иначе подводят к необходимости скорейшего завершения эры однополярного мироустройства во главе с США и реструктуризации международного поля с сильным регионалистским уклоном.

Один из редакторов - Фабио Петито (представляет факультет международных отношений университета Суссекса) известен как сторонник и защитник идеи диалога цивилизаций. В одной из своих публикаций он называет диалог цивилизаций в качестве альтернативной модели мирового порядка. Он дает этому диалогу характеристику Глобального Политического Дискурса, который направлен против “конца истории” и “столкновения цивилизаций”. А в каче-

стве пространственного порядка Диалога Цивилизаций Петито называет многополярность. В целом работы этого автора направлены на радикальную критику политического и идеологического доминирования западного США-центричного либерального мира. Говоря о кризисе международных отношений, Петито отмечает, что сама политика понимания была бы уже значительным достижением. Но, для того чтобы решить столь сложную задачу, узреть ее корни, потребуются приложить огромные усилия, направленные на поиск выхода из небогатого выбора, предлагаемого современным западно-либеральным устройством мира, в сторону построения многокультурного мирного международного сообщества.

Леонид Савин

Александр Дугин. Теория многополярного мира. М.: Евразийское движение, 2012.

В России вышла первая книга, посвященная теории многополярного мира

Понятие «многополярного мира» является, пожалуй, одним из наиболее часто употребляемых в современном российском внешнеполитическом дискурсе. Высшие чины МИДа, послы и заместители министра, да и сам глава российского внешнеполитического ведомства Игорь Лавров, секретари Совбеза, президент Путин вот уже на протяжении почти 12 лет на все лады склоняют этот концепт. О многополярном мире говорит и мидовская внешнеполити-

АЛЕКСАНДР ДУГИН

**ТЕОРИЯ
МНОГОПОЛЯРНОГО
МИРА**

ческая доктрина и стратегия национальной безопасности России до 2020 года. Признается, что его построение – один из главных приоритетов нашей страны, с многополярным миром связывается не просто величие, особая роль в мире, но безопасность и само существование России как государства. Дипломаты и политики клянутся в верности принципам многополярного мира. Кажется, что в такой ситуации задавать вопрос, так что же такое «многополярный мир», не имеет смысла. Раз концепт так часто употребляется, то значит его значение настолько общеизвестно, что его может растолковать даже школьник. Однако на поверку оказывается, что все строго наоборот. Парадоксально, но ключевое понятие для будущего нашей страны, не приобретает четкого смыслового наполнения. Под многополярным миром можно понимать слишком многое, а значит - и ничего конкретного. Есть концепт, но нет концепции. И чем дальше такое положение дел затягивается, тем сильнее опасность выхолащивания, превращения в пустой штамп отнюдь совсем не случайно оформившегося на рубеже 90-х и 2000-х в российском дипломатическом дискурсе термина.

Вспомним, что тогда происходило в российской внешней политике. После катастрофического периода козыревщины и примаковской ремиссии, она медленно но уверенно шла к чему-то иному. Инерциально и в свете исторической традиции это воспринималось как возвращение к традиционной позиции сильной, стремящейся играть особую роль если не во всем мире, то на евразийском континенте уж точно, державы. Так оно в общем-то и было. Однако ситуация в мире, международная система изменились. Запад не просто как во времена царской России или Советского Союза доминировал в культурно-ценностной сфере, не только был главным оппонентом, но и объявил о своей победе в «холодной войне» и об установлении однополярного или «бесполярного» глобалистского миропорядка, где ни суверенной державе РФ, ни русской цивилизации не было места.

В этот-то момент и был взят на вооружение термин «многополярность», как ответ в первую очередь на концепт «однополярности», на односторонние и угрожающие суверенитету России действия США. Это смутное опротестовывание, несогласие, которое однако не несло в себе цельного альтернативного предложения, было ахиллесовой пятой российской внешнеполитической концепции.

Попыткой уврачевать этот изъян, впервые предложить цельную, детально проработанную, теоретически обоснованную концепцию многополярного мира и стал труд Александра Гельевича Дугина «Теория многополярного мира». Стоит отметить, что эта работа уникальная по своей обоснованности, фундаментальности подхода, глубине затрагиваемых не только международно-политических, но и философских и социологических проблем и не имеет аналогов и в мировой практике. Единственное крупное исследование по многополярности на Западе, вышедшее из-под руки Фабио Петито, оказалось очень полезным, но вряд ли сравнимо по масштабности поставленной задачи с той, что поставил Дугин. Александр Гельевич впервые осмысляет многополярность, а за ней и довольно сухую саму по себе теорию международных отношений в философских категориях; он начинает именно со схватывания всей проблематики современного мира на макроуровне, а затем движется к конкретике возможной реализации доктрины многополярности в современном мире.

В первой части своей работы профессор Дугин пытается идти от обратного, построив некий концептуальный каркас, ограничить поле поиска подходящего определения понятия «многополярность», обозначив предварительно, чем многополярность не является. Итак, многополярность – это не национальная модель организации мира по логике Вестфальской системы. За отдельным национальным государством (а их в мире более 200, в ООН входит 191) тяжело признать роль полюса – подавляющее большинство этих государств не могут даже сами обеспечить своей безопасности, являются зависимыми и не могут выступать в качестве носителей самостоятельной и суверенной воли в международных отношениях. Многополярный мир не является и воссозданием старой биполярной модели – ни одно государство мира не может сейчас в одиночку противостоять США, поскольку для этого в ближайшей перспективе такое невозможно, к этому нет ни теоретических, ни практических предпосылок. Конечно, говорит Дугин, это и не однополярный или бесполярный мир. Последний предлагает в принципе ту же гегемонию Запада, но уже в планетарном масштабе, Запада – как единственной планетарной ценностной системы. Многополярность, наконец, не является многосторонностью, с которой ее не просто часто путают, но и очень

рады путать либералы и сторонники американских интересов. Фактически, концепт многосторонности предполагает подключение к системе глобального управления разных стран или разных по географической локализации элит, но в рамках одной и той же американоцентричной или глобальной либеральной ценностной системы.

Что же тогда многополярность? Это не только совершенно новая модель мироустройства, но и новая модель осмысления международных отношений, в центре которой стоит понятие цивилизации. Если угодно, это целостный философский концепт, который может быть использован где угодно – в социологии, философии, политологии, в том числе в построении Четвертой Политической Теории. Теория многополярного мира может предстать и как ее внешнеполитическое продолжение и как важная философская и политологическая основа. Действительно, данное Александром Гельевичем осмысление концепта «цивилизации», войны и мира, и фигуры властителя в ТММ, соотношения элит и масс и многих других общеполитологических вещей, позволяет вывести на новый уровень Четвертую Политическую Теорию, как основную и неизбежную идеологическую альтернативу современному миру.

Достоинство этой книги не только в рассмотрении практических аспектов многополярности: воплощения, осмысления, бытования понятия в политическом дискурсе. И не только в детальном рассмотрении геополитики многополярного мира. Ее преимущество в том, что наряду с этими двумя важными составляющими, есть и нечто третье. Сделан первый шаг к построению теоретической, описанной на языке теории международных отношений политологической системы. Это новая теория в международных отношениях, она нуждается в развитии. Но теперь она есть – пролегомены к ней заданы. А это значит, что альтернатива современному миропорядку, проект будущего мира, получает шанс на воплощение. Пока в сфере идей, затем – в сфере материи.

Александр Бовдунов

Научное издание

Четвертая Политическая Теория

Выпуск 3

Материалы семинаров и конференций по политологии и политике
в современном мире

Теория Многополярного Мира

Центр консервативных исследований

119992, Россия, Москва, ГСП-2, Ленинские горы, МГУ им. М. В. Ломоносова,

3-й учебный корпус, социологический факультет

Тел./факс: (495) 939 03 73

E-mail: seminar@socio.msu.ru

www.konservatizm.org

Руководитель Центра - Александр Гельевич Дугин

Рактор-составитель

Н. В. С пер а н с к а я

Верстка

. И. В. М а к с и м о в

Редактор

. С. С. Т р о ф и м о в

Корректор

З. А. П о л о с у х и н а

Художественное оформление

Н. В. С пер а н с к а я

Подписано в печать 19.10.2012. Формат 60x84/16.

Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура Таймс.

Усл п. л. 20,2 Тираж 550 экз.

Евразийское Движение

117105, Россия, Москва, Варшавское ш. 1, стр 1,

бизнес-центр W-Plaza, офис А308

Телефон: +7(495) 514-65-16